

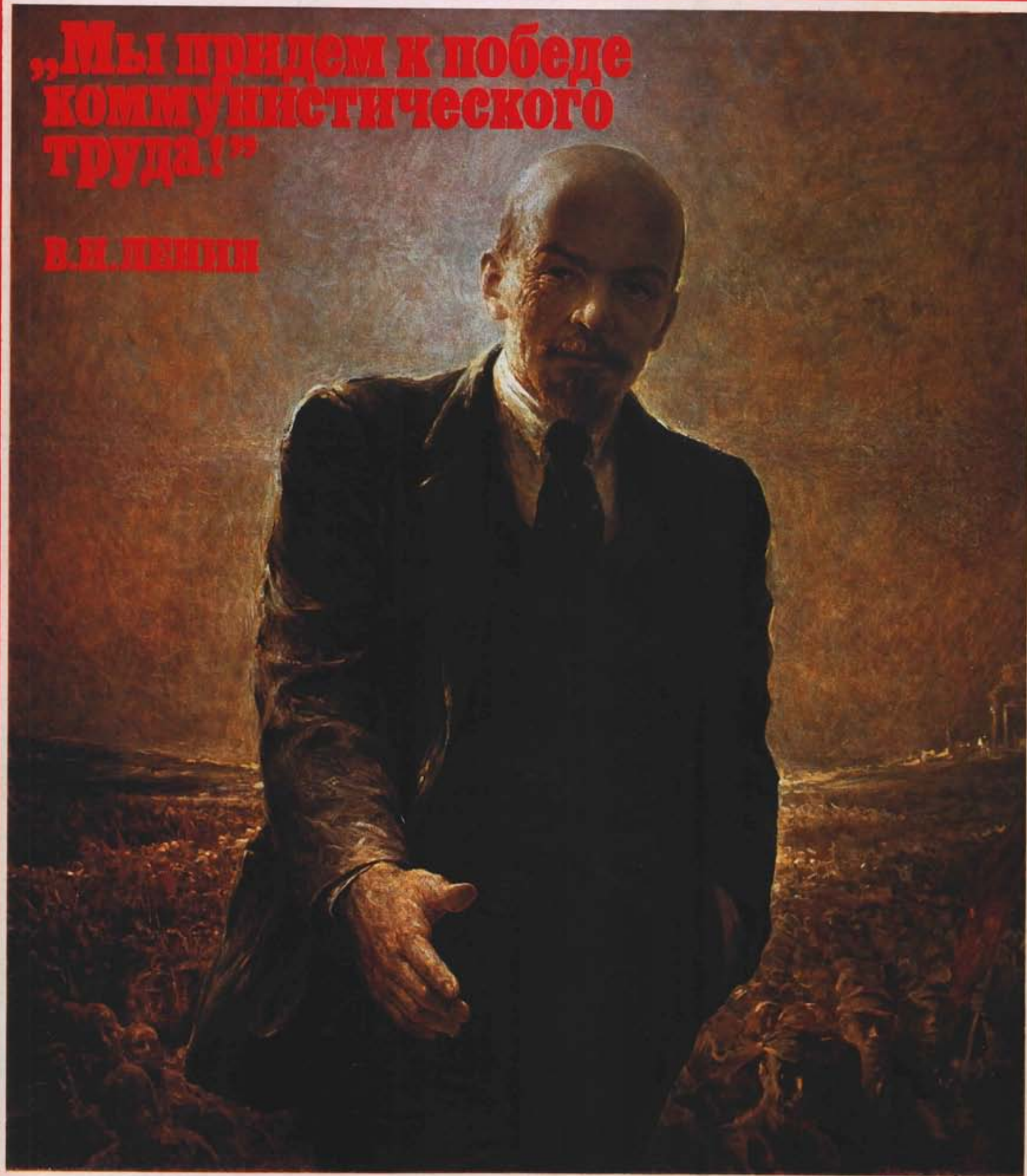
ISSN 0131-6556

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1983

**„Мы придем к победе
коммунистического
труда!“**

В.И.ЛЕНИН

Владимир СУХОМЛИНОВ

Думаю, правильно будет сказать: каждый из нас, вступая в жизнь, как самое светлое, удивительное, волнующее открывает для себя Ленина. Его соратников. Величие их борьбы. Испепеляющую страсть их жизни, в которой были и величайшие взлеты, и мучительные отступления, и даже поражения. Открывает Революцию как не просто выстрел «Авроры» или ночные костры патрулей в завьюженном Питере. А гораздо глубже, как уверенный, но и не простой шаг к мечте. Мечте о прекрасном будущем—будущем без гнета и ненависти. Именно она вела революционеров через преследования и каторги, через потери и разочарования, через удушающее непонимание и разнузданнейшую травлю. Но ведь было не только это! Ничуть не меньше было в их жизни светлых минут, прекрасных обретений и высоких побед. Впрочем, большевики жили, не ведая, как мерить на весах обывательского преуспевания сладость и горечь, жили, не думая о славе...

Взрослея, мучая, обретая опыт (разный, подчас противоречивый), возвращаясь к ним, мы еще раз, оная и снова— всю жизнь—будем испытывать острое чувство возвышающего открытия, почти юношеского удивления и очищающего восторга.

Мы называем их—Плеяда. Рядом с именем Ленина ставим другие прекрасные имена. Дзержинский, Луначарский, Калинин, Бауман, Чичерин, Шаумян, Коллонтай, Свердлов, Киров, Орджоникидзе... С ними неразрывно связано представление о кристально чистых, неиссякающих истоках Революции, «равной которой не знала история».

Когда они станут наркомками первого Советского правительства, чрезвычайными и полномочными посланцами, непобедимыми командармами, враги, кликушествовавшие о падении Советов через три дня, ну, максимум через пару недель, все же признают: новая Россия

отступление, считали отступничеством.

Ленинская правда восторжествовала. Большевики выстояли. Вокруг них все теснее спланивался весь народ.

Ленинские планы становились явью. Это уже факты истории.

А жизнь Ленина, жизнь тех, кого мы ставим с ним рядом, это не только ее достояние. Это наше бесценное нравственное богатство. Наши непреходящие ориентиры. Ориентиры для каждого дня. Ибо есть еще люди, которые равнодушны к общенародным заботам, живут лишь собственными интересами, а то и не прочь словечком, выгадать, преуспеть за счет других...

Да, впереди немало работы. Но мы смотрим в будущее с оптимизмом. У нас прочные корни. У истоков нашего дела стоят большевики.

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободному принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступать в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: пойдёмте в это болото!—а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу!—О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватитесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!»

Так писал Ленин осенью 1901-го. Нелегко выделить в этом программно-полемическом отрывке-манifestе ключевые слова. Но они есть. «Мы окруже-

жизненные неприятности, так как жизнь наша состоит в работе для дела, стоящего превыше всех повседневных мелочей. Дело наше родилось недавно, но развитие его будет беспредельным, оно бессмертно».

А спустя три года, 21 октября 1901 года, Дзержинский делился с сестрой: «Я возненавидел богатство, так как полюбил людей, так как я вижу и чувствую всеми струнами своей души, что сегодня... люди поклоняются золотому тельцу, который превратил человеческие души в скотские... и изгнал из сердец людей любовь... Помни, что в душе таких людей, как я, есть святая искра... которая дает счастье даже на костре».

Письма эти шли из тюрьмы. Тем же неприятием болота, примирения с гнусностями рабского существования, равнодушия и пассивного выжидания наполнены письма Сергея Кирова (Кострикова). Он пишет невесте из заточения в 1911 году:

«Тот счастлив, который не замечает, как уходят в Лету годы. Зато глубоко печально положение человека, чувствующего, как идут минуты...» «Черт возьми! Хорошо все-таки на свете жить! Временами начинаешь понимать людей, которые из-за одного мгновения, могущего захватить всего человека, заполнить всю его душу и сердце, помыслы и все существо его,—могут жертвовать даже жизнью».

А вот Николай Бауман спорит с близким человеком—отцом, который желает сыну жизни полегче. Лечил бы-де себе животных, честно делал свою работу ветеринарного врача... Но был болел мир, и Бауман избрал бригаду.

«Несчастливы,—считал он,—становятся не те, которые голодают, холодают или сидят за решеткой, и, наоборот, счастливы не те, которые живут в богатстве и безнаказанно пользуются свободой. В действительности же тот несчастен, кто сбился со своей настоящей дороги или не мог найти ее вовсе; а счастлив тот, кто идет неуклонно, без страха и сомнения, туда и прямо, куда указывают ему совесть и убеждения... Остается один путь: «Живи в мире и

надписях—новых, революционных!—на зданиях, и о бюстах Радищева, Маркса, и возмущаться небрежно изданной брошюрой. Ведь революция пришла не на один день—навсегда. В этом у него не было сомнений. Никаких. Ни на минуту. И он не жалел своих сил, словно предчувствуя и эсеровский выстрел на заводе Михельсона, и то, что ему остается не так уж много дней и ночей. И как же было больно Ильичу, когда кто-то о чем-то забывал, что-то не успевал, хотя должен был, обязан был помнить и успевать. Любое невыполнение революционных обязанностей Ленин считал преступным. По праву считал...

Они, его товарищи, единовольцы, тоже считали так.

«Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля—бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным...»—так писал Ф. Э. Дзержинский в мае 1918-го жене. И ей же чуть позже, 29 августа:

«Моя воля—победить, и, несмотря на то, что весьма редко можно видеть улыбку на моем лице, я уверен в победе той мысли и движения, в котором живу и работаю...»

А вот Луначарский о Ленине: «Я думаю, что в истории ни у одного народа еще не рождался такой человек, как Ленин, человек исключительно революционного, боевого темперамента, человек не только гениальной мысли, но и решительных действий».

Каждый из них хорошо понимал: долг перед Революцией превыше всего, и его выполнение требовало именно этого—решительности. Так же, как доброты и человеколюбия.

С. М. Киров (из доклада на IV Астраханском губернском съезде Советов, ноябрь, 1919):

«Напрасно думают, что наша задача—возможно больше уничтожить врагов. На нас, коммунистов, часто клеветают, что мы не ценим человеческой крови. Это неправда. Это гнусная клевета. Мы свято чтим человеческую кровь...»

Как бы предвидя обвинения в жестокости и других смертных грехах, Ленин

НЕГАСНУЩИЙ

имеет самое образованное и талантливое правительство в мире.

Конечно, буржуазные политиканы отнюдь не обнаружат тем самым знания объективных законов истории или понимания того, почему же сильно правительство, чьи комиссары—это народные министры, а послы—это послы народа, веками угнетаемого, но талантливого, вольнолюбивого, а теперь познавшего освобождение и выдвинувшего великих сынов. Но ведь нужно же было как-то объяснить очередную загадку непостижимого «российского сфинкса» да и самооправдаться: попробуйте, мол, сбросить этих «красных» во главе с Лениным, если они так умны, расчётливы и так все ловко подстроили с этим октябрьским переворотом.

Враги не признались бы себе и в другом: большевики сильны потому, что едины, сплочены великой праведной идеей, что живут и действуют ради народа, по четкой разработанной партии, Лениным плану грандиозного переустройства огромной многоязычной страны. Пусть и в условиях блокады войны и голодом, разрухи и нищеты, темноты и забитости, которые прежде насаждались, ибо устраивали власть имущих. Пусть и в условиях, когда каждый шаг, маленькое продвижение вперед были шагом в неведомое. Когда даже ближайšie соратники иной раз не понимали главу первого правительства—Ленина, когда гениальный тактический маневр, необходимое временное

ны со всех сторон врагами...» Да, дорога мытарств вне родины, царских преследований, каторг и сылок,—это вовсе не сладкий калач. «Путь борьбы, а не путь примирения...»

Да, это сложный путь. Но они, молодые революционеры, соединились для борьбы против старого, прогнившего буржуазного мира. Соединились по истинно «свободно принятому решению». Именно поэтому так гневно звучит у Ленина: «Не пачкайте великого слова свобода...» Они понимали свободу как свободу для большинства. Свободу не грабить, не толкать, не обирать, не унижать того, кто послабее, а свободу помогать, делать счастливым того, кто рядом с тобой и кто далеко, но носит одно с тобой звание—Человек труда.

В борьбе, подобно своему учителю Марксу, они видели счастье, и эта борьба, по их твердому разумению, вела в итоге к счастью большинства—абсолютного, подавляющего.

Да, их было немного—«тесная кучка», но они уже не были одиночками, за ними уже был бесценный опыт сражений. Незримо рядом, как поддержка, опора, как теплое дыхание надежного друга, за спиной стояли просветители, революционные демократы, парижские коммунары... У них, наконец, была марксова теория—великий рычаг для коренного преобразования мира. Феликс Дзержинский, когда ему шел двадцать первый год, писал сестре:

«Нас меньше всего удручают всякие

согласии со своей совестью!» Вот единственная заповедь, ...которую нужно всегда помнить и никогда не забывать».

Перечитывая переписку, задумываясь над судьбами этих людей, вновь и вновь осознаешь: революционерами не рождаются—ими становятся, их качества упорно воспитывают в себе, преодолевая сомнения и слабости, избавляясь от нищеты духа. На трудный путь борьбы не вступают случайно, а если вступают, то до первой нагайки или первого допроса. Счастье самоотречения, повседневного мужества выбирают не из жадности славы или власти. Они не мыслили, что их именами назовут теплоходы, города... Надеялись на одно—оставить зарубку правды в сознании, коснуться чистой рукой сердца еще не прозревшего.

Они, люди бессмертной плеяды, осознанно выбрали, нашли свою «настоящую дорогу». И ступали по ней твердо, с гордо поднятой головой, всем ветрам и невзгодам назло. На место одного сраженного заступали десятки новых...

«Революция и любовь—понятия одинаковой чистоты»—таким был негласный закон их кодекса чести. А враги, причем не только отъявленные мракобесы, но и примиренцы, либералы-чистоплюи, называли их сокрушителями святых (в первую очередь, конечно, ее величества частной собственности).

Но шла революция. Она касалась всего уклада жизни, всех ее сторон, и Ленин находил время, чтобы помнить и о

еще задолго до Октябрьской революции писал в работе «Попытное направление в русской социал-демократии»:

«...Мы признаем долг товарищества, долг поддержки всех товарищей, долг терпимости к мнениям товарищей, но для нас долг товарищества вытекает из долга перед русской и перед международной социал-демократией, а не наоборот».

Все они, Ленин и его соратники, незапятнанными несли через годы и испытания знамя высочайшего долга перед революцией, а значит, и друг перед другом. И всегда рядом с этим жило, билось, как теплый животворный родник, другое чувство. Любовь Ленина к товарищам, людям труда, талантливым людям—это сильнейший движущий мотив всех его революционных усилий, ибо гуманизм высшей пробы лежал в основе самой идеи справедливого социального переустройства, ничуть не споря, а, наоборот, подкрепляясь величайшей требовательностью к себе и другим.

Ленинская чуткость! Как прекрасны ее проявления, как ненарочиты!

Ильич заботится о здоровье уставшего, измотавшего себя работой товарища (Цюрупя не бережет казенного имущества, то есть здоровья; Алексей Максимович, батенька, поезжайте в санаторию...); беспокоится о незначительных, на первый взгляд, нуждах товарищей, особенно рабочих и крестьян; поддерживает надломленного неудачами работника; просит увеличить жалованье

В. И. ЛЕНИН С В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧЕМ ВО ДВОРЕ КРЕМЛЯ НА ПРОГУЛКЕ. 1918 ГОД.

ФАКЕЛ

старому профессору; требует «немедленно произвести расследование о причинах отнятия имущества родителей народного учителя Бурыкина в Спас-Деменске Мосальского уезда...»

Беседа в феврале 1921 года с крестьянином И. А. Чекуновым, Владимир Ильич узнал, что у того пропали очки. Тут же Ленин написал записку в Наркомздрав: «У меня сидит тов. Иван Афанасьевич Чекунов... Он потерял очки... Нельзя ли помочь ему достать хорошие очки? Очень прошу помочь...»

А вот какая любовь, восхищение товарищами:

«Луначарский вернется в партию... На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость»... Я его, знаете, люблю, отличный товарищ!»

«Это человек высокого ума. А революции нужны умы, к тому же умы бесстрашные» — это о Воровском.

«Чичерин — работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить. Что его слабость — недостаток «командирства», это не беда. Мало ли людей с обратной слабостью на свете!»

И еще вера в человека, доверие ему как обратная сторона требовательности, как осознание того, что готовенькими да стерильно чистенькими никто не приходит в революционное дело. И никто не застрахован от ошибок — только бы не подлость, не предательство.

«Тов. Дзержинский! Подательство Сидоренко был моим личным секретарем

несколько дней. Я был им вполне доволен. Уволен он был за один случай, когда в пьяном виде он кричал, как мне передали, что он «секретарь Ленина».

Сидоренко говорит мне, что он глубоко покаялся. И я лично склонен вполне верить ему; парень молодой, по-моему, очень хороший. К молодости надо быть снисходительным».

Так бескомпромиссная строгость к работникам, в особенности облеченным властью и большой ответственностью, сочеталась у Владимира Ильича с умением не ставить на оступившемся человеке крест, сохранить для общего дела, помочь освободиться от недостатков.

Помимо обвинений в фанатичной подчиненности дисциплине (как будто революцию, как и всякое большое, ломающее веками устоявшиеся традиции дело, можно совершить без настоящей дисциплины?!), их обвиняли в аскетизме. Дескать, это люди без сердца, без желаний; они не умеют наслаждаться жизнью, не видят ее красоты и очарования. Какая ложь!

«Так хочется... смотреть, смотреть без конца в твои так сильно дорогие, близкие, милые черты лица, вглядываться в твои глаза... Но еще больше, больше, сильнее всего хочется передать тебе все свои переживания, все свои думы, в самой передаче почерпнуть новые силы, сделать так, чтобы и тебя полностью захватило мое настроение, слиться в одном настроении... Много-

много хочется дать», — писал Яков Свердлов жене.

А вот строки из отосланного им из застенков письма Кире, дочери друга: «Долой пессимизм, при всяких условиях пойте гимн жизни!»

Председатель ВЦИК, секретарь ЦК партии Яков Михайлович Свердлов прожил 34 года, 12 из них он провел в тюрьмах и ссылках.

Ф. Э. Дзержинский:

«Я люблю жизнь такой, какая она есть, в ее реальности, в ее вечном движении, в ее гармонии и в ее ужасных противоречиях».

Как глубоко, тонко, даже романтично воспринимал бытие этот человек, прозванный «железным Феликсом»!

И точно лакмусовая бумажка — его отношение к детям, самым юным побегам жизни.

«...Не знаю, почему я люблю детей так, как никого другого. Когда встречаюсь с ними, то сразу исчезает мое плохое настроение».

Это из дореволюционных писем Дзержинского, а вот отрывок из его статьи «Детская беспризорность и ВЧК»:

«Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное, сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью... Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей».

А сколько интересны, как отражают самобытность, яркость личности выходя из древнего дворянского рода Г. В. Чичерина его юношеские ответы на вопросы семейной «анкеты». Один из вопросов: величайшее счастье? Ответ: «Сцепления». Неутоленные и вечно живучие желания, недостижимые и вечно сияющие горизонты, неизгладимые и вечно страстные воспоминания; испытывать вторжение пронсящих ветров и трепет всемирных веяний... И принимать участие в созидательном огне... Эпикуреизм выполненного долга и ирония преодоленных контрастов. Одна борозда в степи бескрайной. Радость народа, массы».

Бездумное наслаждение, беззаботное поглощение жизненных благ, не обремененное заботами об общенародном деле, — не случается ли, что сегодня у иных из молодых людей это перевешивает желание глубоко, в полную силу вспахать свою борозду?..

Еще одно свидетельство. Н. К. Крупская — о Ленине:

«...Он не был аскетом, любил и на коньках кататься, и на велосипеде гонять, и по горам лазить, и на охоту ходить, любил музыку, любил жизнь во всей ее многогранной красоте, любил товарищей, любил людей. Все знало его простоту, его веселый, заразительный смех. Но все у него было подчинено одному — борьбе за жизнь для всех, светлую, просвещенную, зажиточную, полную содержания, радости. Больше всего его радовали успехи в этой борьбе. Личное у него сливалось само собой с его общественной деятельностью...»

Им было трудно, но им было и легко. Они знали, к чему стремятся. Блуждание без цели всегда мучительно и пустоцветно. Светом, немеркнущим светом, на который они шли и который освещал долгий, тернистый, не всегда ведущий только вперед, знающий зигзаги и даже отступления путь, — этим светом был коммунистический идеал. Социализм уже тогда перестал быть только научным предвидением будущего. Он стал факелом, зажигающим в сердцах людей непреодолимую веру и энергию. Просто, но весьма емко сказал о коммунизме, о коммунистическом идеале Михаил Иванович Калинин:

«...У нас некоторые люди склонны рассматривать коммунизм как-то отвлеченно, не вкладывая в это понятие конкретного содержания. А что значит коммунизм? Это значит: давай как можно больше продукции и как можно лучшего качества! При этом я имею в виду

продукцию не только физического, но и интеллектуального труда — продукцию инженеров, архитекторов, писателей, учителей, врачей, артистов, художников, музыкантов, певцов и т. д.»

И у него же:

«...Мы противопоставляем капиталистическому обществу коллективизм-коммунизм, убежденные в его огромном превосходстве. От успешности внедрения коллективных навыков в производстве, общественной жизни и быту зависит в значительной степени и успешность коммунистического строительства...»

Конечно, этим далеко не исчерпывается понятие коммунизма и коммунистического идеала, но здесь точно схвачена сама суть, сердцевина. От общества, где каждый сам по себе, где в конечном итоге прав тот, кто сильнее и богаче, к обществу справедливости, прежде всего классовой, социальной, к обществу, где хозяином — каждый и все вместе. Помните чичеринское «сцепления»? Как афористично отразилось в нем мировосприятие холодности и одиночества в дворянском гнезде! Как ошущима жажда более тесной спайки, более тесного родства с людьми, с человечеством. С трудовым народом.

«Коллективный навык...» Это, конечно, далеко от представлений тех, кто сводил принцип к примитиву: все твое — мое... Это прежде всего помнить, что ты не один в мире, не пуп земли, что от всякого твоего поступка зависит успех или неудача общего дела, чья-то радость, чья-то боль... Помнить каждому. Помнить всегда...

Они осознанно шли на решение задач, которые даже фантастам казались невероятными. Они хотели всколыхнуть не поверхность моря — это по силам даже заурядной псевдореволюционной заварушке силой в трехбалльный шторм. Они хотели затронуть глубины человеческого мировосприятия, его суть. Не все это понимали тогда, считая дни и часы до прихода «мировой революции». Кое-кто не понимает и ныне — оттого и брюзжание...

Вставая против настроений шапкозакидательства, с одной стороны, и против подверженности унынию — с другой, Ф. Э. Дзержинский писал в Циркулярном письме правлениям синдикатов, трестов и красным директорам, и это его «Письмо», по существу, открытый разговор с товарищами. Разговор о сегодняшнем дне, о завтрашнем:

«Надо уметь видеть правду и воспринимать ее от масс и от всех участников производства. Нет ничего хуже самопохвалы и самодовольства. Идти вперед можно лишь тогда, когда шаг за шагом отыскиваешь зло и преодолеваешь его. Вместе с тем надо покончить с установившейся у нас практикой подлаживания к массе, к рабочим. Надо помнить, что у нас рабочие, как и мы сами, еще не культурны, что у них часто групповые интересы преобладают над интересами всего рабочего класса, часто недостаточно сознают, что только их полезный труд, продуктивность их труда могут создать коммунистическое государство, сохранить их Советскую власть».

Многое изменилось с той поры, когда были написаны эти строки, но титаническая работа по созданию нового мира, воспитанию нового человека не ослабляется ни на миг. Наша страна, сделавшая невиданный в истории бросок, пережив при этом тяготы гражданской войны, долгие экономическую и дипломатическую блокады, нашествие фашистской нечисти, стоившее нам 20 миллионов жизней, сумела все отстроить, поднять, возродить. Возродить и фантастически, если взять вещи в историческом разрезе, приумножить свою силу и могущество. Так вот, совершив все это, мы по-большевистски не можем быть удовлетворены достигнутым, не должны опускаться до того, что Дзержинский называл «самопохвалой и самодовольством». Поэтому битва за коммунистическое в человеке идет, разворачиваясь в новых условиях, в динамике нашей современности. Ведь именно от

человека в конечном счете все и зависит. Именно от того, насколько он убежден. Не на словах, а на деле, в глубинной сути своей...

Осмысливая жизнь той изумительной плеяды, перечитывая дневники, письма, работы революционеров, так живо обращенные к тебе, будто написаны вчера, невольно задумываешься над самой методикой воспитания, как это понимали они. Да, многим из них повезло с учителями, несмотря на общую атмосферу муштры и зубрежки, царившую в старой школе. Да, у многих из них было очень важное — хорошие, одухотворенные стремлением к чистоте и совершенству семьи и опыт первых поколений борцов за народное счастье. Но при этом как высоко ставили они повседневный, неустанный труд самовоспитания и самозакалки!

«Однажды в Питере, — подметил в личных записках герой гражданской войны Сергей Лазо, замученный японцами двадцатилетним, — задал себе вопрос: кто же я такой? Кем я хочу и кем я должен быть? С чем я должен считаться? Со своими мыслями, выстраданными убеждениями или с чем-либо другим?»

Всем существом моим тогда овладело стремление к знанию и стремление к действию...

Согласитесь, вопросы, подобные тем, что ставил перед собой Лазо, не проходят для человека бесследно. А мы, не чаще ли, чем нужно, занимаясь воспитанием вступающих в жизнь, сетуем на недоработки учителей, классного коллектива, цеха, пионерской или комсомольской организации? Всегда ли помним, что с юных лет надо воспитать, внушить человеку: ты ответствен за свои поступки. Прежде всего ты сам. А поэтому почаще спрашивай с себя строго...

Удивительно точны ленинские слова в речи на III съезде РКСМ:

«...Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество...»

И чуть ниже:
«...Таким образом, быть коммунистом, — это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в... борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества...»

Задумаемся над этими заветами еще раз, молодой читатель...

Сначала их были единицы — та великая плеяда и немногие их товарищи. В 1917-м, к VI съезду партии, их насчитывалось 240 тысяч. Сегодня Коммунистическая партия Советского Союза объединяет почти 18 миллионов людей. Коммунистическое движение — наиболее влиятельная и массовая политическая сила современности. Только с 1960-го по настоящее время число коммунистов в мире фактически удвоилось и достигло более 70 миллионов человек. На нашей планете их объединяют в свои ряды сегодня около 90 компартий.

И, может быть, именно в эти минуты молодой ангелец открыл томик ленинских работ. В эти минуты группа чилийских коммунистов в подполье проводит партийное собрание. В эти минуты афганские ребята, пришедшие в класс на очередной урок, слушают рассказ об удивительном человеке, вожде всех трудящихся Владимире Ильиче Ленине.

И несомненно, в эти минуты где-то в Запорожье или Риге, Могилеве или Кутаиси, Ульяновске или Тынде кто-то совсем молодой подошел к испытанному, опытному партийцу с просьбой дать рекомендацию в ряды КПСС.

Помните у Дзержинского: «Дело наше родилось недавно, но развитие его будет беспредельным, оно бессмертно».

...Каждый из нас, вступая в жизнь, открывает для себя Ленина. Его соратников. Их действительную мечту о будущем без гнета и ненависти, которая, как негаснущий факел, освещает тернистый путь человечества к коммунистическому будущему.

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «АЗОВЬЕ»

«ДОРОГА НАЧИНАЕТСЯ С ТРОПЫ, СУДЬБА-С МЕЧТЫ, А ГОРОДА-С ПАЛАТКИ...»

Более полувека назад в Донецком крае вышел первый номер журнала «Забой». Вокруг этого издания, выходящего ныне под названием «Донбасс», создалось ядро писательской организации, у истоков которой стояли Алексей Селивановский, Борис Горбатов, Павел Бессопадный, Юрий Черный-Диденко. Литературные группы стали возникать в других городах Донбасса, в том числе и в Мариуполе.

Тогда, в 1924 году, журналист Михаил Дымный, собственный корреспондент республиканской газеты «Коммунист», возглавил литературное объединение «Звоны Азовья», в состав которого входили молодые рабочие Мариуполя, крестьянские парни окрестных сел. Из рядов этого литобъединения вышли затем греческий поэт Георгий Костоправ, писательский билет которому подписывал А. М. Горький, известный советский кинорежиссер Леонид Луконин, другие поэты и прозаики.

Традиции творческого объединения нельзя представить без тех известных писателей, которые жили в городе металлургов или в разное время посещали его. А. С. Новиков-Прибой, Всеволод Кочетов, написавший роман «Братья Ершовы» на материале одного из мариупольских металлургических заводов, Владимир Попов, автор по-настоящему донецких романов «Сталь и шлак», «Обретешь в бою», Владимир Сосюра, Леонид Первомайский и многие другие.

Сегодня литературные силы клуба «Азовье» представлены разными поколениями. Это и бывшие фронтовики — машинист ТЭЦ Иван Битюков, инженер-металлург Николай Бериллов, литераторы, детство которых пришлось на нелегкие военные и послевоенные годы, — электрик Анатолий Заруба, моряки Алексей Чиркин и Леонид Олейник, рабочие Анатолий Белоус и Василий Мамнев, журналист Виктор Ревакин, бывший офицер Советской Армии Павел Бессонов, учитель Геннадий Мороз, многие другие. Только за последние годы семеро поэтов и прозаиков литобъединения стали членами Союза писателей СССР. В различных издательствах страны вышли их книги. На сцене Донецкого областного русского драматического театра с успехом идет пьеса Леонида Олейника «До связи, капитан!». Пишут ждановские литераторы на русском, украинском и греческом языках.

Много внимания клуб «Азовье» уделяет рабочей тематике, а потому часто проводит встречи с металлургами, строителями, моряками. Добрые, дружеские связи у ждановцев с литературными объединениями Донбасса, города Рустава. В 1979 году донецкое издательство «Донбасс» и тбилисское «Мерани» выпустили книгу дружбы «Сталь и море», где представлено творчество литераторов Жданова и Рустава.

Город Жданов — один из крупнейших индустриальных центров Украины, площадка ударных комсомольскихстроек на металлургических гигантах — заводах «Азовсталь» и имени Ильича. И эта особенность неизбежно находит отражение в творчестве членов литобъединения. Темы труда, новых социальных отношений в производственных коллективах, энтузиазм и пафос всесоюзных ударных строек, дружба народов, жизнь рабочего человека, нашего современника — таковы ведущие, основополагающие направления творчества ждановских литераторов.

Иван МЕЛЬНИЧЕНКО,
председатель правления Донецкой организации
Союза писателей Украины

Павел БЕССОНОВ

Послевоенное

В сельском клубе вымыты
Полы,
Стены побеленные белы.
Балалаечник тиранит
Три струны.
Темнотою все углы
Обнесены —
Гильза от снаряда
Дарит свет,
А другого освещения
И нет.
Потолок провис горбато.
Духота.
А по лавкам все девчата —
Теснота!
Мы не сельские,
Пришли со стороны.
Говорливы мы и чуточку
Вольны.
Сапоги скрипят кирзовые
На нас.
— Эй, девчата!
Выходи на общий пляс!
Девушки примолкшие
Робки.
Не торопятся подать
Руки.
Мы танцуем лихо,
Веселясь,
«Яблочко»,
Чечетку,
Быстрый вальс.
Но пора нам.
Увольненья кончен
Час.
Девушки, грустя,
Глядят на нас.
— Девушки,
За нами нет вины,
Что дружки
Не возвратились к вам
С войны!

Наш город

Этот город у моря,
И рядом причал.
Так пуская не моряк я,
А парень с завода,
Но я знаю: коль чайки
Пугливо молчат,
Значит, скоро ударит
Лихая погода.
А пока шевелится лениво
Волна,
Да стоят маяки часовыми
Бессонно,
Да у четкой дуги горизонта
Виден,
Словно черточка,
Баржи борт многотонной.

Читатель — «Смена» — читатель. Читатель — «Смена» — читатель. Чита

Клятва под свист пуль

Короткое затишье в ходе ожесточенных боев в районе Снявина. Наши войска завершают прорыв блокады Ленинграда.

И вот решено провести комсомольское собрание. Повестка из одного пункта: прием в комсомол. Почти все заявления начинаются словами: «Хочу идти в бой комсомольцем».

Едва успеваем проголосовать за прием наводчика второго орудия Мочова и заряжающего орудийного расчета Кузнецова, которые отважно сражались в прошедших боях, как налетают вражеские самолеты и начинают бомбить нашу огневую позицию.

Все — к своим орудиям, отбили атаку и... продолжаем сражение. Но нет уже на

нем некоторых бойцов, подавших заявление о приеме в комсомол. Отбивая атаку врага, героически погибли Иван Семенов, Петр Лосев, Степан Кочешков. Тяжело ранены Иван Гармата, Мария Гаврилова, Николай Петров. Стиснув зубы, слушаем заявление Ивана Семенова: «Я готов, не жалея сил, биться за полную победу над врагом, готов отдать свою кровь за Родину, за народ». Собрание постановляет: принять наших товарищей в ряды членов ВЛКСМ посмертно... И снова команда: «К бою!» Фашисты вновь пошли в атаку...

Часть наших орудий выведена из строя бомбежкой. Но артиллеристы мужественно встречают врага. Только что принятый в комсомол командир орудия сержант Матвеев, увидев, что убит наводчик, встает на его место и первым же снарядом точно бьет в колонну наступающих фашистов. А командир

разведки старший лейтенант Каноев мгновенно собирает группу автоматчиков из числа прибывших на комсомольское собрание бойцов из других подразделений. Группа заходит немецкой пехоте во фланг и ведет прицельный огонь.

Однако обстановка усложняется: показались вражеские танки. Встречаем их прямой наводкой, противотанковыми гранатами, бутылками с горючей смесью. Спускаясь с холма, танки катятся на вторую батарею. Приказав подносчику снарядов Подшивалову подготвить противотанковые гранаты, бросаю к замолчавшему орудью соседнего расчета. Но оно лежит на боку с оторванным колесом, а единственный оставшийся в живых из его расчета, Николаев, ведет огонь из автомата по пехоте. Присоединяюсь к нему. А из-за кустов заговорил второе орудие. Но танки приблизились на расстояние

Анатолий БЕЛОУС

Ремесло

Когда устанут руки от железа
в промасленной

слесарной мастерской
и жгут ладонь проколы и порезы,
ты не казнишь

судьбиною такой.
Ведь это просто кожа молодая
и неуменье ремеслом владеть.
Придет момент —

ты точно угадаешь,
куда ударить и куда что вдеть.
Ни стружка рук потом не одолеет.
И ни деталь

с горячего станка.
И будет гордость — та,
что всех милее, —
ты выполнил работу на века!

Анатолий ЗАРУБА

Человеку надо очень мало:
Снег примять по первопутку талому,
Уходить и возвращаться снова —
Это в жизни для него не ново.
И нужны ему всегда, как воздух,
Буйство трав и голубые звезды,
В дождь кусок безоблачного неба,
А в пути ломоть ржаного хлеба.
А когда леса в тумане кружат —
Знать, что в мире ты кому-то нужен.
И еще хоть чуточку удачи —
Человек не может жить иначе.
Хочет он, чтоб не рождались войны,
Беспокойно в мире жить спокойном,
И найти свой путь, свою дорогу, —
Человеку надо очень много.

Василий МАМНЕВ

Старый угольщик

У широкой груди причала
Бот забытый волна качала.
Бот как бот...

Некрасив, неважен —
Старый угольщик каботажный.
Вместо кранцев — обрезки шины,
Всюду трещины, как морщины,
Вверх тянулась труба худая,
Газорезчиков поджидая.
Люди шли —
Проходили мимо,
Кое-кто улыбался мило...
Если б знать им,
Какие дали
Эти трещины повидали,
Сколько миль на винты навилосьь,
Сколько бурь о бушприт разбилось.
И что он — Рядовой Азовья —
Для денкинцев был грозюю.

Сталевары

После смены, как после атаки,
Мы идем в ярком свете лучей,
Наши лица,

как черные маки,
Загорели от жара печей.
Мешковатые, в робах неловких,
Просоленные потом до глаз...
Лаборантки в халатиках робких
Провожают улыбками нас.
За спиной польхают зарницы —
Наш металл разливают в ковши.
И мечты,
словно светлые птицы,
Проплывают под небом души.
Мы идем и легко и красиво,
Шлак хрустит под ногой,
как жнивье...
Добротою богата Россия,
А металл, он защитник ее.

Рождение песни

К селенью жалась стылая река

В глуши,
Какой не видели веками.
Нам добрые селяне «на пока»
Отдали клуб,

где отдыхали сами.
Ветрище сыпал пригоршни крупы,
А Валька пел,

усевшись с краю лавки:
«...Дорога начинается с тропы,
Судьба —
с мечты,

А города — с палатки...»

Он пел и пел
Про светлую мечту,
Что строить нам

и сердцем и руками,
И то, что будет здесь,
Под песню ту
Назвали Комсомольском-на-Улькане.
И помолчали каждый о своем,
И улеглось за окнами ненастье...
А позже избран был секретарем
Надежный парень —
Тот, что пел про счастье.

ль — «Смена» — читатель. Читатель — «Смена».

15—20 метров, и мне удастся гранатой подбить ближний танк. Тут же прямым попаданием подбит второй. Из нижних люков выползают фашисты с автоматами. Ведем по ним огонь. Но почему-то не слышу выстрелов, полная тишина. Догадываюсь, что оглушен взрывной волной. Мелькают фигуры немецких автоматчиков, и мы бьем, бьем по ним...

Пять часов удерживали артиллеристы огневую позицию, и наконец подоспевший батальон нашей пехоты с ходу пошел в атаку. Вместе с пехотинцами врывается во вражескую траншею наш разведчик первого дивизиона Сергей Мельничук.

Когда мы с товарищами нашли Сергея на поле боя, едва теплилась в нем жизнь. Мы вынесли его на наши позиции и срочно отправили в госпиталь...

А встретились с Сергеем через сорок лет. Обнимаемся, плачем от радости. Вот уж поистине «праздник со слезами

на глазах». Рядом с нами пожилой человек с пустым левым рукавом рубашки, заткнутым за ремень, правой рукой обнимает фронтового друга. Чуть дальше, не стыдясь слез, обнимаются два седых человека, у которых на груди ордена и медали: «Лешка! Неужели ты живой?» «Живой, живой, как видишь. Да и ты молодцом!». А Александр Иванович Канюев, наш бывший начальник дивизионной разведки, пришел на встречу с внуком. Внук держится рядом с дедом и широко раскрытыми глазами смотрит на тех, кто задолго до его рождения отвел беду от его колыбели. Сегодня мы все рядом друг с другом.

И всегда, навечно рядом с нами те, кого мы принимали в комсомол посмертно...

Г. ФАЛЬЧЕВСКИЙ,
бывший комсорг дивизиона,
Кимры Калининской обл.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

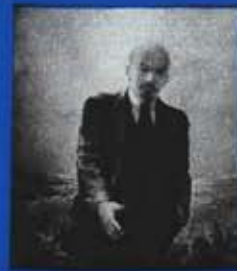
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1342) АПРЕЛЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«ЛЕНИН».

Картина
Елены ФЛЕРОВОЙ

1 К 113-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА.
Владимир СУХОМЛИНОВ. «НЕГАСНУЩИЙ ФАКЕЛ».

2 «ДОРОГА НАЧИНАЕТСЯ С ТРОПЫ, СУДЬБА — С МЕЧТЫ,
А ГОРОДА — С ПАЛАТКИ...»
Стихи участников литобъединения «Азовье».

4 ДИСЦИПЛИНА: ПОТРЕБНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ.
Александр ЧУГУНОВ. «ПРАВДУ ГОВОРЯТ В ГЛАЗА».

6 ЦРУ ПРОТИВ НАС.
Николай ЯКОВЛЕВ.
«ИЗ РОДОСЛОВНОЙ ПОДРЫВНОГО ВЕДОМСТВА».

9 Рассказ Марии КОРЯКИНОЙ
«КАПЛИ ДАТСКОГО КОРОЛЯ».

11 Стихи Николая ШУМАКОВА.

12 «МИНИСТЕРСТВО».
Фотоочерк Бориса ЛЬВОВА, Альберта ЛЕХМУСА
и Алексея ФЕДОРОВА.

18 Владимир АКСЕНОВ, дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР.
«ЧТО ВИДНО ИЗ КОСМОСА».

20 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Ирина РОДНИНА, Александр ЗАЙЦЕВ.
«ЧЕМПИОНОВ ТЕСНЫЙ КРУГ».

23 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

24 «ДВИЖИМЫЙ ЛЮБОВЬЮ К СОВЕРШЕНСТВУ».

25 ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
Документальная повесть Евгения РЯБЧИКОВА
«ЮНОСТЬ КУРЧАТОВА».

28 Леонид ПЛЕШАКОВ. «ПРОФЕССИЯ — МОДЕЛЬЕР».

31 Стихи Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО
и Ирины ОЗЕРОВОЙ

32 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редакколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИ-
КОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (за-
меститель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исеева

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

Александр ЧУГУНОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Великолукского завода
высоковольтной аппаратуры

Следы безнаказанности

Вот какой случай произошел не так давно у нас на заводе.

Рабочие инструментального цеха решили: хватит возиться с фрезеровщиком Расчетовым. Надоело. Да, специалист он хороший, но — пока трезв, руки не трясутся, голова соображает. Только немного у него таких смен набегаёт. Потому что, если запьёт, так на несколько дней. Потом является, начинаются разговоры о том, как он цех и товарищей подвел, последние предупреждения, обещания исправиться, более или менее нормальная работа... До нового загула.

В общем, кончилось у инструментальщиков терпение.

И вдруг буквально через несколько дней они узнают, что Расчетов преспокойно работает себе у соседей — в штамповочном. Там его приветили, пригостили, обласкали.

Инструментальщики к штамповщикам: «Как же так? Мы одно, а вы?» Им принимаются объяснять, что цеху нужны опытные фрезеровщики. «Фрезеровщики — понимаем, но прогульщики-то опытные вам зачем?» «А мы его перевоспитаем», — отвечают им. Инструментальщики только усмехнулись.

Совсем немного времени понадобилось штамповщикам, чтобы понять: работать как следует с такими «специалистами», как Расчетов, нельзя. Теперь решили увольнять его. В инструментальном, когда узнали, опять невесело усмехались: предупреждали же вас...

Вот я назвал эту историю случаем. А сейчас думаю: какой же тут случай? Случайно то, что непредсказуемо, что предугадать нельзя. Тут-то другое.

Вот вдруг «запропал» другой фрезеровщик, Ногаяев. Не на день — на неделю. По какой причине, все в цехе знают. Потому что не в первый раз уже. Послали за ним двух ребят, чтобы доставили гуляку в цех. Пришли они к его дому — на дверях замок, на крыльце снега сугробы намело. Соседи сказали, что уже несколько дней дома не ночует — гуляет.

Нужен цеху, заводу такой работник? Вроде бы ответ может быть только один: не нужен. Ну действительно, сколько можно говорить, воспитывать, наказывать, не наказывая. Например, предоставляя отпуск в удобное для администрации время. Так ведь в удобное для себя он уже погулял или погуляет, никого не спрашивая.

Казалось бы, пора прибегать к самой серьезной мере — увольнению. Чтобы по-настоящему встряхнуть человека, чтобы он задумался о своей жизни, пока не поздно. Да вот не знаю, подействует ли на него даже увольнение. Ведь увольняли его уже с завода. По статье. Он поработал на других предприятиях, где его принимали сразу, не прикился на них, вернулся к нам. И приняли его. Теперь спрашиваем друг друга: а стоило ли брать?

Другой прогульщик, когда его пригласили на заседание профкома для последнего разговора о его поведении, даже не соизволил явиться, а прислал записку: «Согласен с любым решением цехкома, которое будет принято без моего присутствия». Между прочим, должен был решаться вопрос о его увольнении. И цехком вполне мог предоставить ему еще одну возможность исправиться. Но человек даже не захотел ею воспользоваться. Ему все равно. Уволят или нет, какая разница. Уволят за злостные нарушения трудовой дисциплины — ничего страшного. Пристроится на другом предприятии. А своим

добрым именем, своей рабочей репутацией он никогда не дорожил — не приучен. И выгоды в этом никакой не находит.

Эта история — тоже случай? Также из ряда вон?

Уверен, что нет. Разве случайность то, что человек, не понесший никакого серьезного наказания за свои проступки, не ощутивший на себе тяжести их последствий, совершает их снова и снова, ведет себя все более вызывающе? Конечно, нет.

И забывая об этом мы не должны. А значит, должны быть суровее, требовательнее к тем, кто возомнил себя незаменимым, считает, что ему все дозволено. К тем, кто разучился контролировать свои поступки. Считает, что установленные на производстве правила и порядки не для него.

Право на строгость

Сейчас у нас многие цехи ставят перед отделом кадров вопрос так: не принимать на завод тех, кто был уволен с других предприятий за нарушение трудовой дисциплины. Считаю, они имеют на это полное моральное и любое другое право. Но польза от такой позиции будет лишь тогда, когда так же будут ставить вопрос все подразделения завода, все предприятия города. Задача, на мой взгляд, важнейшая. Потому что далеко не всегда еще у нас отдают себе отчет в том, насколько это острая проблема — безнаказанность. Между тем безнаказанность разлагает не только выпивохи и бездельники. Среди прогульщиков, летунов порой оказываются и вчерашние передовики из тех, у кого характер послабее.

Не раз приходилось видеть такое. Добился человек определенных успехов на работе, ему начинают спускать какие-то вещи, «шалости» и капризы. Закрыли глаза раз, другой — и вот уже не узнать передовика. Для него требование соблюдать, как и все, дисциплину чуть ли не личное оскорбление. А там неважная работа, переход с предприятия на предприятие, заливание «горя» водкой.

Опаснейшая это штука — безнаказанность, если она разъедает ум и душу даже хороших рабочих. А мы часто стесняемся быть строгими по делу, справедливо. Да ради самого человека нужно быть такими! Пока не затянуло его безвозвратно, пока есть возможность достучаться до его ума, совести.

Предвижу вопрос: что же, оставлять тех, кто уволен за нарушения трудовой дисциплины, вообще без работы?

Нет, конечно. Устраивать на работу их нужно. Дело только в том — как и куда? На мой взгляд, такие люди на новом месте должны терять в зарплате. А, во-вторых, брать их нужно уже не туда, куда им хочется. У нас достаточно еще предприятий с тяжелыми условиями труда, где рабочих рук остро не хватает. Разве не справедливо будет, если такие люди потрудятся не там, где хочется, а где нужно обществу, терпением которого они слишком долго злоупотребляли? Которому они нанесли своим поведением серьезный урон?

Не слишком ли строго?
Но, позвольте, ведь это же нужно уметь довести рабочий коллектив до того, чтобы он потребовал твоего увольнения! Это сколько нужно натворить дел! И разве дойдет до такого человек, в ком еще живы и сильны порядочность, совесть, рабочая гордость? Да никогда. Такому человеку одного серьезного разговора за глаза на всю жизнь хватит.

И потом мы же сами не слепые. Разве пойдет какой-нибудь рабочий коллектив на увольнение хорошего работника, о котором знает: случайно человек

оступился? Ясно — нет. Вот в том же инструментальном цехе зимой дважды опоздал на работу Владимир Богачев. У него дочка родилась, прибаливала, приходилось с ней ночами не спать. Но ему-то цех верит. Да и просто достаточно было посмотреть, как переживает Владимир свое опоздание, как стремится наверстать упущенное, чтобы все понять.

Или есть у нас на заводе другой парнишка. Молодой, недавно из ПТУ. И опоздания у него случались, и норму он порой не вытягивает, и прогул у него был. Разбирались с ним на цеховом комсомольском бюро. Причем говорили бережно, стараясь не обидеть ненароком. Потому что знали: неладно у парня в семье, порой дома не ночует. Наставнику его поручили уделять ему побольше

Из них 54 человека — молодежь в возрасте до 27 лет.

Без внимания ни один случай не остался. Прогульщики лишали премий, частично или полностью, им переносили отпуска и выносили выговоры. Многие из них попали в выпуски нашего «Комсомольского прожектора», который мы постоянно вывешиваем на самом видном месте у проходной. Есть у нас и такая форма воспитательной работы: два раза в год собираем всех прогульщиков на общее собрание. Им рассказывают о том вреде, который они принесли. На некоторых, еще не совсем законных, сохранивших чувство стыда, такое действует.

И все-таки нарушений еще слишком много. Почему? Выше я говорил о безнаказанности. Есть и другие причины.

РАЗГОВОР
НАЧИСТОТУ.

ПРАВДУ ГОВОРИ

ше внимания, причем не только на работе. Никто же не заикнулся, не подумал об увольнении. Думали, как поддержать парня.

Так что я убежден: если человек докатился до того, что стал своему рабочему коллективу не нужен, не дорог, виноват в этом прежде всего он сам. И встряхнуть тут его требуется основательно. Если мы не хотим окончательно потерять его как работника, как полноценного члена нашего общества.

Откуда берутся недоросли

В прошлом году на нашем заводе было потеряно из-за прогулов 336 человеко-дней. Прогуливали 157 человек.

По специальности я фрезеровщик. Работал в инструментальном цехе до армии, вернулся в него же после службы. Там же работал мой брат, наши друзья. За все время работы в цехе я ни разу не опоздал на смену. О прогулах и говорить нечего. Такого просто не могло быть. Соблюдать дисциплину, уважать свой труд, заведенный на предприятии порядок нас приучили еще в семье наши родители.

До сих пор помню: одно из самых тягостных впечатлений первых дней — неработающий станок в работающем цехе. Над всеми станками горит свет, на них разложен инструмент, склонились люди, зазвучали сверла и фрезы, и только один стоит темный, холодный, заброшенный. Было ощущение, что случилась какая-то беда... Потом выяснилось: самый банальный прогул без каких-либо уважительных причин. Я никак не мог понять, как же после этого

можно людям спокойно в глаза глядеть.

Нарушений дисциплины я, откровенно говоря, не могу понять и сейчас. Разбирали причину прогулов и опозданий молодой работницы. У нее на все было одно объяснение: «Спать сильно хотелось, вот и проспала работу». А какие другие объяснения нам приходилось слышать! Нелепые, смешные, придуманные на ходу. И знаете, что объединяло их? То, что авторы их относились к своей работе без уважения.

Скажу сразу: я не считаю действительно дисциплинированным, ответственным работником человека, который к началу смены, минута в минуту, регулярно появляется в проходной завода. Как и человека, проводящего время в цехе от звонка до звонка, но без всякой пользы для дела, способного не

завод не только на все ГЭС и ГРЭС оборудование поставляет, но и на атомные электростанции, и подстанции газопровода Уренгой—Ужгород без нашей продукции работать не смогут. А он мне отвечает, что ему на свидании девушке неудобно свои руки станочника показать. И вообще он ей не сказал, что он рабочий, какого-то тумана напустил. И многие хотели бы найти работу «лучше», чем работа станочника, сборщика, сварщика. Что значит «лучше»? Примерно вот что: чтобы была «непыльная», чтобы не только деньги получать, но и иметь возможность доставать дефицит.

За этим последним желанием—острая и наболевшая проблема. Ведь по нашим социалистическим законам только труд должен давать преимущества в

но, но только не рабочими. И получается: подросток и не представляет себе, что это за профессия такая, фрезеровщик, например, а предубеждение против нее в нем уже сидит крепко. Потом его в «добровольно-принудительном» порядке отправят в ПТУ учить специальности, к которой у него ничуть не лежит душа... И потом он приходит на завод.

Обычно ребята сразу же берут отпуск. А мы ждем, сколько на этот раз получим извещений из медвытрезвителя и милиции о «подвигах» наших рабочих. Ведь они уже считаются нашими рабочими, высоковольтниками, хотя стаж у них всего-то несколько дней. И, увы, извещения не заставляют себя ждать. По ним и судим, с кем из новичков нам придется особенно повозиться. Сразу берем таких на заметку.

Есть и другая категория трудных новичков. Это «тихие». Даст мастер задание—сделают. Объяснит—выслушают. Но сами инициативу ни за что не проявят. Зайдет утром наставник по дороге на завод к нему домой—попадет на смену вовремя. Не зайдет—ни за что поручиться нельзя. Вот и видишь у заводской проходной пары—рабочий постарше чуть ли не за руку ведет молодого парня. По всем статьям вроде бы точно такого же рабочего. Ведет, как в детский сад, на крупное современное предприятие со сложнейшим оборудованием, выпускающее сложнейшую аппаратуру, работа на котором требует ответственности, точности, самостоятельности. Какой тревожный парадокс!

Конечно, вовсе не все новички, приходящие к нам, таковы. Среди них много и таких ребят, как выпускник нашего базового ПТУ-8 Николай Прокопенко, сварщик участка № 19, неоднократный победитель конкурсов профессионального мастерства. Самым сильным желанием Николая с первых дней работы было желание стать настоящим мастером, профессионалом. А вот проблем, связанных с дисциплиной, перед ним попросту никогда не возникало.

У нас хорошие связи с нашим училищем, к его работе мы относимся с большим уважением. Иногда только невольно думаешь, какое это мучительное дело не воспитание, нет, а перевоспитание молодых ребят, в чьих умах и душах укрепилось превратное представление о жизненных целях и ценностях. И не всегда училище добивается здесь успеха. И нам многое зачастую не удается. И остается последняя надежда—на армию. «В армии научат!»—утешаем мы себя. Но ведь все могло быть иначе, если бы подростка сразу воспитывать верно.

Не верили в подряд не только рабочие. Среди его противников были и мастера, и начальники смен, цехов. Они видели, что им придется менять сложившийся стиль работы, а где-то и технологический процесс.

Но мы верили, что бригадный подряд позволит заводу справиться со многими трудностями. Прежде всего с выполнением плана. Дело было, конечно, не только в плане. Подряд нужен людям—вот что не менее важно. Он обогащает их труд, взаимоотношения, дает раскраситься лучшим чертам характера.

Всего один пример. Сейчас в штамповочном цехе на один наряд работают две смены, между которыми и внутри которых существовала жесткая конкуренция, самая настоящая погоня за выгодными работами. Их буквально рвали друг у друга, ситуация принимала просто нездоровый характер. О бригаде здесь и слышать не хотели. Сейчас в бригаде таких работ уже просто нет. Зато появилась необычная мера наказания—перевод на индивидуальную сделчину. Наказание это, наверное, самое строгое, если не считать увольнения.

Вдумайтесь в смысл происшедшего. То, за что держались, от чего боялись, не хотели отказываться, теперь стало наказанием. Это же самый настоящий переворот в сознании! И дело не только в том, что индивидуальный сделчик обычно проигрывает в заработке. Людям дорога сама атмосфера бригады, атмосфера общего труда, которая, не побоюсь этого слова, обогащает жизнь.

Разве с дисциплиной не так? Разве дисциплина меньше нужна людям? Ведь дисциплина—это не просто более совершенный уровень работы. Жизнь дисциплинированного, отвечающего за свои поступки человека более нравственна. В ней больше смысла, больше радости, она приносит больше удовлетворения. Если мерить, конечно, по высокому счету. Так что не только о материальном ущербе от разболтанности, недобросовестности нужно вести речь. Но и о том, что склонные к ним люди обкрадывают себя, свою жизнь.

А значит, борьба за дисциплину—это борьба не с людьми, это борьба за людей.

То, что укрепление дисциплины—это громадный резерв, который необходимо привести в действие, для всех очевидно. Причем здесь не нужно никаких материальных затрат, сложных перестроек. Я уже писал о том, сколько мы теряем из-за прогулов. Но ведь не только о них разговор.

Сколько у нас еще прогулов «скрытых», когда человек не работает в полную силу, а лишь время на работе проводит. Сколько никем не учитываемых, не анализируемых простоев, за которые никто не несет ответственности. То нужного металла нет, то чертежей вовремя, то деталей...

Ну, здесь-то дело, скажут мне, в плохой организации труда.

Не согласен.

Да, дисциплина действительно прямо связана с организацией труда, с общей постановкой дела. Понимать это важно и необходимо. Но как часто складываются ситуации, когда для наведения порядка нужны не усилия в масштабах предприятия, а всего лишь умение строго спросить со своего партнера, смежников по цепочке, не боясь поставить вопрос ребром перед мастером.

Многие ли идут на это?

Наверное, легче промолчать. Но вот честнее ли? У других позиция еще сомнительнее: сделайте так, чтобы всюду вокруг был порядок, тогда и я стану его соблюдать. Плохо верится в это.

Да и не такая, вынужденная, вымученная, пассивная дисциплина нужна нам. Наша цель—дисциплина действия, неравнодушная, которая выливается в инициативное, творческое отношение к делу, а не ограничивается исполнительностью в рамках приказов и слепым послушанием.

Такой дисциплины мы и будем добиваться планомерно, твердо, не ослабляя усилий.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ЧЛТ В ГЛАЗА

выполнить задание, нарушить технологию. Нет, у человека дисциплинированного по большому счету к началу смены и станок проверен, и инструмент разложен, и план смены разработан. К ее началу он уже весь настроен на работу, весь в ее власти, ритме. Сознательная дисциплина—это умение и желание работать с хорошей самоотдачей, творчески, нагружая до предела свои руки, ум, душу. Это значит работать с ясным ощущением, что ты занят настоящим, достойным делом, что твой труд нужен людям.

Но работать так нельзя, если не уважаешь свой труд.

Почему же многим молодым рабочим не хватает этого уважения к собственной работе? К работе, которая кормит, которая определяет твоё положение в обществе, в глазах других людей...

Разговаривали как-то о жизни с одним парнем. Я ему говорю о том, что наш

потреблении. А в жизни, увы, это далеко не так. Некоторых товаров не хватает, в результате они достаются тем, кто имеет возможность «доставать». То есть люди получают деньги по труду, а приобретают на них в зависимости от того, могут «доставать» или нет. Подорывает авторитет труда, в сознании молодых людей умение работать начинает котироваться куда ниже, чем умение «доставать».

Как бороться с такими взглядами? Не только словами и убеждениями. Надо строго контролировать распределение тех продуктов и вещей, нехватка которых ощущается. То есть сделать все, чтобы только труд был мерилем всех ценностей.

А вот в желании молодых людей обзавестись «непыльной работенкой», на мой взгляд, во многом виноваты их родители и близкие. Ведь во многих семьях в мечтах детей видят кем угод-

Резервы? Резервы!

— Вы можете увольняться, если хотите, но мы все равно от своего не отступим. И пугать увольнениями нас не надо, все равно не получится.

Так сказал на одном из собраний, где обсуждался вопрос о бригадной организации труда, начальник нашего механического цеха, обращаясь к противникам бригады.

Мне по душе такая наступательная, четкая, бескомпромиссная позиция. Считаю, такой же она должна быть у нас и в вопросах, связанных с укреплением дисциплины.

Внедрение подряда было делом сложным и нелегким. Временами это была самая настоящая борьба. Приходилось ломать в людях укоренившиеся представления о своей работе, об отношениях с коллегами. Многие не понимали смысла новой организации труда, боялись уравниловки, считали, что в бригадах сильным, опытным работникам придется «обрабатывать» слабых, немелких, что придется вкалывать за лентяев, что неизбежны серьезные потери в заработке.

НЕ РОДОВОЕ ПОДРЫВНОЕ ВЕДОМСТВО

Николай ЯКОВЛЕВ

Создание системы современной подрывной работы Вашингтона, нашедшей свое выражение в ЦРУ, восходит ко временам второй мировой войны. Без обращения к ее тайной истории трудно понять место и роль ЦРУ в нынешней американской государственности. На ЦРУ возложена задача ведения так называемой «психологической войны», что однозначно попыткам подорвать общественный строй государства, избранного целью, и в конечном счете свергнуть его. Шпионаж — производное и подчиненное этой задаче.

Острые «психологической войны», которую ведет Вашингтон руками ЦРУ, направлено против Советского Союза. В этом смысл создания и существования ЦРУ — организации, не имеющей прецедента во всей истории человеческого общества. В широком плане ЦРУ — один из важнейших и, вероятно, самый острый инструмент правящей элиты США для «перечеканки» мира по американскому образцу, насаждения в нем порядков, угодных Вашингтону.

Что бы ни утверждали ревнители чистоты американской «демократии», Соединенные Штаты к началу второй мировой войны были в избытке укомплектованы самыми различными службами шпионажа и контршпионажа. В этой сфере Вашингтон всегда предпочитал перебрать, не считаясь с неизбежными организационными издержками и материальными затратами. Они знали свое место и неплохо обслуживали текущие нужды государства. Так, вероятно, Соединенные Штаты и прошли бы через огненную грозу второй мировой войны, если бы руль государственного корабля держал человек меньшего калибра и с меньшей склонностью к тайной политике, чем Франклин Д. Рузвельт, нашедший себе понятливого партнера по делам потаенным в лице Уинстона С. Черчилля.

Хотя по разным причинам — Черчилль ввиду ограниченности ресурсов Англии, а Рузвельт ввиду решимости с наименьшими потерями для США ввести мир в «Американский Век», — оба положили гранитной основой своей политики стремление добиться победы над державами «оси» минимальной ценой для своих стран. К победе этой они стремились прийти во всеоружии, не растратив людских и материальных ресурсов в ходе вооруженной борьбы, с тем чтобы продиктовать обескровленному миру свою волю. Наученные российским Октябрем 1917 года, Рузвельт и Черчилль понимали, что повторение кровопролития первой мировой войны для США и Англии, а развитие военной техники к 1939 году оставило бы далеко позади его масштабы, может оказаться роковым, привести к коренным социальным сдвигам. В конечном счете и эту войну породил тот же строй — капитализм.

Путеводная звезда самой разнообразной тайной деятельности в рамках большой стратегии этих стран — добиться ослабления и уничтожения держав «оси» прежде всего руками других. Теоретически как добиться этого, секрета для Вашингтона и Лондона не составляло — действовать традиционными методами политики «баланса сил»: двое дерутся, третий радуется. Но вот методы! Тут много труднее.

С началом второй мировой войны Черчилль в воевавшей Англии и Рузвельт в невоевавших Соединенных Штатах стали изыскивать средства к

достижению этой цели. За быстрорастущей военной мощью англоязычных держав и в ее непроницаемой тени куда стремительнее развевался потенциал для тайных операций. Многие самые секретные шифры держав «оси» оказались раскрытыми криптографами западных союзников. Дешифрованные документы из германских источников докладывались Белому дому и на Даунинг-стрит, 10, под кодовым названием «Ультра». Была поставлена эффективная служба дезинформации на самом высшем уровне, дабы подтолкнуть противника на желательные действия или воспрепятствовать проведению опасных для Англии и США планов. Причем сделать так, чтобы врага ставить на гибельный для него путь, одновременно внушая, что именно он-де соответствует его интересам!

Английская разведка Интеллидженс сервис делилась своим необъятным опытом политических интриг и ставила на ноги соответствующие подразделения американских спецслужб. Подразделения такого рода постепенно создал и возглавил друг Рузвельта генерал Донован, до войны процветавший юрист с Уолл-стрита. Коль скоро сильнейшей державой Старого Света, противостоявшей агрессорам, был Советский Союз, то наша страна оказалась в фокусе внимания Вашингтона и Лондона, стремившихся, не спрашивая хозяев, распорядиться нашей мощью в своих интересах. Расчеты эти в конечном счете строили на песке, но от этого отнюдь не убывало рвение, скажем, Донована, отвечавшее его кличке «дикий Билл».

Начало Великой Отечественной войны Советского Союза оборвало подготовительную работу. Нужно было торопиться анализировать противоборство Советского Союза с европейскими державами «оси», с тем чтобы Вашингтон мог прийти к своевременным выводам и спланировать собственную политику. В компетентном американском исследовании вопроса подчеркивается: «Нападение на Россию сделало для него (Рузвельта) политически возможным назначить Билла Донована своим координатором информации», о чем было объявлено исполнительным приказом президента 11 июля 1941 года.

Первоначально было избрано самое туманное название «координатор» (термин УСС* появился 13 июня 1942 года), чтобы как сбить с толку врагов, так и обезоружить многочисленное ревнивое разведывательное сообщество, разгневанное и недоумевавшее по поводу появления соперника. А недовольными оказались 8 ведомств: ФБР, Джи-2, военноморская разведка, разведка госдепартамента, таможенная служба министерства торговли, секретная служба министерства финансов, иммиграционная служба министерства труда, федеральная комиссия связи, занимавшаяся и радиоперехватами.

Они не могли взять в толк, что УСС, формально подчиненное комитету начальников штабов, а в действительности президенту, — не только орган стратегической разведки, но и орудие тайной войны. Исполнительный приказ президента возложил на ведомство Донована «сбор и анализ всей информации и данных, которые могут иметь отношение к национальной безопасности». Р. Клинтон, начинавший в УСС и дослужившийся до заместителя директора ЦРУ, через три с половиной десятилетия отметил в книге «Тайны, шпионы и ученые» (1976 г.): «Поло-

жение, гласящее «сбор и анализ всех данных», многозначительно и, разумеется, отражает дух той разведки «из всех источников», который вдохновлял Донована, Аллена Даллеса, УСС и ЦРУ... В приказе был также изобретен термин «национальная безопасность», который жив и по сей день и является удобным оправданием значительной части разведывательной деятельности и равным образом служит туманным оправданием почти всего, чего желает президент».

Точнее, чего желает правящая элита США.

Создание УСС было важным этапом организационного оформления того, что называют «невидимым правительством» или «истеблишментом» в этой стране. В стенах руководящих органов УСС собралось немало представителей подлинных хозяев страны — богатей и сверхбогатей. Собирались, конечно, не для того, чтобы просто копить «информацию», а чтобы на основании оценок ее специалистами (в первую голову первоклассной профессурой, взятой на службу в УСС) действовать — обеспечивать свои классовые интересы методами тайной войны. Патриции взяли служить себе. Обозревая гегемонизм УСС, публицист Г. Уидлс подчеркнул, что генеалогическое древо ведомства в определенной степени восходило к английской Интеллидженс сервис: «Генерал Донован строил новую организацию по образцу английских специальных служб... УСС было собранием «высокородных». Здесь во время войны профессора вновь встретились со своими прежними самыми способными (и самыми богатыми) студентами. В УСС служил П. Меллон и его зять Д. Брюс вместе с сыновьями Дж. Моргана, отпрыском Дюпонов и Д. Диллоном. Чины получались легко (каждый из четырех сотрудников УСС был офицером), а военную дисциплину подчеркнута игнорировали... Общий знаменатель для них — успешное продвижение; впоследствии из УСС вышли по крайней мере двадцать послов».

В УСС потянулись некоторые русские эмигранты — внук Л. Н. Толстого Илья, князь С. Оболенский и другие. На связи УСС с правительством находился старший сын Ф. Рузвельта Джеймс. В ведомстве трудилось немало юристов, обслуживавших крупнейшие корпорации. Когда известный в те времена публицист Д. Пирсон сообщил, что УСС «состоит из банкиров с Уолл-стрита», Донован принял это как должное и не протестовал.

Возникновение УСС было показателем коренной ломки ведения государственных дел на высшем уровне в США. За фасадом «демократии» в эти годы оформляется структура подлинной власти. Все это было вызвано к жизни чрезвычайными обстоятельствами второй мировой войны, в которой теперь принимал участие Советский Союз. Американские патристии не могли не понимать, что участие социалистического государства в вооруженной борьбе против держав «оси» неизбежно приведет к усилению демократии во всем мире. Учреждение УСС ярко свидетельствовало об озабоченности будущим.

Очень проницательный американский историк А. Вульф попытался в общих чертах обрисовать подоплеку и цели тогдашних забот Вашингтона о проведении политики тайными методами (разумеется, не только через УСС):

«Создавшаяся атмосфера способствовала возникновению ощущения перманентного кризиса, который превратил предствление о свободе речи и самоопределении в устаревшие. Они стали «рос-

* Управление стратегических служб.

ВНОЮ ОПРЕ ТНОВА

С этого номера мы начинаем публикацию серии очерков о подрывной работе американских спецслужб в отношении нашей страны, подготовленных Н. Н. Яковлевым на основе его книги «ЦРУ против СССР». Книга была выпущена издательством «Молодая гвардия» в 1979 году, в этом году вышло ее новое, дополненное и переработанное издание.

Автор — известный советский историк, доктор исторических наук, профессор, работает в Академии наук СССР. Его перу принадлежат более двадцати книг по новейшей истории. Среди них «Новейшая история США», «Вашингтон», «Загадка Пирл-Харбора», «Франклин Рузвельт — человек и политик», «Силуэты Вашингтона», «1 августа 1914 г.», «19 ноября 1942 г.» и другие. Книжки Н. Н. Яковлева многократно переиздавались, выходили на многих языках народов СССР. Они также переведены в Аргентине, Болгарии, Венгрии, ГДР, Италии, Польше, Румынии, США, Чехословакии, Югославии, Японии.

кошью», по выражению сенатора Фулбрайта, пусть неудачно, но совершенно правильно. Поставив теории Льва Троцкого с ног на голову, новые государственные деятели вели дело в будущее к перманентной контрреволюции, многие из них, в сущности, копировали теории Троцкого, не понимая этого. Наилучший способ использовать преимущества войны заключается в том, чтобы всегда иметь войну, особенно если окажется возможным сделать это с минимальным участием в военных действиях.

Идеология перманентного кризиса стала ключевым элементом в изменении ценностей патрициев вместе с изменениями общих настроений... Они проповедовали новую мораль, согласно которой допустимы любые меры в пользу «национальной безопасности» — лишь бы они были действительными. Без них двойственное государство не могло бы существовать, ибо их аристократизм служил прикрытием злонамеренной политики, часто имевшей в виду убийства. Их двойственная мораль, по замечанию Р. Барнета, «заключалась в том, что они начисто не придерживались личного морального кодекса, занимаясь государственными делами».

Всех этих людей намертво связывали незримые, но очень прочные, пожизненные узы. Пытаясь проследить эти связи, исследователь вступает на очень зыбкую почву, ибо затрагиваются высшие тайны американской правящей элиты. С различными основаниями можно утверждать: рекрутский набор на высшие государственные посты объявляется много раньше, чем избранные занимают кабинеты в офисах. По одной версии, сообщенной журналом «Эсквайр» в 1977 году, первые шаги к своей карьере избранные делают уже в привилегированных университетах. В Изльском университете, например, выступавшем немало будущих деятелей УСС, обратил внимание журнал, «почти полтора года существует общество «Череп и кости», самое влиятельное тайное общество в стране и, возможно, одно из последних... Спросите-ка Аверелла Гарримана, есть ли в подвале некоего здания, похожего на гробницу, саркофаг, где он, молодой Генри Стимсон и молодой Генри Люс лежали голыми в гробу и повествовали четырнадцати другим членам Ложки общества о тайнах своей юношеской сексуальной жизни... Член общества военный министр при ФДР* Генри Стимсон, плоть от плоти американского правящего класса, назвал время, проведенное в гробнице, самым важным в его образовании. Никто, однако, из них не расскажет обо всем этом, ибо они связаны клятвой молчать до гроба».

Признание в юношеских грехах и грешках, надо думать, самая невинная часть ритуала членства в этом обществе, именуемом себя масонским. От его членов требуется полное доверие друг к другу, а для этого нужно быть искренним до конца, преодолеть естественное смущение, раскрыть перед другими даже интимные стороны жизни. Но дело много важнее — уже в университетах молодые люди объединяются в рамках, если угодно, ордена единомышленников и верны этому единству всю жизнь. Фигурально выражаясь, «отделы кадров» этих учреждений лишь штемпелюют пригодность кандидатов, уже проверенную в студенческие годы. По

этому критерию, вероятно, подбирались лица, которым вверялись ответственные посты. Свой корпоративный дух они принесли и на службу.

Как заметил английский исследователь Дж. Ходжсон в 1976 году, «государственная служба, особенно в УСС, оказывавшем предпочтение выпускникам лучших университетов, привила целому поколению интеллектуалов и ученых неугомонную жажду власти и стремление послужить государству. «Ведь мы тогда были всего-навсего юнцами, — с нежностью припомнил один из таких, Карл Клайзен, впоследствии заместитель М. Банди в Белом доме, а ныне директор Института высших исследований в Принстоне. — Да, мы были юнцами, капитанами и майорами, а отдавали приказы всему миру». Когда они вернулись в свои юридические конторы и аудиторские, то принесли с собой взгляды и связи, установившиеся в УСС. Им предстояло снова встретиться — Джорджу Боллу, Дэвиду Брюсу, Аллену Даллесу, Артуру Гольдбергу, Джону Кеннету Гелбрейту, Артуру Шлейнгеру, Уолтеру Ростоу, Полу Нитце и другим».

Встретиться на высших государственных постах, в первую очередь в ЦРУ. Но мы забежали вперед.

К концу войны в УСС работало свыше 30 тысяч человек. Исполнительский «мозг» ведомства, занимавший, вероятно, до половины его «туловища», — Главное управление исследований и анализа (РА) — возглавил маститый профессор истории Гарвардского университета У. Лангер. Первоначально разместившееся в библиотеке конгресса и никогда не порывавшее с ней, это гигантское подразделение УСС, напомним К. Форд, биограф Донована, «в конечном итоге стало крупнейшим сосредоточением преподавателей и ученых, когда-либо собранных вместе в государственном учреждении. РА сняло сливки с факультетов общественных наук по всей стране, забрав специалистов всевозможных отраслей знаний. В конце войны в РА работало 1600 ученых в области общественных наук из одного только Вашингтона. Так возник своего рода национальный университет, не имевший равного ни раньше, ни после... В 1964 году М. Банди в книге «Возможности дипломатии» писал: «Для истории науки поучительно, что первый громадный центр комплексных исследований в США был создан не в университете, а в УСС в Вашингтоне во время второй мировой войны. В подавляющей степени программы комплексных исследований, введенные в американских университетах после войны, были укомплектованы или руководились людьми, прошедшими через УСС, это замечательное учреждение, состоявшее наполовину из оперативников, а наполовину из ученых. И на сегодня верно, а я верю, что так будет всегда — между университетами и разведывательными органами правительства США существует высочайшая степень взаимодействия...».

Если взяться перечислять представителей старшего поколения американских ученых в области общественных наук, то есть тех, кто занял ведущее положение после второй мировой войны, трудно обнаружить не работавших в УСС. Большая часть из них отдала годы службе там.

Уже тогда, в дни перехода от войны к миру, когда не успели остыть орудия, американские спецслужбы начали закладывать основы мифа о советской «военной угрозе». Тон многоголосному докладу сенатской комиссии Ф. Черча, расследовавшей в 1975—1976 годах деятельность разведывательного

сообщества в США, задает вводная глава к этому официальному отчету. В ней сказано:

«Почти сразу после взятия Берлина Красной Армией американская разведка постаралась определить цели Советов. Офицер разведки Гарри Розницкий, впоследствии глава управления по делам СССР ЦРУ, был послан на «джепе» в Берлин... Он так описывал в показаниях комиссии (31 октября 1975 г.) свои впечатления: «Мы въехали в пригороды Берлина и кричали: «Американцы!», русские горячо приветствовали нас. На автостраде, а я хорошо знал Германию до войны, нам бросилась в глаза колонна немцев моложе 16 и старше 60 лет, которых гнали на Восток монголоидные солдаты ростом в 140—150 сантиметров в лаптях... Мы пробирались через руины Берлина, по большей части движение было односторонним, стараясь выяснить род оружия на позвонах каждого встречного солдата... Насмотревшись вдоволь, а все мы трое очень нервничали, мы ринулись прямо из Берлина в английскую зону. Когда мы добрались туда, то очень развеселились, почувствовали облегчение, ибо целых 36 часов были в другом мире. Первое, что мне пришло тогда на ум, — Россия идет на Запад».

Не было этого — не «гоняли» советские солдаты немецких мальчишек и старцев на Восток и не могли взять логово фашистского зверя Берлин недомерки, да еще «в лаптях», не обозначали на фронтовых погонах номеров частей и не «шла Россия на Запад». Все врал паршивец в мундире офицера американской разведки своему начальству тогда, а спустя тридцать лет, уже стариком, сенаторам. Он представил полтораасоточное пребывание в Берлине как некий «подвиг». А его вместе с двумя такими же подонками наверняка сердечно приветствовали советские воины. Как союзников, не ведая в радости победы, что к ним прикатила паскудная компания глуповатых шпионов.

То, что сошло для сенаторов, вероятно, оказалось слишком для американского издательства «Ридерс Дайджест Пресс». В отличие от седовласых законодателей, принявших вздор Розницкого как должное, ибо он соответствует стереотипам их мышления, редакторы дрогнули.

В выпущенной в 1977 году, через два года после памятных показаний Розницкого в комиссии сената, его книге «Тайные операции ЦРУ» тот эпизод был начисто лишен колоритных деталей, приемлемых на Капитолийском холме: «Тогда никто не знал, что русские делают в Берлине, и трое из нас, один говоривший на русском румын, вызвались проникнуть в русскую зону и посмотреть. Напряженно и с опаской передвигаясь, мы потратили пять часов, чтобы перебраться через границу зоны, и провели шесть часов в Берлине. Зрительные впечатления сохранились у меня по сей день: Толпы немецких мальчишек и стариков, которых гнали по берлинской кольцевой дороге на Восток и т. д., «лапти» и прочее исчезли, надо думать, под редакторским карандашом, как и «36 часов» пребывания в советской зоне. Но дух остался: «Россия идет на Запад, пронеслось у меня в уме, Европа больше не будет прежней!»

Мощным дополнительным стимулом для адептов науки была возможность в стенах УСС быть, конечно, внешне, на равной ноге с отпрысками самых богатых и влиятельных в США семей. Ученым, несомненно, знающим структуру власти, в заокеанской республике не могло не льстить общение с представителями семей Дюпонов, Райанов, Вандербильтов, Меллонов, Арморов, Брюсов.

Засилье ученых в УСС приятно поражило коллег — работников английских спецслужб, где также были широко представлены ученые. Это обнаружилось по самым различным поводам. Когда зимой 1943/44 года английские штабы пытались оценить возможный ущерб от предстоящего обстрела Британских островов самолетами-снарядами, начальник английской научной разведки Р. Джонс получил приказ принять американского инспектора. «Я был раздражен, — припоминал Джонс, — я знал, что мы работаем точно и не требуется никакой проверки со стороны, тем более что это влекло за собой раскрытие наших методов разведки». Приказ подтвердили, и вот «где-то в январе 1944 года прибыла американская инспекция, к нам пришел спокойный крупный мужчина, представившийся профессором прикладной математики Принстонского университета Х. Робертсоном. Он умолчал о том, что мы узнали впоследствии, — Робертсон был одним из ведущих мировых авторитетов в области теории относительности и входил в самую верхнюю руководящую группу УСС в Вашингтоне. С таким человеком нам нетрудно было обсудить все».

Интеллектуалы и даже жрецы чистой науки, оказавшись среди профессиональных разведчиков и дельцов, приобрели неожиданные качества. Во всяком случае, они на диво не боялись крови и с величайшим увлечением погрузились в кровавые предприятия. К временам УСС восходят в США

* Франклин Делано Рузвельт

опыты над людьми и попытки разработать методы контроля над их поведением, различные средства для увеличения эффективности допросов и многое другое в том же роде. Давняя практика американских спецслужб ликвидировать опасных противников без следствия и суда была «научно» обоснована, а применительно к задачам ведения войны от нее ожидали великих результатов.

Некий неназванный профессор сформулировал положение: для борьбы против держав «оси» необходимо «бороться террором против террора... Мы должны стать чудовищами, чтобы уничтожить чудовище». Новатор, описанный как «бормотавший под нос профессор», ввел в разведку прием, ставший практикой работы РА УСС. «То было прекрасное оружие при должном применении. Собирались все мельчайшие подробности о том или ином человеке, и вот вы могли представить его, как будто он был перед глазами». Первой жертвой новой техники стал гитлеровский сатрап в оккупированной Чехословакии Гейдрих. Был явлен «психологический портрет», из которого яствовало, что нацистский палач весьма опасен. УСС и британские спецслужбы нашли чешских патриотов, которые убили Гейдриха и погибли в последовавшей немецкой облаве, а жители деревни Лидице пополнили многомиллионный мартиролог замученных фашистами.

Ближайший коллега Донована, один из руководителей английской разведки У. Стефенсон, много лет спустя после войны объяснял мотивы УСС и британских спецслужб в этом деле: «Нужно было морально подготовить население внутри «Крепости Европы», наши партизанские действия должны были поддержать большинство населения. Был единственный путь обеспечить народную поддержку тайных армий — устроить побольше драматических актов сопротивления и контртерроризма». Это отлично вписывалось в американско-английскую стратегию воевать чужими руками, но ведь, за исключением убийства Гейдриха, мир не слышал о других крупных «драматических актах», что, вероятно, неплохой критерий возможностей УСС. Не интриги спецслужб США и Англии, а беззаветная борьба советского народа пробудила и организовала европейские силы Сопротивления. Вооруженный до зубов фашизм могла сокрушить и сокрушила только превосходящая военная мощь — Красная Армия.

Практика составления «психологических портретов», родившаяся в годы войны в недрах УСС, была унаследована со временем ЦРУ. Очень вероятно, что круг лиц, на которых они составляются, не ограничивается крупными деятелями. Еще более вероятно, что в ЦРУ ныне занимаются этим в отношении людей, которые сочтены опасными для существующего в США строя, — не только иностранцев, но и американцев. Похоже на то, что расследование, предусмотренное законом, заменяется совершенно произвольной процедурой составления анонимными специалистами секретного «психологического портрета», на основании которого наверняка могут быть сделаны выводы в отношении этого лица, опять-таки вне пределов очерченных законом. Оперативность налицо — вместо многотомного следственного дела тощее досье «психологического портрета», являющееся основанием в случае необходимости для внесудебной противозаконной расправы. Конечно, это — дело не такого рода, о которых ЦРУ кричит на каждом перекрестке.

Хотя в центре забот УСС по очень понятным причинам находились державы «оси», там никогда не обходили вниманием союзника — Советский Союз. Это констатируется в американской специальной литературе, разумеется, только в общих чертах и, несомненно, с порядочной дозой дезинформации.

В исследовании Т. Пауэрса, выпущенном в 1979 году и являющемся, в сущности, историей ЦРУ, эскизно прослежены работы УСС по поводу СССР в годы войны. Сославшись на работу Р. Смита «УСС: тайная история первого централизованного разведывательного ведомства» (1972) и присовокупив собственные изыскания, Пауэрс замечает: «История УСС, которая неразрывно связана с секретной политической историей войны, отмечена столь же ревностной работой против коммунистов, как и заботой о достижении победы над Германией. Некая женщина, работавшая на Аллена Даллеса в Берне, полагает, что фокус его внимания — примерно о чем думают отходя ко сну и просыпаясь поутру — стал перемещаться от Германии к России уже во время Сталинграда. В УСС, включая Хелмса, принимали как факт советско-американское соперничество на протяжении всей войны». То было дело, конечно, не только оперативного состава, но и ученых, работавших в УСС.

В истории советско-американских отношений в годы войны немало примеров попыток западных союзников дезориентировать нашу страну. Одна из наиболее памятных — информация, оказавшаяся

ложной, о направлении предстоящих немецких ударов весной 1945 года; обращают на себя внимание усилия США и Англии на самом высшем уровне привлечь внимание СССР к химерическому «Альпийскому редуту» в канун битвы за Берлин. Попытки сговора западных союзников (например, в Берне в 1945 году) слишком хорошо известны и были поводом для острого обмена мнениями между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом.

Но в целом интриги УСС против нашей страны в годы второй мировой войны не увенчались успехом. СССР выходил победителем. Это удваивало рвение УСС, занявшегося планированием политики США в отношении СССР в послевоенный период. Американский профессор Дж. Гэддис, просмотревший разрешенную ему часть архивов УСС, заметил в своей книге «Стратегия сдерживания», вышедшей в 1982 году: «Больше всего и наиболее последовательно УСС в годы войны занималось при анализе советско-американских отношений вопросом о том, в какой мере политика Запада сможет определить поведение Советов».

Естественно, не раскрывая содержания этих докладов, Дж. Гэддис подчеркивает, что в них исследовался вопрос «увязок», а именно, как соразмерить «морковки» и «дубины» в усилиях Вашингтона «добиться уступок» от СССР. Вашингтонские руководители, решавшие, например, что предоставить СССР по ленд-лизу, в этой связи пытались определить «подлинные» потребности нашей страны с тем, чтобы ничего из отправленного нам не перешло на послевоенный период. Как в отношении врага, так и в отношении союзника — СССР, американские и английские спецслужбы объединяли свои усилия, продолжает биограф Донована:

«Оценки РА мощи Советского Союза отличались от выводов англичан, и прилежный исследователь русской истории профессор Герольд Т. Робинсон из Колумбийского университета, который впоследствии возглавил Русский институт в этом университете, отправился в Англию в июле 1945 года, в Оксфорде. После недельного обсуждения английские коллеги признали: «У вас лучшие ученые, у вас больше информации, мы согласны с вашими оценками». Профессор Лангер настаивает, что ни одно правительство не имело в своем распоряжении ведомств, хотя бы приближавшихся к РА. «Включая немцев», — добавлял он. — Они могли бы учредить такое ведомство, если бы затеяли, но не обладали для этого должной компетенцией».

Нет никаких сомнений, что усилия УСС во многом содействовали практически бескровной высадке войск западных союзников в Северной Африке в 1942 году. Несомненно, УСС сыграло определенную роль в организации движения Сопротивления в европейских странах, оккупированных Германией. Конечно, УСС строго следовало классовому подходу, который препятствовал мобилизации демократических сил на борьбу, что могло бы означать усиление их влияния.

По сей день не совсем ясна роль УСС в организации оппозиции Гитлеру в высших кругах Германии. Этим занимался А. Даллес, и, хотя заговор против Гитлера 20 июля 1944 года провалился, мало похоже, судя по последующему пути А. Даллеса, чтобы в Вашингтоне сочли его банкротом в этой важной операции тайной войны. Побочным результатом этой неудачи был неслыханный успех западных спецслужб — сыграв на подозрительности мажоранта Гитлера, они помогли подвести под нацистскую расправу самого популярного военачальника рейха, фельдмаршала Роммеля. Верный служака рейха, он был отправлен на тот свет нацистами как «заговорщик» против Гитлера, каким он никогда не был!

Наконец, известно: помимо действий на «высшем уровне», УСС направляло на оккупированные территории вооруженные группы, создало, по крайней мере в Западной Европе, густую агентурную сеть. Донован, несомненно, гордился в первую очередь ролью УСС в «формировании» событий, а только потом как разведывательного органа. Это оказалось возможным только потому, что УСС сумело создать обширную агентуру в самых, если угодно, «чувствительных» ведомствах нацистской Германии.

В сентябре 1982 года были раскрыты показания А. Даллеса, данные перед одним из комитетов конгресса еще в 1947 году. Тогда, похвалившись успехами УСС, он указал: около 10 процентов личного состава гитлеровской разведки — абвера были настроены против Гитлера и сотрудничали с УСС. Руководитель абвера адмирал В. Канарис и его заместитель находились в прямом контакте с А. Даллесом, возглавлявшим резидентуру УСС в Швейцарии. По словам Даллеса, он «достиг определенных успехов, проникнув в германскую разведывательную службу, МИД Германии и некоторые другие ведомства». Как известно, Канарис был

казнен гитлеровцами по делу о заговоре 20 июля 1944 года. После войны ЦРУ приобрело для его вдовы виллу в Испании и выплачивало ей пенсию из своих фондов.

Когда глубокой осенью 1944 года войска западных союзников, оставив за собой Францию, вышли на границу Германии, Донован, по всей вероятности, счел именно этот момент наиболее удачным, чтобы хлопотать о будущем своего ведомства: успехи УСС, несомненно, облегчившие марш союзными армиями к рейху, должны были быть свежи в памяти высших руководителей США.

18 ноября 1944 года Донован, очевидно, после предварительной устной договоренности, подал Рузвельту бумагу, предлагая учредить после войны «центральное разведывательное ведомство» с обязательным подчинением его президенту. Задача ведомства — централизовать и координировать деятельность всех органов разведки, что «требуется для правительства в планировании и выполнении национальной политики и стратегии». Донован приложил к докладной проект директивы президента, в которой на будущее ведомство, помимо указанных целей, возлагалось «проведение подрывных операций за рубежом» (пункт 3, подпункт «е»), и даже с одобрения президента ему «предоставлялись армейский и военно-морской персонал для выполнения своих функций и обязанностей» (пункт 10). Итак, идеи Донована, определившие в конечном итоге структуру и деятельность ЦРУ, с самого начала предусматривали: на так называемую «разведку» возлагается задача подрыва государственного строя тех государств, на которые укажет правительство.

Американские историки на протяжении десятилетий жарко спорили о генезисе «холодной войны». Одна из школ в американской историографии, так называемые «ревизионисты», убедительно показала на рубеже шестидесятых и семидесятых годов, что ответственность за «холодную войну» лежит полностью и исключительно на американском империализме. При полном согласии в этом они расходились в деталях: когда именно США начали «холодную войну». Некоторые относили этот момент к апрелю 1945 года, первым дням Г. Трумэна в Белом доме, другие указывали на март 1946 года — речь У. Черчилля в Фултоне и т. д. Спорят по сей день!

«Длительные дебаты по поводу генезиса холодной войны», — замечает Т. Пауэрс, — для ветеранов УСС представляются просто глупостью. По собственному опыту они знают — с самого начала холодная война была продолжением настоящей войны». Подразделения УСС явились в Берлин вместе с американскими оккупационными войсками и «занимались теми же делами в отношении русских (установлением размеров и дислокации воинских частей, органов политического контроля) и теми же методами (через агентов), что они делали всего за несколько недель до этого в отношении Германии. Никто еще не называл Россию врагом, но к ней относились именно так».

Американские спецслужбы уже в 1945 году подобрали тех, кто служил гитлеровцам на оккупированной территории СССР и успел унести ноги вместе с отступающим вермахтом. О том, как сначала УСС, а затем ЦРУ пригрезало и использовали матерых палачей и убийц, известно очень мало. По сей день это тайна за семью печатями ЦРУ. В мае 1982 года бывший сотрудник министерства юстиции США Дж. Лофтус передал в печать сведения: после победы над Германией УСС, а затем ЦРУ тайно обеспечили въезд в США примерно 300 гитлеровских наймитов, бесчинствовавших в Белоруссии.

Иммиграционные законы в США, как известно, достаточно жестки. Великая «демократия» похвалается, что не даст у себя приюта «фашистам», каковыми, вне всяких сомнений, являлись названные Лофтусом подонки. Последовал скандал. Проверили списки лиц, въезжавших в США в те годы, в том числе по закону 1948 года, дающему право президенту допускать в страну 100 человек по собственному усмотрению в обход иммиграционных властей. Никаких следов этих 300 из Белоруссии. Оно и понятно — их, сообщила «Вашингтон пост», в США «использовали как шпионов и пропагандистов против Советского Союза в холодной войне». А на руках некоторых из них кровь десятков тысяч людей, убитых в Белоруссии во время нацистской оккупации.

За давностью — некоторые умерли, другие на пенсии — совместными усилиями ЦРУ и заинтересованных ведомств дело замяли. Представитель подрывной радиостанции «Свободная Европа», которому указали, что иные из упоминавшихся лиц все еще подвизаются у него на радио, нагло ответил: «Не берусь выносить суждение по поводу того, что делали эти люди 40 лет назад»...

Продолжение следует.

КАПЛИ ДАТСКОГО КОРОЛЯ

Евдоким Кузьмич сидел на отцовской продавленной седухе, придвинувшись к кровати, стоявшей в простенке у заборки и отделявшей комнату от кухни. Головная спинка ее была прикреплена проволочной петлей, надетой на вбитый до половины в подоконник толстый гвоздь с раздвоенной шляпкой.

На кровати в обычное время спала Ольга — она была старшая в нашей большой семье. Но когда тяжело заболел отец, его переместили с печи сюда, на кровать, а Ольга, потеснив нас на широко постланной на полу постели, высвободила себе место у стены.

Евдоким Кузьмич в горьком раздумье поглаживал колени, часто моргал, поглядывая на распластанного, недвижно лежавшего в забытьи своего давнего и надежного напарника и друга, моего отца.

Мать, управившись с делами, подошла к постели, поправила на больном одеяло, пожалела его и, поглаживая усталой рукой себя по груди, стала рассказывать про его болезнь.

— Первые дни, хоть и видно было, что ему сильно нездоровится, но оставался на ногах, даже на улицу выходил ненадолго. Весна-то нынче дружная, вот-вот ледоход начнется. Для него это самое радостное время — сразу, бывало, оживится весь, будто очнется, и только выдастся свободное время, отправляется на улицу: в ограде прибирает, чего-то постукивает, поколачивает. Ребятишки возле него толкуются. И уж загадывает, какое лето выдастся, о сенокосе поговаривать примется...

Отец на кровати застонал, провел языком по запекшимся губам. Я сорвалась с места — уроки делала, взяла чайник со слабой заваркой и, наклонив рожок, принялась его поить.

Евдоким Кузьмич чуть посторонился вместе с седухой, помял рукой рыжеватый от волоса подбородок и опять принялся поглаживать колени.

— ...Она возле него как сиделка. Чуть только пошевелится — уж тут как тут: то подушку подладит, одеяло подтычет, то пить подаст, то лекарство. Я уж теперь ночами к нему и не поднимаюсь — она все. Можно бы, дак и во школу бы не ходила...

Я замерла — что мама еще скажет. Но она ушла в кухню углей в самовар подложить. Я снова уселась за стол, уставилась в тетрадку, а на уме одно: и хорошо бы, если б не уходила в школу, а была бы возле папки — он бы скорее поправился. А уроки? Да Ленька или Галка списали бы у учительницы задание, а

я дома выучила бы... когда он спит. На улицу же играть сейчас не хожу. Лизка с Танька тоже не приходят: им не велено, потому что болезнь, может, заразная.

— ...А потом познабливать стало, — продолжала мама. — Посидит недолго, поежится, хотя и тепло в избе, кинет поверх одеяла полушубок и угнетится в постели: то поспит, то подремлет, то лежит, уставится глазами в потолок или за ребячьими проделками наблюдает. Есть стал вовсе плохо и на головные боли все жалуется... Я переживаю: покой ему нужен, а ребятишки — беда с ними! То, бывало, в избу не загонишь, а теперь только и толкуются в избе, шикают друг на дружку, за отцом наперебой ухаживают, стараются... Иной раз чуть не до драки. Чисто игрушку из больного отца сделали! Табуретку вон вместо столика приспособили, платок расстелили, поставили всего. Эта вон дак и зеркальце поставила. Ох, господи, господи! — Мать уткнулась в фартук, утерла слезы и со вздохом опять посмотрела на больного. Потом она расставляла на столе чайную посуду, сахарницу, сливочник с молоком, крендельки на тарелке, еще теплые, золотисто-поджаренные, принесла из кухни булькающий самовар и поставила на стол поближе к своему месту. — Давай, Евдоким Кузьмич, пододвигайся к столу. Чем богаты...

И только она успела это проговорить, отец начал бредить:

— Давай, Кузьмич, те два больных вагона с шестого в тупик, а на шестой подадим состав с третьего...

Мать заплакала. Евдоким Кузьмич склонился над больным другом, а я уж брэнчала умывальником, мочила полотенце прохладной водой, чтоб положить отцу на лоб — это ему, выдать, хорошо помогало, потому что он тут же облегченно вздыхал и успокаивался.

— Температура все высокая держится, от нее и бредит. Иной раз такое понесет... Иосиф Григорьевич заходит часто, осмотрит, послушает, есть, говорит, подозрение на брюшной тиф — в городе обнаружены случаи заболевания. В этот раз приволил с собою из больницы врача. Решили было на койку его класть, да отдумали, подождать, говорят, с этим можно. Что за болезнь — определить пока трудно, условия дома нормальные, питание тоже: молоко, яйца, овощи — все свое, все свежее... Да и то сказать: здесь-то, дома, — на глазах, а туда, в больницу, в этот заразный барак не набегаешься, да и не пускают туда... — Мать подливала Евдокиму Кузьмичу горячего чаю, пододвигала тарелку с крендельками и продолжала: — Конечно, если тиф — болезнь заразная, может и на ребят перейти... Ну, да никто, как бог. Лекарства, какие прописывают, даем. Иосиф Григорьевич, когда дежурит на «Скорой помощи», обязательно уж заедет и лекарства даст, если кончились, дай ему бог здоровья...

Чай пили неторопливо, под печальный разговор. Парни, Коля и Володя, от чаю отказались, напились с крендельками молока и отправились во двор, принялись возить навоз в огород, пока вовсе снег не сошел и можно на санях. Все вместе, все втихомолку — их и понукать не надо, знают, что делать.

Нинка с Васюткой выбрались из-за стола, устроились в углу, что-то мастерят из лучины. Галка подседа к ним с книжкой — учит стихотворение и им велит повторять за нею, запоминать. Ленька ушел носить воду в баню, Ольга еще на работе, а Антон в школе — у него все там какие-то дела, общественные поручения, говорит.

— Пить... Пить охота, — негромко попросил отец.

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

Солнце светит спокойно, ласково. Свежий лист на липах да на березах нет да и переберет легкий ветерок, а осинник, почти вплотную подступивший к изгороди со стороны леса, дрожит мелкой, веселой дрожью, и листочки все повертываются то лицевой ясно-зеленой стороной, то серебристо-матовой изнанкой.

Трава высокая, ровная, реденько покрашенная желтенькой ястребинкой да розовой гвоздичкой. Лишь возле самой изгороди, то в одном месте, то в другом, растопырившись резным листом, взнимались из нее сочные медвежьи пучки — пиканы, из которых мы часто делали брызгалки или стреляли рябиной либо горохом, да морковник с папоротниковым листом. Подует ветерок, заходит, запереливается волнами густая трава, ровно ржаное поле, когда еще не народился колос, и листья пучек заголятся исподом... Красиво так кругом, удивительно! «Вот бы весь год так!» — подумалось мне тогда.

Из караульного помещения вышел солдатик-охранник, помог стаскать поклажу, ободрил, мол, все путем будет, все, как на параде!.. Сбежал в караулку, принес и отдал дяде Косте два письма, чтоб в почтовый ящик опустил.

Отец подрагивающими пальцами свернул сигарку, от угощения папироской отказался — чего, сказал, добро переводить? Покурил неторопливо, волнуясь отчего-то, проверил литовки, грабли, оселок — отбивать косы, на видное место, на столбик у ворот положил, попил квасу, покряхтел, на руки поплевал — для разгона — и сделал взмах!

Я прижала руки к груди, не мигая, даже вроде и не дыша, глядела на отца. В глубокую ложбинку его исхудавшей шеи спускалась темная косичка вспотевших волос. Взмах косы был еще не широкий и не уверенный. Отец часто перебирал дрожащими руками литовище и сжимал его так, что пальцы в суставах белели, а жилы напрягались. Но и шаг и взмах литовки постепенно обретали уверенность и силу. Я переживала, как бы папка не упал — голова закружится или силы вдруг кончатся, смотрела на него неотрывно, готовая кинуться к нему, однако и от караульного помещения не отходила, чтоб позвать на помощь, если что...

А отец все взмахивал литовкой, все переступал, все отдалялся, и только рубаха не надувалась на спине пузырьком от ветра, как бывало, а намочила от пота, протемнела и облепила выступающие лопатки, затрудняя движения.

Закуковала кукушка. Я напряглась зрением, хотела различить ее в зелени листвы, но так и не увидела. Восемь годов она нагадала папе моему, восемь раз прокуковала. Я огорчилась: «Как мало!» Но не успела я задуматься печально, как тут же закуковала другая, потом третья! Счастье-то какое!

На сухом месте, недалеко от ворот изгороди, я раскинула полушубок, припасенную рубаху сверху положила, чтоб отец потом переоделся, кружку с квасом рядом поставила и не знала, чем лучше заняться. Цветов хотела нарвать, чтоб букет поставить, но тут же отдумала: куда его, букет-то, ставить? Охранникам в дежурку, наверное, не полагается, до дому завянут. Пошла вдоль изгороди и обнаружилась много земляничника, невидного из-за высокой травы. Ягоды, ничем не потревоженные, все крупные, налитые. Быстро набрала полную кружку и, когда отец пришел отдыхать, сделалась передышки прокос вдоль всей изгороди, из конца в конец, лег на полушубок и, опершись на локоть, хотел оглядеть свою работу, но увидел ягоды, удивился и похвалил меня. Он взял несколько ягодок в рот, раздавил их языком и не сразу проглотил.

— Вкуснее никакой другой ягоды нету! С малолетства люблю! Хоть с молоком, хоть с чаем, хоть с хлебушком, хоть так вот. — Поговорил еще немного, повспоминал, лег на живот, устроил голову на руках и затих. Я пожалела, что он не переоделся в сухое, подложила на спину под рубаху полотенце, а чистой прикрыла ему голову, чтоб не напекло. Оглядела спящего отца, затем взяла другую кружку и опять отправилась по ягоды.

Снова полнехонькая кружка ягод, с высокой шапкой. Я осторожно постучала в дверь дежурки и, когда она открылась, протянула кружку с ягодами молодому охраннику. Он сильно обрадовался! Как парнишка! Отказываться было начал, но не устоял, принял ягоды и поблагодарил. Я, тоже очень довольная, попросила освободить кружку, взяла ее, окрапленную изнутри ягодным соком, и быстро ушла, даже оглядеть помещение не успела.

На другой день время шло в радостном, привычном труде. Отец косил, я ворошила сено граблями, сухое стаскивала в копны. Перед обедом отец сменил потную рубаху, после еды часа полтора поспал и опять за дело.

Охранник на посту был другой, поначалу отчего-то проявил недовольство. А потом, сменившись, даже косить было взялся, но литовка то и дело запиналась носком, парень смущался, нервничал. Папа понаблюдал за ним недолго и спокойно, необидно сказал:

— Поначалу у всех так. Привычка нужна, сноровка. Я выкошу. А ты после, когда сено в зарод метать надо будет, если время позволит, дак подсоби. Девка мала еще для такой работы, а одному несподручно. А выкосить я выкошу. Мне эта работа глянется...

Охранник согласился, ушел к себе. К вечеру отцу вдруг стало хуже. Мы с охранником положили его на полушубок в дежурке. Он лежал, тяжело дышал, покашливал, то задремывая, то вздрагивая от скрипа ли шагов охранника, от приглушенного ли расстоянием и зеленой природой шума проходивших по линии железнодорожных составов.

А ночью отец несколько раз принимался командовать машинисту маневрушки или Кузьмичу: на каком пути собирать состав или куда, в какой тушик ставить ледники... Я прикладывала к его разгоревшейся голове мокрое полотенце и подавала вместе с питьем капли датского короля.

Дежурный несколько раз выходил из своего помещения к нам, в сенцы, где на топчане, на казенном матраце, уже укрытый полушубком спал отец, а я лежала на полу у стенки, на травянистой подстилке, боясь уснуть, боясь, чтоб не умер отец...

Дежурный участливо спрашивал, не надо ли чем помочь, может, вызвать по телефону «Скорую помощь» и отправить отца в больницу.

Отец, заслышав разговор, проснулся и поспешно просил:

— Не надо врача беспокоить. Поправлюсь к утру. И матери рассказывать не надо — чего волновать зазря? Ей и так достается... Спите. Отдыхайте. И ты, Клэня, спи. К завтраму пройдет...

Дежурный ушел.

Я лучше укрыла отца и тоже легла. В природе уж занималось утро другого дня. Пробовали голоса просыпающиеся пташки-певунки, тинькали, посистывали. Где-то совсем близко, за изгородью проскрипел коростель. В щели пробивались светлые-золотистые лучи восходящего уже солнца, прямые, острые, расплывающиеся в прохладных сумерках сенок.

Я еще послушала выравнивающееся дыхание разоспавшегося отца, успокоенно подумала, что все обойдется, папка правильно говорит — все будет хорошо! Похвалила мысленно себя, что такая догадливая оказалась — прихватила с собою капли датского короля; да что они — лишь бы встал и взялся за литовку... Слышащимися глазами, с нежностью и жалостью еще посмотрела на отца и уснула.

Николай ШУМАКОВ

На кораблях уж сыграна побудка —
Учене у матросов впереди.
И солнце, словно боцманская дудка,
Висит у небосвода на груди...

Когда ребенок
Громко плачет,
То очень больно,
Горько мне...
Но если встретится незрячий —
То сердцу горестно втрое.

День июльский,
От загара — рыжий,
Подставляет солнышку бока.
Ну, а мне б
Пройтись на скользких лыжах
По высоким белым облакам...
Оттолкнуться палками
И вихрем
По крутому склону их
Пройти...
А потом помчаться

быстро-быстро

По большому Млечному Пути.
Чтоб хрустели звезды,
Как снежинки.
Месяц таял ледником в руке.
Чтоб Венера —
Радостной слезинкой
По моей скатилась щеке!..

Фрески Феофана Грека

Его искусство
Будет вечной тайной
В пронзительной,
Целительной тиши...
Блистательные фрески Феофана,
Вы — яркий свет его большой души.

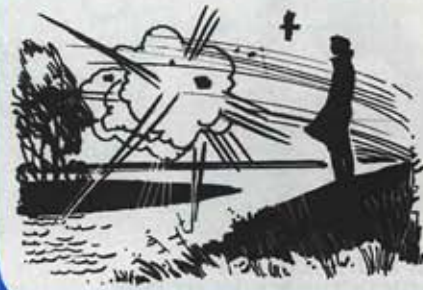
Цепочка потрясенных иностранцев.
Молчу, благоговением храним.
И шесть веков,
Как шесть премудрых старцев,
Стоят пред восхищением
моим.

У речного брода

Довоенная стежка травой заросла.
Я стою у песчаного брода.
Сколько эта
тропинка на фронт увела
Из окрестности нашей
народа!..

И молчу
с мудрейшей рекою вдвоем,
Я своих земляков
вспоминаю.
Отчего так печально
на сердце моем?

И река отвечает:
— Я знаю...

Вечерняя смена

На старые дома
Смотрю с любовью,
И цвет их стен
Черней, чем ночи тьма.
Но рядом вознеслись
Прекрасной новью
В орнаменте кирпичные дома.
Вот юноши
Идут с вечерней смены,
Девичий голос
Радостно звенит.
А чуткие,
как пульс,
Телеантенны
Направлены
В мерцающий зенит.

Парусник

Рябятишки тянут лодку волоком —
К старице в заречной стороне.
А по небу самым чистым облаком
Детство
возвращается ко мне...

Здравствуй, здравствуй,
легкий белый парусник, —
Не встречал тебя я много лет!..
Друг мой давний,
мой желанный радостник,
Ты принес далекий дивный свет.

Верю — ты несешь свободу в тропики
Тем, кто любит всей душой тебя.
И опять на капитанском мостике
Вижу смелым юнгом себя.

Знаю, мне ответ уже пора давать...
Что за это время совершил?..
Друг, могу одним тебя порадовать —
Я своей мечте не изменил.

Сердце надрывается,
как колокол, —
То гремя в крови, а то — звеня...
И никто не видит — ясным облаком
Детство уплывает от меня.

Будут гости

Стекла в окнах блестят
От закатной меди.
Словно праздничный стяг,
Облако мне светит.

На душе — лепота! —
Как сказали б предки.
Вспоминается лапта —
Праздник дальний, редкий.

И мне видится еще
Детства даль сквозная:
Угощает куличом
И восьмеркой-калачом
Бабушка родная.

...В небо вбиты давно
Золотые гвозди.
Кошка смотрит в окно —
Скоро будут гости...

Рисунки Олега ГАЛИНА

**НОВОЕ ЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА
НА ОКТЯБРЬСКОЙ ПЛОЩАДИ
СТОЛИЦЫ.**

го морей, где также ведутся крупномасштабные работы по прокладке магистральных трубопроводов, нет не только аналогичных министерств, но даже концернов или консорциумов, которые могли бы сравниться с Миннефтегазстройем по объемам и программам работ. За десять лет своего самостоятельного существования (до этого строительномонтажные организации входили в Главгаз СССР, затем в Министерство газовой промышленности) Миннефтегазстрой стал не только уникальной строительной фирмой, но и обрел такую

структуру, которой не располагают другие специализированные министерства страны. В отрасли имеются свои крупные машиностроительные заводы по производству, обслуживанию и ремонту специальной техники, выпуску железобетонных, металлических и деревянных конструкций, комплектных зданий для жилых городков, конструкций и изделий промышленного комплексно-блочного строительства. В министерстве занимаются научными разработками, конструированием машин и механизмов, новых материалов, созданием спиральношовных труб, исследуют пути совершенствования хозяйственного механизма. В отрасли имеется своя крупная медицин-

ская служба, которую представляют полторы тысячи медиков. Во имя чего же создано столь огромное и разностороннее хозяйство?

Каждый день в кухонных очагах большинства наших домов и квартир вспыхивают огоньки газовых горелок. Свыше 200 миллионов советских людей ныне пользуются газом в быту. Но служба природного топлива в экономике страны этим далеко не исчерпывается. Цемент в бетонных плитах и конструкциях, поступающих на стройки страны, получен в обжиговых печах, где пылает жаркое газовое пламя — с его помощью производится две трети цемента. Элек-

МИНИСТЕРС

Борис ЛЬВОВ.
Фото
Альберта ЛЕХМУСА
и **Алексея ФЕДОРОВА**

Октябрьская площадь столицы. Сверкающее многоэтажное окон белокаменное здание, похожее на поставленную узкой гранью гигантскую спичечную коробку. У подъезда автомашины всевозможных марок: от комфортабельных «Чаяк» до работяг-вездеходов «уазиков» — с московскими и иногородними номерными знаками. Многолюдье у многостворчатых дверей. На фасаде четкие металлические строки: «Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР».

С первых шагов в этом большом деловом доме невольно охватывает чувство, будто здесь каким-то чудесным образом сместились все общепризнанные понятия времени и пространства. В любом рабочем кабинете — будь то на пятом или шестом этаже, где разместились министр и его заместители, на седьмом этаже и в отдельном флигеле, которыми владеют главное производственно-распорядительное управление с диспетчерской службой и операторами главного информационно-вычислительного центра, на пятнадцатом этаже, в комнатах главка механизации работ — в общем, везде, во всех 30 управлениях в один и тот же день вы ощутите дыхание приполярной тундры и зной среднеазиатских пустынь, услышите шум уральских лесов и рокот карпатских рек...

Впрочем, стоп! А не воспримут ли люди, о делах которых мы поведем речь, с изрядной долей иронии столь романтические определения масштабности работы министерства? Здесь не привыкли оперировать эмоциями и эпитетами. Здесь основной аргумент цифра и факт.

Поэтому и мы в своем рассказе, может быть, даже с некоторым ущербом для его занимательности, давайте отдадим должное этим двум китам века НТР — Их Величествам Цифре и Факту.

Прежде всего напомним, что Миннефтегазстрой — единственная в своем роде трубопроводостроительная фирма на нашей планете. Ни в США и Канаде, ни в странах Ближнего и Среднего Востока, ни у шельфов Средиземного и Северно-

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДИСПЕТЧЕРСКОМ ОТДЕЛЕ МИНИСТЕРСТВА КРУГОСУТОЧНО СЛУШАЮТ «ПУЛЬС» СТРОЙКИ.

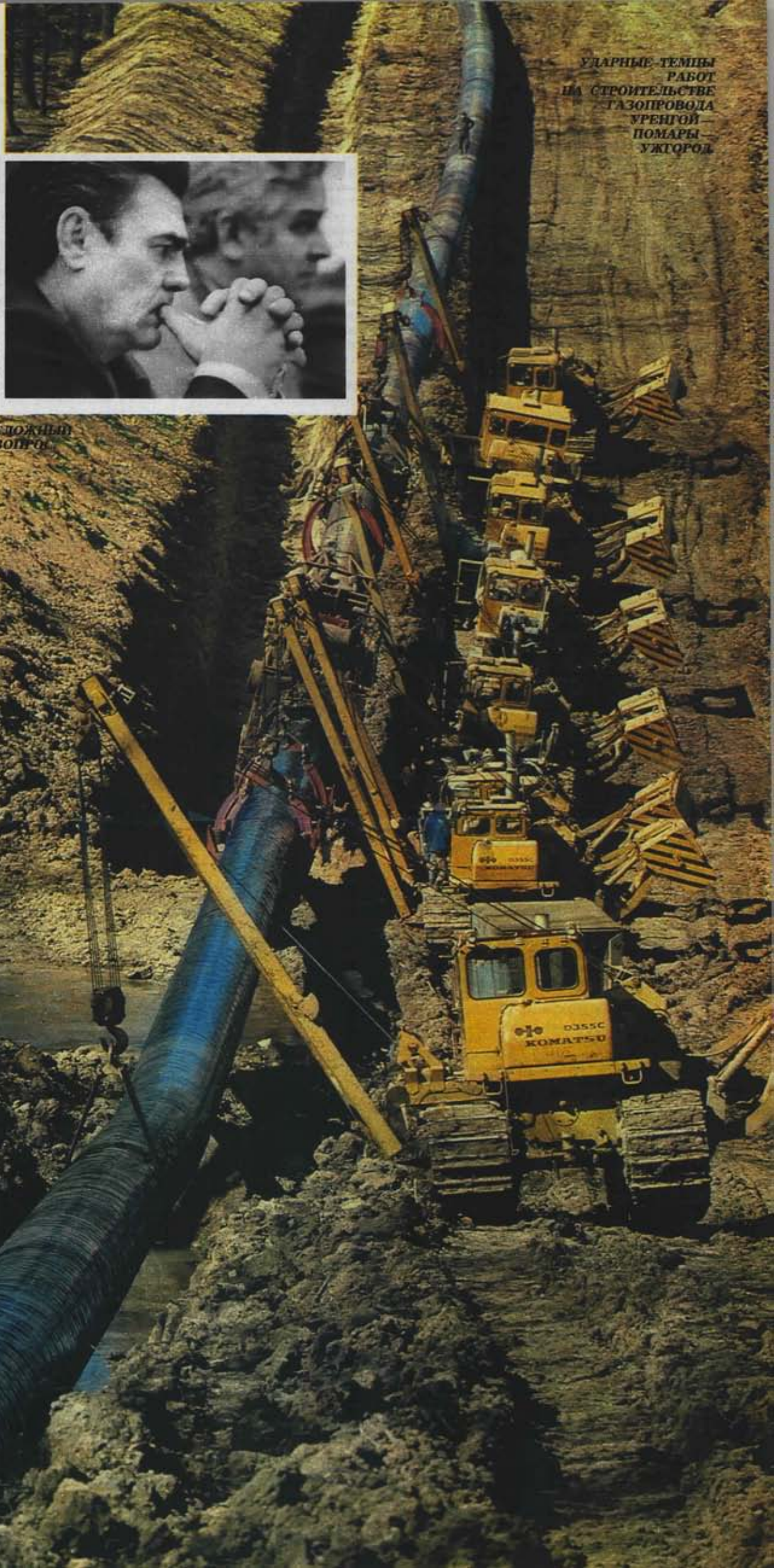
КОЛЛЕГИЯ МИНИСТЕРСТВА — ШТАБ ОТРАСЛИ.

ЧТОБЫ НЕ СЛУЧИЛОСЬ АВАРИИ НА ТРАССЕ, ТРУБУ РАЗРЫВАЮТ НА ИСПЫТАТЕЛЬНОМ ПОЛИГОНЕ.

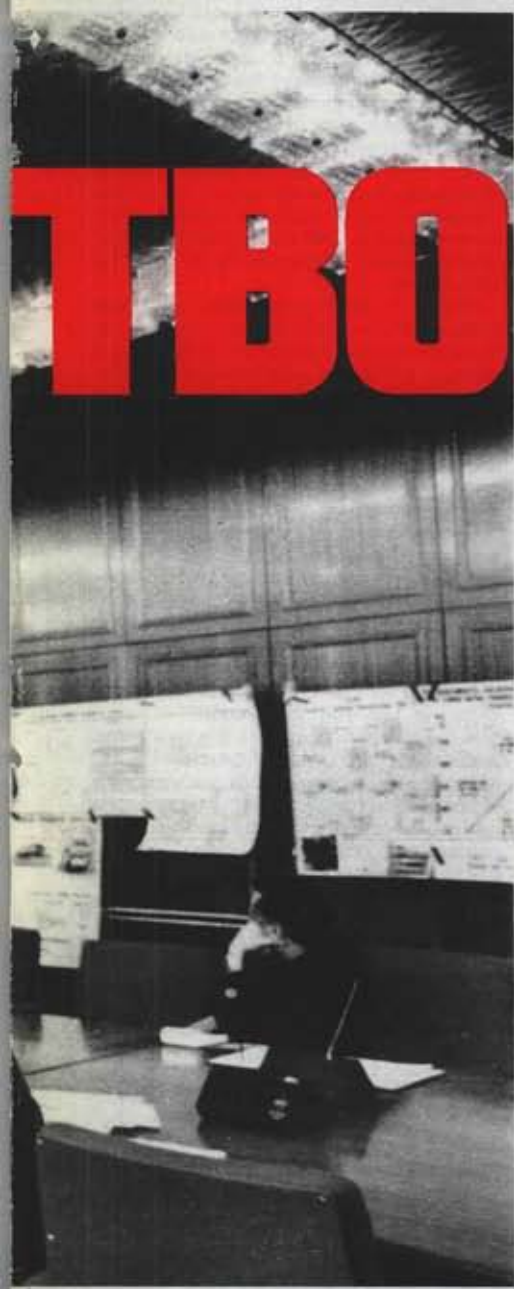
ВАШЕ МНЕНИЕ?

УДАРНЫЕ ТЕМЫ
РАБОТ
НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ГАЗОПРОВОДА
УРЕНКОЙ —
ПОМАРЫ —
УЖТОРОД

СЛОЖНЫЙ
ВОПРОС

ТВО

ВНЕДРЕНИЮ ЛЮБОГО НОВШЕСТВА
ПРЕДШЕСТВУЮТ
ТЩАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

трическая люстра в квартире вспыхивает ярким светом также благодаря газу. Это он вызвал потоки энергии в турбинах ГРЭС и ТЭЦ. Газ выплавляет металл — до 93 процентов чугуна и стали, он родоначальник хорошо всем известного семейства пластмасс, смол, искусственных тканей.

Свежая булка, поданная к утреннему чаю, — и она обязана своим рождением газу. Не только потому, что ее выпекли на его пламени. Зерно, из которого выпечена булка, выращено с помощью удобрений, выработанных из газа. Именно при его участии ныне производится 98 процентов удобрений.

Универсальная служба газа имеет колоссальное значение для всего народного хозяйства страны, впрочем, как и поистине богатырская роль нефти, старшей сестры природного газа в топливно-энергетическом балансе страны, формировании базы химической индустрии с ее неисчерпаемой гаммой продуктов.

Но вот еще цифры, достойные размышления. Ныне промышленники страны выдают «на-гора» несколько миллионов тонн нефти и несколько миллиардов кубометров природного газа ежемесячно. Если бы всю эту массу углеводородного сырья доставлять потребителям обычными видами транспорта — наземным, водным, воздушным, вряд ли это пришлось бы им по силам. Выручает всепогодный, к тому же и самый дешевый трубопроводный транспорт.

Надо сказать, что великий русский ученый Д. И. Менделеев еще в семидесятых годах прошлого столетия обосновал принципы строительства трубопроводов и доказал их решающее преимущество перед другими видами транспорта. А талантливый русский инженер В. Г. Шухов несколькими годами позже спроектировал и построил первый отечественный нефтепровод от Балахны до Баку.

Сегодня его «воздушные данные» могут вызвать улыбку: длина — меньше 10 километров, а диаметр труб — 76 миллиметров, чуть тоньше руки (для сравнения тут же укажем, что на большинстве современных магистральных трубопроводов используются трубы 1420-миллиметрового диаметра, чуть ли не в рост человека).

Тогда же, в 1878 году, это была вершина инженерной мысли.

Однако в царской России трубопроводы вынуждены были разделить судьбу многих других технических новшеств — строительство их шло медленно и ни о какой сколько-нибудь серьезной конкуренции трубопроводного транспорта той же железной дороге говорить не приходилось. И только после Октябрьской революции наступила новая эра для отечественного трубопроводостроения.

17 марта 1920 года работники отрасли по праву считают днем ее рождения. В тот день В. И. Ленин подписал постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны «О сооружении нефтепровода от Эмбинского нефтяного района до Саратова».

В архивах сохранились старые фотографии. Волы, запряженные в повозку с трубами... Верблюд, тянущий поставленную на колеса бочку с битумом для изоляции... Наконец, первый трактор-трубоукладчик, похожий на муравышку рядом со своими сегодняшними собратьями... Но тем не менее наращивали свой километраж советские трубопроводы. Владимир Ильич Ленин внимательно следил за каждой такой стройкой. Выступая на X съезде партии, он говорил: «...Вы читали в газете об открываемом нефтепроводе Баку—Тифлис? Вы прочитаете скоро о таком же нефтепроводе до Батуми. Это даст возможность доступа к мировому рынку. Дело сводится к тому, чтобы улучшить наше экономическое положение, усилить техническое оборудование нашей республики, увеличить количество продуктов, количество предметов продовольствия и потребления для наших рабочих».

Собственно говоря, в наши дни — разумеется, в несравненно больших масштабах — смысл строительства любого трубопровода определяется этими же ленинскими словами.

Вряд ли найдется человек, который не видел бы железнодорожных цистерн с нефтью. Их составы порою кажутся нескончаемыми. Но, представьте себе, только ничтожная часть «черного золота» перевозится по железной дороге. 95 процентов добываемой в стране нефти доставляется с месторождений к потребителю подземными магистралями. А заботы по транспортировке газа трубопроводы взяли на себя полностью.

Но не только газ и нефть — пассажиры трубопроводного транспорта. Уже действует аммиакопровод Тольятти — Одесса. Это уникальное инженерное сооружение протяженностью более 2400 километров способно доставлять ежегодно потребителям в РСФСР и на Украине 2,5 миллиона тонн ценного удобрения. Работает в нашей стране и ряд этано- и этиленопроводов. Выполнен технический проект углепровода из Кузбасса в Новосибирск. Разрабатываются пневмоконтейнерные системы, трубопроводные поточно-контейнерные линии. Министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Борис Евдокимович Щербина считает, что использование трубопроводов для транспортировки твердых материалов имеет большое будущее.

«Уверен, — говорит он, — что рано или поздно этот вид транспорта придет и на село. Мы много теряем при перевозке урожая. На осеннюю пору приходится пик сразу нескольких видов работ. Не хватает людей, транспорта. В то же время автомобили простаивают в очередях на элеваторах и приемных пунктах. Потом хлеб отсюда отгружают на мельничные комбинаты, хлебозаводы. Сплошные перегрузки. А ведь трубопровод мог бы взять весь этот поток на себя. По нему можно передавать и зерно и муку. По нему же в обратном направлении, на село, можно было бы подавать удобрения, промышленные и продовольственные товары».

Это, конечно, завтрашний день трубопроводного транспорта. Но уже и сейчас экономический эффект от его внедрения составляет десятки миллиардов рублей в год.

Напомним читателю, что с осуществлением программы магистрального строительства в одиннадцатой пятилетке доля трубопроводного транспорта во всем грузообороте страны превысит его треть. То есть каждая третья тонна перевозимого груза совершит путешествие под землей в стальных трубах.

Чтобы нарастить такую мощь, Миннефтегазстрой в одиннадцатой пятилетке предстоит проложить примерно 60 тысяч километров магистральных трубопроводов, из них около 40 тысяч километров газопроводов. И тогда общая протяженность системы дальних трубопроводов в СССР приблизится к 300 тысячам километров. Вдумайтесь в эту цифру! Страна, которая вступила в эру дальнего трубопроводного транспорта всего около трети века назад, располагая менее чем двумя тысячами километров дальних трасс, ныне создала такую гигантскую сеть подземных артерий, которой можно почти восемь раз опоясать землю по экватору.

Центральные стройки пятилетки — шесть крупнейших трубопроводов Западной Сибири — Центр, а также экспортный — Западная Сибирь — Западная Европа. Сооружение невиданной в мире системы газовых магистралей в разгаре. Первым введен в действие мощно, в честь XXVI съезда партии, газопровод Уренгой — Грязовец — Москва. И что примечательно: в год сдачи в эксплуатацию он выведен на проектную мощность. Линейная часть второго газопровода, Уренгой — Петровск, была закончена на три месяца раньше запланированного срока, а третьего, Уренгой — Новопсков, — на четыре месяца.

Ныне главная точка приложения сил — трасса экспортного газопровода Уренгой — Ужгород.

Но вернемся в центр Москвы, в здание на Октябрьской площади. Здесь главный штаб отрасли, необходимый экскурс в историю и сегодняшний день которой мы только что совершили. Штаб — это прежде всего центр стратегии и тактики строительства, командный пункт строев топливной энергетики, скрупулезно учитывающий все, чем живет каждая из них, что требует для непрерывного продвижения вперед; каждодневно знающий местонахождение сотен судов, тысяч вагонов, автопоездов, армат самолетов и вертолетов, перевозящих грузы, технику, бригады. Впрочем, штаб не только определяет формы и методы самых экономичных и эффективных путей достижения поставленной цели, но прежде всего анализирует, сопоставляет, делает выводы, дает приказы-рекомендации, советуется с институтами и конструкторскими бюро, новаторами и передовиками.

Говорят, все сегодня начинается с информации. Более тысячи полевых радиостанций, сотни телетайпов, десятки тысяч километров воздушных, кабельных и радиорелейных линий день и ночь, пересекая параллели и меридианы, часовые пояса, несут на крыльях электрических импульсов в уже знакомое нам здание непрерывный поток производственных сообщений.

Каждое утро на рабочие столы министра, его заместителей, членов коллегии, руководителей главных управлений ложится оперативная сводка центрального диспетчерского отдела. В ней в цифрах и фактах представлены все основные события, происшедшие за сутки на каждой из многочисленных рабочих площадок. Заметьте — на каждой!

Стало традицией, что сводка открывается сообщением о добыче газа. У непосвященных может возникнуть вопрос: так ли уж нужны строителям оперативные данные о результатах работы специалистов совсем другого министерства — Мингазпрома? Но ведь стройка не самоцель. Ее ведут для того, чтобы умножить мощь газовых потоков. Вот почему темпы добычи служат как бы своеобразным катализатором работы строителей.

Рядом с десятизначными цифрами добычи газа — данные и о погодной ситуации, вплоть до дневных температур в центрах регионов, и об объемах выполненных строительно-монтажных работ на трассах, и о размере освоенных капитальных вложений на сооружении промышленных объектов, компрессорных станций, и о пуско-наладочных работах, и о поставке материалов.

Бескрайний океан информации, и для того, чтобы выбрать наиболее существенное и главное, не метаться беспомощно по его волнам, обобщенные данные обретают четкую математическую обоснованность в главном информационно-вычислительном центре, прокручиваются на ЭВМ, чтобы затем воплотиться в решения и приказы.

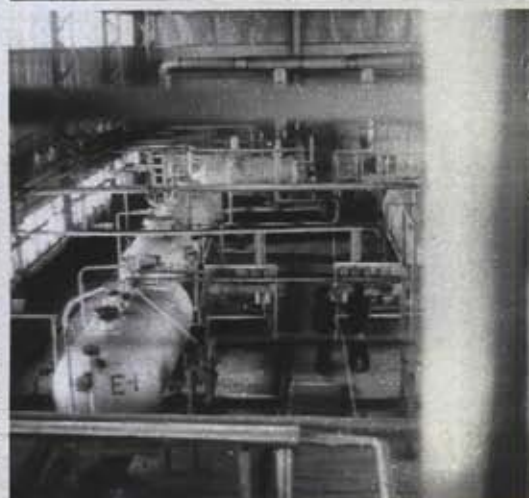
И не зря руководитель центрального диспетчерского отдела Геннадий Сергеевич Чесноков определяет роль диспетчеров как специалистов, выдвинутых далеко за передний край стройки. Они, выражаясь военным языком, осуществляют глубокую разведку перед генеральным наступлением... И, разумеется, как для всякого разведчика, для диспетчеров необходимы не только быстрота реакции и четкость действий, но и глубокое знание дела, которому служишь. В диспетчерском отделе Миннефтегазстрой работают опытные инженеры. Сам Геннадий Сергеевич около тридцати лет трудится на стройках топливной энергетики. Прошагал, можно сказать, по всем ступеням служебной иерархии в управлениях и трестах, прокладывал нефтяные и газовые трассы в Татарии, на Севере и на Урале. В общем, покочесил по стране, набрал-

«ВОЗДУШНЫЙ ПЕРЕХОД» — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ ЭТОТ НЕОЖИДАННЫЙ ВИД ПОДЗЕМНОЙ МАГИСТРАЛИ.

ПЕРЕД СВАРКОЙ ПЛЕТИ ЦЕНТРУЮТ.

В НОВОМ УРЕНГОЕ УЖЕ ДЕЙСТВУЕТ УСТАНОВКА ПО ПЕРЕРАБОТКЕ ГАЗОКОНДЕНСАТА В ДИЗЕЛЬНОЕ ТОПЛИВО.

ся опыта. Именно хорошее знание строительных и эксплуатационных дел, умение найти общий язык с генпродрайчиком и заказчиком, инженерный подход к организации работ, способность осознать критическую ситуацию и сделать надлежащие выводы, а если того требует обстановка, пойти на известный риск, и позволяют Г. Чеснокову справляться с нелегкой работой у главного диспетчерского пульты министерства.

Мобильное подразделение строительной разведки не случайно действует в составе главного производственно-распорядительного управления. Именно здесь импульсы информации, слагаясь вместе, образуют надежный фундамент оперативного руководства, становятся основой предвидения, а стало быть, грядущего наступления почти четырехсоттысячной армии строителей.

Главная цель работников управления — правильно распорядиться материально-техническими ресурсами, четко организовать взаимодействие сотен подразделений отрасли и смежных ведомств.

...Мы уже познакомились с Г. Чесноковым. Большинство министерских руководителей, как и он, прошли большой трудовой путь. Непосредственно стройка стала для них точкой отсчета в служебной карьере.

И вот тут-то, употребив столь неоднозначное по восприятию разными людьми слово «карьер», так близко стоящее к звучащему негативно «карьеристу», хочется попросить у читателя небольшой таймаут и заглянуть в самое содержание этого понятия. Словарь иностранных слов трактует его так: «Успешное продвижение вперед в области общественной, служебной, научной и прочей деятельности». Как говорится, комментарии излишни. Известный поэт сказал так: «Итак, да здравствует карьера, когда карьера такова, как у Лассалы и Пастера, Шекспира и Толстого Льва!»

Именно карьера, то есть «успешное продвижение вперед», позволила многим талантливым инженерам стать министерскими работниками. А до революции высокие министерские посты представлялись чиновникам не столько в силу личных заслуг, сколько в зависимости от происхождения, протекции. Иными были министерские чиновники.

И опять столкнулись мы со словом, для толкования которого нам придется обратиться к авторитету справочной литературы. В Советском энциклопедическом словаре на 1508-й странице слово «чиновник» определяется так: «В России государственный служащий, имевший определенный классный чин по табели о рангах. Высшие чиновники неофициально назывались сановниками. В широком смысле — название и низших государственных служащих, не имеющих чинов».

Нельзя без улыбки отнести это определение к сегодняшним служащим министерства, и тем более трудно представить прежнего чиновника в командировке на

трассе строительства трубопровода — в брезентовой робе, защитной каске, болотных сапогах. Ни чин, ни происхождение, ни высокие связи не помогли бы спешу «голубых кровей» в экстремальных условиях безотлагательно решать на месте оперативные производственные задачи по сварке, изоляции, форсированию гигантских рек, преодолению горных вершин! Нужны опыт, крепкие знания, умение пойти на обоснованный инженерный риск, наконец, авторитет в коллективе. Этими качествами вполне располагают руководители и служащие Миннефтегазстроя.

Чтобы познакомиться с некоторыми из них, откроем дверь с надписью «Зал селекторных совещаний».

...Каждый понедельник ровно в 16 часов здесь, в просторном кабинете, на пятом этаже министерского здания, собираются руководители штаба отрасли, выражаясь архаическим языком, «сановники высшего ранга». Нынче день общестроительной планерки. В уютном зале, единственным убранством которого служит вытянувшийся во всю длину помещения стол, уставленный микрофонами и динамиками, сегодня как бы незримо присутствуют командиры экспортной трассы Западная Сибирь — Западная Европа. Мягко щелкают тумблеры переключателей, и радиотелефон за тысячи километров доносит сюда, в столицу, голоса тех, кто обустривает промыслы Уренгоя, форсирует Волгу и Днепр, преодолевает горные кручи Урала и Карпат, покоряет болотную хлябь приполярной тундры, пробивается сквозь тайгу.

Начинается «большой совет», созванный штабом отрасли.

У микрофона — министр СССР Б. Е. Щербина. Борис Евдокимович начал рядовым инженером, был на комсомольской работе, затем на партийной, возглавлял партийную организацию Тюменской области; на его глазах, при прямом участии началась борьба за тюменские нефть и газ.

Из плеяды воспитанников сурового края и — первый заместитель министра Юрий Петрович Баталин. Мастер, прораб, начальник участка, главный инженер главка в Тюмени. Он лауреат Ленинской премии.

А вот должность Ореста Михайловича Серафима звучит так: главный сварщик. Пожалуй, ни в каком другом министерстве не встретишь такого титула. Служба, которой он руководит, так и называется: управление главного сварщика. Орест Михайлович начал свой трудовой путь, как и все его коллеги, с электродержателя. Ныне он возглавляет 18-тысячную армию мастеров огненной дуги. Техника, технология, порядок электросварки, а стало быть, и конечный результат зависят от деятельности его управления.

...Мы все затихаем, когда по радио передают сводку погоды. Прогноз —

штука, очень важная для жизни. И в Миннефтегазстрое есть отдел, который занимается прогнозированием. Главное планово-экономическое управление, уже долгие годы возглавляемое Артемом Амбарцумовичем Будагяном, работающим в отрасли более тридцати лет, призвано определять эффективность строительства и работ промышленных предприятий отрасли, прогнозировать пути повышения эффективности хозяйственного механизма. И сегодня на «селекторе» речь тоже пойдет о важном эксперименте — об оценке результатов деятельности каждого исполнителя по конечным результатам, о переходе от индивидуальной сдельщины к бригадной форме организации труда.

Но вот «селектор» начал.

Первое слово — начальнику управления рабочих кадров и быта министерства Владимиру Матусяку. В прошлом журналист, комсомольский работник, вожак молодежи на стройках Узбекистана, он несколько лирически повествует о положении дел:

— На трассе идут массовые новоселья. Один за другим обживаются новые полевые городки, расположившиеся вдоль «газового коридора», в котором появятся к концу нынешней пятилетки еще три параллельные газовые магистрали — как и предыдущие три, от Уренгоя к центру страны. Так что жить и работать трассовикам предстоит здесь не одну зиму, и потому свои 53 городка они ставят основательно, заботливо их благоустраивают, добиваясь максимума удобства и комфорта.

— Очередной «селектор», — говорит первый заместитель министра, — мы не случайно начали с рассказа о полевых городках строителей магистральных газопроводов. Давно стало аксиомой: отличный быт — залог высокой производительности труда.

Но отвлечемся на минуту от хода радиосовещания, чтобы прокомментировать этот важный момент жизни строителей.

Каждого, кто побывал на трассовых стройках, поражает широчайший диапазон специальностей занятых там людей: монтажники и механизаторы, водолазы и лесорубы, повара и радиографы... Трудовая армия, насчитывающая сотни тысяч тружеников, и у каждого свой характер, свое отношение к фактам и событиям, даже к особенностям климата. Сплотить эту армию в монолитный коллектив, действующий в едином ритме, помочь в полной мере проявить свои лучшие профессиональные и человеческие качества — на это направлены повседневные усилия не только участников «селектора», но и тысяч коммунистов и комсомольцев, работающих в отрасли.

И то, что в большинстве полевых городков имеются красные уголки и клубы, светятся экраны телевизоров, звучат голоса радиодикторов, налажена политинфор-

мация и лекционная пропаганда, проводятся спортивные соревнования, выступают артисты, — прямой результат их деятельности, координируемой созданной в Миннефтегазстрое комиссией по идеологической работе, возглавляемой заместителем министра А. Весельевым. Вкусный горячий обед, обогревательный пункт на трассе, сушилка, починочная мастерская, парикмахерская — тоже результат ее работы.

Однако вопросы жилья, быта во многом еще остаются узким местом. Сейчас работники министерства, всех его подразделений обращают все силы на выполнение постановления ЦК КПСС «О мерах по обеспечению выполнения планов строительства жилых домов и социально-бытовых объектов».

Одна из тем разговора завершена: названы коллективы, занявшие призовые места в конкурсе на лучший трассовый городок.

Участники селектора приступили к утверждению планов работы потоков на следующую неделю.

В зале заседаний радиоголос А. Корвина из треста «Брянсктрубопроводстрой»:

— Вначале нам определили сделать шесть километров, но в натуре вместо сухого луга, как помечено в проекте, оказался на тридцати километрах пльвун. Место заболочено, в неделю осилим лишь три километра.

Тут же следует команда руководителя главного производственно-распределительного управления:

— Товарищ Крайзельман, организуйте проверку соответствия гидрогеологических условий с проектом. По результатам определите шаг потока исходя из реальных трудо- и машинозатрат.

— Для синхронного движения всех колонн нам необходимо добавить два сварочных агрегата, — это голос начальника потока И. Розанова из треста «Союзгазспецстрой», — тогда мы в состоянии будем закончить участок в 136 километров досрочно.

— Товарищ Лапшин, — немедленно следует указание начальнику главка механизации, — изыщите возможность, выделите потоку требуемое оборудование. Здесь отдача его будет наивысшей.

И тут же новое указание:

— Поток товарища Маслакова из треста «Новосибирсктрубопроводстрой» сработал неплохо, но на полный хозрасчет не перешел, — делает замечание начальнику Главвостоктрубопроводстрой, куда входит трест, Ю. П. Баталин. — Организуйте поездку ответственных руководителей в поток Леонида Михельсона из треста «Куйбышевтрубопроводстрой».

Начальник главного планово-экономического управления А. Будагян просит вступить в разговор Леонида Михельсона.

На связи маленький чувашский городок Цивильск.

НИ МОРОЗОМ,
НИ СКОРОСТЬЮ
ЮНОГО СЕВЕРЯНИНА
НЕ УДИВИШЬ!

НОВЫЕ ГОРОДА В РАЙОНАХ МЕСТОРОЖДЕНИИ.

СВАРЩИК —
КЛЮЧЕВАЯ ПРОФЕССИЯ
НА ТРАССЕ.

**ЭТО ПОКА МОДЕЛЬ
БУДУЩЕГО ТРУБОПРОВОДА...**

министр Б. Е. Щербина издал приказ об организации работы всех отраслевых комплексных технологических потоков с оплатой труда всех работников по единому наряду. Новая система планирования и управления в низовых звеньях трубопроводного строительства, кроме того, призвана упорядочить административные и экономические взаимоотношения по схеме «руководитель — рабочий».

Четко, ясно, немногословно решаются на селекторных совещаниях вопросы обеспечения ритмичной работы пото-

— Еще при работе на трассе Уренгой—Новопсков,—говорит Леонид,—нами был достигнут в среднем километровой «шаг» потока в сутки, на ужгородской магистрали этот показатель перекрывается. Безусловно, делу помог проводимый в потоке организационно-экономический эксперимент. В состав коллектива включены не только производственные подразделения, но и весь без исключения штат, даже с обслуживающим персоналом полевых жилых городков, и расчет ведется за готовую, вполне законченную продукцию.

Забегая вперед, заметим, что опыт хозяйствования по-новому был обсужден на заседании коллегии министерства—высшем его форуме, и на основе этого опыта

НА РАМЕНСКОМ
ПОЛИГОНЕ СКБ
«ГАЗСТРОИМАШИНА»
МОЛОДЕЖИ ДОВЕРЕНО МНОГОЕ.

ЧТОБЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ
ТРУБА НЕ РЖАВЕЛА,
ЕЕ ПОВЕРХНОСТЬ ПОДВЕРГАЮТ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ОБРАБОТКЕ

НА СЧЕТУ
КОМСОМОЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
МИНИСТЕРСТВА—
НЕМАЛО ДОБРЫХ ДЕЛ
И НАЧИНАНИЙ.

У ИСТОКОВ ГАЗОВОЙ РЕКИ ВСТАЛИ
НАСТОЯЩИЕ ЗАВОДЫ—УСТАНОВКИ
КОМПЛЕКСНОЙ ПОДГОТОВКИ ГАЗА.

УКЛАДКА «НИТИ» В ТРАНШЕЮ — ОДНА ИЗ ОТВЕТСТВЕННЕЙШИХ ОПЕРАЦИЙ.

ков. Кроме того, еженедельное общение по радиотелефону начальников потоков между собой, публичное обсуждение успехов передовиков и неудач отстающих дают возможность постоянно сверять свой шаг с коллегами.

И отраднo, что на таких всесоюзных «оперативках» все чаще и чаще упоминаются имена молодых.

Сегодня в Западной Сибири действуют три комсомольско-молодежных треста, 14 строительных управлений, два завода, свыше 500 бригад, экипажей, колонн.

Комсомольско-молодежные тресты «Тюменьгазмонтаж» и «Мегионгазстрой» за большой вклад коллективов в сооружение объектов нефтяной и газовой промышленности по итогам десятой пятилетки награждены высокими наградами Родины — орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Центральный Комитет комсомола объявил сооружение газопровода Уренгой — Помары — Ужгород Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Здесь создан Центральный штаб ЦК ВЛКСМ и комсомольские штабы на всех участках строительства.

В свое время штаб ЦК ВЛКСМ совместно с комитетом комсомола Миннефтегазстроя провел совещание секретарей комсомольских организаций предпри-

ятий-поставщиков, проектировщиков, транспортников, всех, кто связан со строительством газопровода. Результат этой работы — практически не было случаев отклонения от сроков поставки и требований качества.

...Но вернемся в здание министерства. Идет очередное заседание коллегии. На трибуне — рабочий. Это стало золотым правилом в Миннефтегазстрое.

С высокой министерской трибуны рабочие выступают как полноправные хозяева стройки, кровно заинтересованные в ее успехе, вносят предложения, которые нередко становятся основой приказов, распоряжений министра, решений коллегии.

Дважды активно участвовал в работе коллегии вожак комсомольско-молодежного коллектива Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, делегат XXVI съезда партии Михаил Буянов из объединения «Сибкомплемонтаж». М. Буянов — один из инициаторов внедрения комплектно-блочного метода строительства нефтегазовых объектов. В течение десятой пятилетки каждый член его бригады в среднем осваивал на объектах промышленного назначения около 60 тысяч рублей в год, а бригада — до 4

миллионов рублей. После отчетов М. Буянова на заседаниях коллегии его предложения, передовые методы труда были распространены в десятках бригад, а в коллективе инициаторов учреждена постоянно действующая отраслевая школа новаторов.

Внешне этот метод исключительно прост. На крупных базовых заводах собираются пролеты будущих цехов, «начинаются» оборудованием, а затем поставляются в виде готовых блок-контейнеров на площадки будущих компрессорных станций. Доставка — вездеходами, самолетами, на баржах — по воде. При этом земляные, бетонные, отделочные и монтажные работы непосредственно на площадках, расположенных, как правило, в отдаленных местах, почти полностью исключаются. Эффект же огромный: стройка ведется вдвое быстрее. Вот почему штаб отрасли является своеобразным «законодателем моды» в этом прогрессивном деле. Пока ни в одной строительной отрасли нет таких темпов его внедрения в производство, как в Миннефтегазстрое. К 1985 году в комплектно-блочном исполнении намечается построить объекты общей стоимостью в миллиард рублей.

Есть и еще один могучий помощник в руководящей роли штаба. Это научно-технический прогресс.

Редкую неделю на испытательный полигон министерства, расположенный среди лесов Подмосковья, не прибывают образцы новой техники. Здесь, в условиях, максимально приближенных к производственным, они испытываются, совершенствуются, чтобы обрести еще большую мощь и маневренность.

Это день сегодняшний. Что же будет завтра? Будущее рождается уже сейчас в министерских кабинетах, в лабораториях институтов и конструкторских бюро, на испытательных полигонах, в достижениях новаторов, рождается каждодневно, наступая на пятки самым смелым рекордам.

Давно ли вышел приказ о внедрении роботов на сварке? А уже нынче под Курском и Киевом, на берегах Волги и Чусовой действуют первые чудо-аппараты «Стык» — плод содружества ученых Украинской Академии наук и Миннефтегазстроя. Агрегат, который сам сгружает трубы, устанавливает их в секции, сваривает многослойным швом, готовит к погрузке на трассу. К семейству роботов можно отнести и автоматический комплекс «Север», движущийся вдоль траншеи и оставляющий за собой сваренную в нитку трубу.

А многослойные трубы? Из обычной стали, тонкие, словно картон, вставленные одна в другую, они выдерживают давление в сто и более атмосфер. Это означает, что там, где сегодня укладывают «двухнитку», завтра можно будет обойтись одной трубой и газа она пропустит больше, чем две.

Реальностью станет и дальний транспорт сжиженного газа. Что это означает? Чтобы не утруждать долгими объяснениями, скажем, что наперсток с жидким газом несет в себе объем газа, равный литровой емкости в его обычном состоянии. Значит, одна и та же труба сумеет пропустить вдвое-втрое большее количество газа.

Приходят на стройки изолированные на прокатных заводах трубы. Стало быть, операцию не нужно будет выполнять на трассе. Удастся сберечь сотни сложных механизмов, труд тысяч рабочих, многократно ускорить строительство трубопроводов.

Много, очень много планов и прогнозов, которые уже сегодня властно вторгаются в жизнь.

...Давно над Москвой поздняя ночь, а в белокаменном здании на Октябрьской площади все еще не гаснут огни. В это время за несколько часовых поясов от столицы наступает новый трудовой день, и в центральной диспетчерской, в диспетчерской Главного информационно-вычислительного центра чутко улавливают пульс трассы.

И на «трафаретку» завтрашней, точнее, уже сегодняшней сводки ложатся новые записи: траншея, сварка, изоляция...

ЧТО ВИДНО ИЗ КОС

12 апреля 1961 года началась новая эра в истории цивилизации — эра пилотируемых космических полетов.

Ракетно-космическая наука и техника уверенно становятся в рабочий строй многих отраслей народного хозяйства. Огромное значение для прогресса науки и техники, для комплексного изучения Земли и околоземного пространства в интересах народного хозяйства имеет создание долговременных орбитальных пилотируемых станций со сменными экипажами. На борту этих летающих лабораторий отважные космонавты выполняют множество научных и технических экспериментов, вносят крупный вклад в изучение нашей планеты и Вселенной.

Девизом отечественной космонавтики на всем пути ее развития служит призыв: «Космос должен служить людям!» Во имя достижения этой благородной цели беззаветно трудятся ученые и инженеры, космонавты и рабочие космических верфей. Во имя достижения этой цели бесстрашно шел в неизвестное Юрий Гагарин. И чем плодотворнее будет становиться воздействие космонавтики на земную жизнь, тем ярче будет раскрываться величие первого шага советского человека к звездным далям.

Мстислав КЕЛДЫШ

Владимир АКСЕНОВ,

дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

Дайте вспомним, кто в свое время обязательно отправлялся вместе с научными экспедициями первопроходцев в далекие, неведомые края. Конечно же, в составе подобных экспедиций должен был находиться ученый, специалист, хорошо знающий науку о Земле. И основной его задачей было — составить карту тех мест, где побывали первопроходцы. Дать подробное описание земель. Кроме того, он обязательно должен был уметь разбираться в животном, растительном мире и по возможности давать описания всех повстречавшихся животных и растений. Ему нужно было хорошо знать и геологию, разбираться в минералах, других полезных ископаемых.

Нетрудно понять, что профессий у такого человека было немало — географ, картограф, зоолог, ботаник, геолог... И чем универсальнее был человек, чем объемнее, глубже были его знания, тем больший результат давала экспедиция в незнакомые места, тем быстрее начиналось их освоение. То же самое наблюдается сейчас и при космических полетах.

И, как в свое время в экспедициях земных первопроходцев, мы тоже пока не брали на борт космических кораблей и орбитальных станций узких специалистов, и потому задача специализированного обучения космонавтов сегодня одна из важнейших. Вполне понятно, что легкой ее не назовешь. Для того, чтобы космонавты смогли стать своего рода универсалами, знать они должны очень много. Им не обойтись без знания космической техники и условий ее работы. Они должны уметь находить единственно правильные выходы в неожиданных ситуациях, уметь управлять космической техникой, пилотировать корабль, уметь стыковаться со станцией и спускаться с орбиты в самых разных режимах...

Однако все это знания, необходимые для осуществления самого полета. Но, кроме того, космонавты должны быть широкими и по возможности глубокими специалистами по различным направле-

ниям исследований, проводимых на борту станций.

Возьмем, например, земледелие. Именно эта задача — изучения нашей родной планеты из космоса — является важнейшей в наших космических программах, дает наибольший вклад в прикладное назначение космических полетов.

Но не следует забывать, что в изучении Земли из космического пространства очень много направлений. Думаю, если бы я решил перечислять все из них, то список получился бы слишком большим. Назову лишь некоторые из наук, которым космические полеты могут принести, а подчас уже приносят неоценимую помощь. Возьмите хотя бы геологию, картографию, геоморфологию, геоботанику, сельское и лесное хозяйство. Кроме них, еще и фундаментальные проблемы, связанные с изучением строения, изменения основных процессов Земли. Прибавьте к этому охрану окружающей среды, метеорологию, океанологию, изучение атмосферы и даже археологию.

Повторяю, я мог бы еще очень долго перечислять, но сейчас мне хочется остановиться на космической геологии. Науке, изучающей запасы природных ископаемых и их районирование.

На первый взгляд может показаться, что далекий космос вроде бы слишком мало может дать в изучении земных недр. Далековато от поверхности Земли мы летаем, чтобы что-то как следует разглядеть на ней. Однако это не совсем так. Достаточно вспомнить, что любые геологические исследования и экспедиции начинаются с составления карт, которые, кстати, меняются в зависимости от поставленных задач. И если учесть, что площадь поверхности Земли немаленькая, а территория нашей страны занимает одну шестую часть суши планеты, то нетрудно понять, что составление карт — дело весьма объемное. А для нашей страны эти задачи вообще являются весьма актуальными.

Изучение территории нашей страны связано сегодня с несколькими направлениями космических программ. Причем не на все вопросы обязательно должны давать ответы пилотируемые полеты. Очень большая доля работы ложится и на специализированные беспилотные аппараты. Причем очень важно, чтобы

они не только регулярно фотографировали те или иные районы планеты, но и сразу же передавали эту информацию на Землю.

И все же, на мой взгляд, специалиста-космонавта никогда не сможет заменить даже самый совершенный автомат. Ведь человек может не только дать обобщенный анализ того, что видит его глаз, но и выбрать нужное направление исследований. Автомат вполне может пройти мимо уникальнейшего явления, просто не обратив на него внимания, так как не поймет его, потому что эта задача заранее не была вложена в его электронный мозг.

Автоматический аппарат исследует только в заранее выбранном направлении и заранее запрограммированное явление. В то же время мы сейчас во время околоземных космических полетов нередко видим на нашей планете немало как раз неожиданных явлений, предусмотреть которые, а тем более запрограммировать заранее просто невозможно. Чаще всего эти явления оказываются очень быстротекущими и уникальными в своем роде.

И, конечно, аппаратура, жестко связанная с осями корабля, не может тут же быть повернута в сторону подобного явления. Для того, чтобы зафиксировать и исследовать его, нужно разворачивать аппаратуру, то есть хотя бы за несколько минут прогнозировать его. А космический корабль летит на высоте 250—300 километров со скоростью около 500 километров в минуту. С его борта видно где-то тысячи на три километров. То есть на шесть минут полета. Но расстояние это — вплоть до самого горизонта, где как следует рассмотреть что-либо довольно сложно. Другое дело — брать расстояние около тысячи километров, где видимость куда лучше. Но это уже всего две минуты полета. Так что автоматические приборы и аппараты не успевают включиться, выйти на рабочий режим и попытаться сфотографировать или исследовать неожиданное явление. На такое просто не приходится рассчитывать. Здесь и человек не всегда успевает управиться.

Поэтому-то и проходим мы иногда мимо очень интересных, не исследованных пока явлений. И это при околоземных полетах. А что же тогда говорить о полетах дальних, к другим планетам? Ведь там-то таких непонятных, нежиданных, интересных явлений будет куда больше. И они наверняка будут содержать наиболее ценную информацию. Осмыслить же ее сможет только человек, прошедший специальную подготовку. И поэтому вслед за автоматическими станциями к Венере и Марсу, а потом и к другим планетам наверняка отправятся первооткрыватели-космонавты. И их никогда никакие, даже самые умные автоматы заменить не смогут.

Однако полеты пилотируемых космических кораблей к другим планетам — это, конечно же, будущее, причем, боюсь, не очень близкое. Мне же хочется поговорить о сегодняшнем дне, о том, что уже сейчас дают нашему народному хозяйству космические полеты на околоземной орбите.

Возьмем хотя бы космические фотографии. Аэрофотосъемка всегда играла очень важную роль во многих областях, и в частности в геологии. А теперь представьте себе эффективность съемки, выполненной в глобальном масштабе из космоса с борта искусственных спутников и орбитальных станций с помощью специальной аппаратуры.

С борта космического корабля можно, например, увидеть и зафиксировать на фотографиях материк и даже земное полушарие. Исследования из космоса прольют свет на такие, скажем, проблемы геологии, как проблемы перемещения материков.

По полученным из космоса фотографиям поверхности Земли можно вести изучение структурно-тектонического плана различных территорий, картирование разных нарушений и кольцевых структур. Они позволяют создавать модели геологического строения земной коры, составлять структурно-тектонические и прогнозные космографические карты, прогнозировать размещение полезных ископаемых. Известно, что их месторождения часто прослеживаются на тысячи километров, и заметить их даже с самолета невозможно. Они фиксируются лишь из космоса.

Космические снимки дают возможность геологам во всем объеме и полностью познать целые регионы, а это позволяет им не только хорошо разобраться в сегодняшнем строении определенных геологических структур, но и лучше понять особенности процессов образования Земли именно в те периоды, которые как раз и интересуют геологов.

МОСА

ЗЕМНЫЕ ПРОСТОРЫ
ИЗ ОКНА
КОСМИЧЕСКОГО
КОРАБЛЯ.

Такие знания просто необходимы, чтобы выяснить металлогению и нефтегазоносность крупных участков земной коры, изучить закономерности размещения рудных и нефтеносных месторождений и более правильно планировать геологические изыскания и буровые работы. Помогают наши снимки и при гидрогеологическом районировании территорий, планировании разведочно-поисковых работ и инженерно-геологических комплексных исследований.

Есть еще немало примеров, показывающих, сколь широка помощь космических фотографий. Было подсчитано: если мы попытаемся с помощью обычной фотосъемки с самолета снять с тем же качеством район, на съемку которого у космонавтов уходит всего около пяти минут, то потратим на это... целых два года. Так что, когда говорят о преимуществах сделанных с орбиты снимков, об их экономической рентабельности, то ни в коей мере не преувеличивают.

Да и вообще, если уж говорить об эффективности космических программ, то мне хочется привести данные ООН, согласно которым отдача от таких программ в четыре-пять раз перекрывает затраты на них. Вполне понятно, что здесь имеются в виду не только те выгоды, которые приносят космические полеты в области геологии.

Аппаратура, с помощью которой ведутся исследования на наших станциях, представляет собой многозональный космический фотоаппарат, состоящий из шести камер с различными фильтрами. Устройство управления обеспечивает одновременное и одномасштабное фотографирование земной поверхности, находящейся под орбитальной станцией или космическим кораблем, всеми шестью камерами. Причем каждая из них делает это в разном участке спектра на отдельную пленку.

Нетрудно понять, что позже, на Земле, при дешифрировании этих снимков приходится синтезировать единое изображение из нескольких. Дело это не из легких, ведь космические снимки совсем не похожи на обычные, земные фотографии. Важнейшее условие такой дешифровки — обобщение снимков, выделение основных характеристик региона. Ведь, признаюсь честно, на снимке, сделанном из космоса, в отличие от земного не видно, что же именно растет

в данном месте — пшеница, горох или хлопчатник. Именно это и предстоит установить при дешифровке.

С помощью аппаратуры, работавшей на «Союзе-22», мы за время полета сумели отснять половину территории Советского Союза. Где-то порядка десяти миллионов квадратных километров. Нетрудно понять, сколько полезной информации удалось специалистам почерпнуть из этих снимков и каков экономический эффект от проделанной работы.

Причем это только по сегодняшним меркам. Пока еще специалисты не научились полностью использовать уже огромную космическую информацию. И для того, чтобы сделать ее еще более эффективной, необходимо создать на Земле специальные центры хранения и обработки этой информации. Кроме того, нужны специальные каналы связи, по которым из таких центров вся обработанная информация могла бы поступать в распоряжение потребителей, то есть людей, которым эта информация нужна, которые ждут ее и сумеют полностью использовать.

Уверен, таких потребителей окажется много. Ведь космические снимки весьма многоплановы, и если сегодня мы их используем по какому-то одному параметру, то все остальное вполне может пригодиться завтра, и только на время уходит куда-то в запасники, ожидая свой черед. И как раз именно поэтому все космические снимки сейчас сохраняются.

Другое дело, что подобные исследования, конечно же, должны периодически возобновляться. Облик планеты меняется очень быстро, и то, что 10 лет назад находилось в одном состоянии, сегодня может оказаться совсем иным.

По космическим фотографиям Казахстана были выявлены структуры, перспективные для поисков нефти и газа, изучены соленосные отложения залива Кара-Богаз-Гол в Каспийском море, условия их залегания, гидрологический режим этого труднодоступного и малоисследованного района. Получены также весьма интересные снимки ряда полупустынных территорий нашей страны. В результате были пересмотрены карты землепользования этих областей.

По нашим космическим снимкам были получены и очень интересные сведения о геологических объектах и структурах, с которыми связаны месторождения по-

лезных ископаемых. Так, например, в южном Тянь-Шане именно по этим снимкам специалистами и было дешифровано несколько кольцевых структур в районе Четкальского хребта. Раньше они не были известны.

Или же возьмите Охотско-Чукотский вулканический пояс, где с кольцевыми структурами связаны месторождения редких полезных ископаемых. Так вот, снимки, сделанные из космоса с помощью многозонального космического фотоаппарата МКФ-6, позволяют геологам находить большое количество подобных структур, более надежно выявлять их. А это значит, что теперь специалисты могут составлять более правильные, обоснованные и надежные прогнозы на поиски этих важных видов минерального сырья.

Думается, что сегодня, когда такая сьемка с космических орбит стала делом постоянным, можно без преувеличения сказать, что подобная работа ставит геологию как бы на новую ступень — космическую. Недалеко и то время, когда сами космические полеты станут более привычными, чем сегодня, делом. Размеры орбитальных станций позволят проживать и работать на их борту гораздо большему числу исследователей. И тогда в космос начнут летать не только космонавты-профессионалы, но и более узкие специалисты.

И вполне возможно, что одним из первых будет именно геолог. Думаю, как раз его работа там станет наиболее эффективной с экономической точки зрения. Да, нас, космонавтов-испытателей, весьма многому и тщательно обучают. И все же узкий специалист-геолог, в особенности если он отлично знает определенный регион, наверняка увидит больше нас.

Но, конечно же, такого геолога-профессионала, узкого специалиста, необходимо будет специально подготавливать к особенностям космических исследований.

У меня было немало встреч с учеными. Но больше всего запомнился разговор с одним геологом, большим энтузиастом своего дела. Так вот, он сказал при нашей встрече, когда разглядывал некоторые из снимков, выполненных с борта «Союза-22», примерно так: «Я этот огромный район, протяженностью на тысячи километров, знаю практически досконально — весь Дальний Восток исходил и излазил за свою жизнь. Все до каждой горы, до какого-нибудь распадка отлично знаю. Но я почему-то уверен, что если бы мне удалось посмотреть на район со стороны, с такой высоты, как вы, то я наверняка увидел бы нечто такое, что представило бы для меня новый интерес и что я, быть может, как раз и искал там всю свою жизнь».

Вот именно о таком взгляде специалиста-геолога с орбиты, имеющем гигантский охват, я и говорю. Он изучил край, механизм происходящих там процессов, и у него есть не только опыт, но и, что немаловажно, интуиция. Для него вид «своего» района сверху — это своеобразная книга, которую он прочтет с легкостью. И вполне возможно, что у такого специалиста будет даже какое-то определенное задание. Скажем, изучение в этом районе наиболее ценных, перспективных для настоящего времени участков или же поиск необходимых в данный момент полезных ископаемых.

Можно с уверенностью сказать: время, когда на борту космического корабля или орбитальной станции начнет трудиться специалист-геолог, рано или поздно придет. Да и не только геолог. В космосе начнут постоянно работать океанологи, метеорологи, экологи, мелиораторы, гляциологи, представители других наук. И тогда орбитальные станции станут настоящей исследовательской лабораторией, призванной помочь человечеству проникнуть во все тайны нашей планеты, научиться лучше, полнее использовать запасы ее недр, не нанося при этом непоправимого вреда окружающей всех нас природе.

Записал
Геннадий МАКСИМОВИЧ.

По характеру работы мне часто приходится задерживаться на службе. Администрация считает за то, что у меня ненормированный рабочий день, а не оплачивает переработку, предоставляет дополнительный шестидневный отпуск, а не двенадцатидневный, как некоторым другим коллегам. Правильно ли поступает администрация?

С. КИРИЧЕНКО,
Гомель

Дополнительный отпуск работникам с ненормированным рабочим днем предоставляется продолжительностью до 12 рабочих дней. Для того, чтобы узнать, дает ли право выполняемая работа на такой отпуск, следует обратиться к перечню должностей работников с ненормированным рабочим днем. Этот перечень утверждается на предприятиях системы министерства министром СССР по согласованию с ЦК профсоюза, а на предприятиях республиканских министерств и ведомств (а также на предприятиях местного подчинения) — Советом Министров союзной республики по согласованию с республиканским советом профсоюзов.

Право использовать для работников с ненормированным рабочим днем конкретную продолжительность дополнительного отпуска предоставляется руководителю предприятия по согласованию с профсоюзным комитетом (подпункт 3 пункта 51 «Положения о социальном государственном производственном предприятии»). При предоставлении отпуска принимается во внимание фактическая нагрузка работника, круг обязанностей, а также возможность привлечения его в отдельные дни к работе сверх нормальной продолжительности рабочего времени.

Вместе с тем руководители предприятий и организаций должны знать, что удлинить рабочий день, в том числе путем систематического привлечения к работе сверх нормальной продолжительности рабочего дня, запрещается. Работа во внеурочное время допускается только в специально оговоренных в КЗоТ случаях, когда это вызывается производственной необходимостью.

Я потерял свою трудовую книжку. Каким образом и кому платится duplicate взамен утраченной?

В. АНИКИН,
Ижевск

В случае утери трудовой книжки владелец должен заявить об этом администрации предприятия, учреждения, организации по месту своей последней работы.

В течение 15 дней после подачи заявления администрация обязана выдать дубликат трудовой книжки. Для восстановления всех прежних записей владельцу утраченной трудовой книжки необходимо собрать документы, подтверждающие стаж работы во всех предыдущих местах.

После того, как документы собраны, сведения о работе вносятся в дубликат книжки суммарно, то есть в ней делается запись, указывающая общую продолжительность проработанных лет, месяцев и дней. Так же на основании документов записываются сведения об отдельных периодах работы на тех или иных предприятиях.

Выявят случаи, когда трудовая книжка по каким-либо причинам приходит в негодность. В этом случае администрация предприятия, учреждения, организации должна выдать работнику взамен этой книжки дубликат.

В самой трудовой книжке на левой странице делается запись: «Взамен выдан дубликат».

**Ирина РОДНИНА,
Александр ЗАЙЦЕВ,**
заслуженные мастера спорта

В 1980 году, когда мы покинули ледовую арену, в сборной СССР уже не было ни одного из тех фигуристов, с которыми мы начинали выступления в составе главной команды страны и с кем Ирина, в частности, впервые выезжала на чемпионат Европы-68. Из молодого же поколения тех лет оставался в строю лишь Геннадий Карпоносов, да и тот через год завершил выступления. На наших глазах пришли и покинули сборную многие выдающиеся фигуристы, рядом с которыми выступать было почетно и интересно. Многие из них стали нашими верными друзьями, а сейчас — надежными соратниками. Именно о них и пойдет рассказ.

Само по себе приглашение в сборную СССР говорит о том, что фигурист достиг спортивных вершин и что от него Родина вправе ожидать ярких побед на самых престижных состязаниях. Подавляющее большинство наших товарищей по сборной команде прекрасно понимали это, и если не всем удавалось встать на верхнюю ступеньку пьедестала почета, то, поверьте, вовсе не потому, что тренировались или боролись за победу они не от всей души. В спорте всегда есть победители и побежденные, есть конкуренция — часто жесткая и жестокая, и почетный проигрыш иногда напоминает больше, чем тусклая победа.

Нам вовсе не хочется выделять кого-нибудь только потому, что именно ему посчастливилось в борьбе равных подняться чуть выше остальных. Главное — как фигурист боролся со своими соперниками, какое мастерство он утверждал, какое наследство оставил своим преемникам, чему можно было у него научиться и нам самим. И если с такими критериями подойти к тем, с кем в течение многих лет нам довелось вместе носить гордое звание члена сборной команды СССР, то первыми мы назовем имена Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова. Шестикратные чемпионы мира и Европы, первые в истории Олимпийских игр чемпионы в спортивных танцах на льду, они были образцом и высокого спортивного класса и величия духа. Нет смысла перечислять все этапы их большого пути в спорте, любой знаток фигурного катания знает их не хуже нас. Но было несколько эпизодов, когда качество чемпионского звания Милы и Саши выдержало проверку в сверхсложных условиях...

Поначалу победы Пахомовой и Горшкова доставались нелегко: в 1970 и в 1971 годах на чемпионатах мира лишь преимущество в один судейский голос приносило им золотые медали. Новый стиль пробивал себе дорогу, преодолевая сопротивление сторонников традиционной английской танцевальной школы.

Как ни бушевали страсти, но Мила и Саша вместе со своим тренером Е. Чайковской всегда были спокойны, выдержанны и целеустремленно шли вперед, создавая все новые танцевальные шедевры.

В олимпийском сезоне 1972 года, естественно, главное внимание было сосредоточено на турнире в Саппоро. Чемпионат Европы воспринимался лишь как очередная ступенька перед Олимпиадой. Именно здесь западногерманские танцоры сестра и брат Анжелика и Эрик Бук, ведомые английским тренером Бетти Калвей и олицетворявшие каноны английской школы, с незначи-

тельным перевесом вышли вперед в обязательных танцах. Анжелика и Эрик оказались первыми, Миле и Саше достались серебряные награды.

Тогда спортивные танцы на льду еще не входили в программу Олимпиад. Спортивные пары и одиночники уехали на последний этап подготовки в Хабаровск, Пахомова и Горшков остались в Москве, чтобы готовиться к реваншу. Провожая команду, они были веселы, уверены в себе и ничем в своем поведении не выказывали ни мук ущемленной спортивной гордости, ни обиды от явной судейской несправедливости. Вновь вся сборная команда встретила уже на пути в Канаду, где в Калгари проводился послеолимпийский мировой чемпионат.

Кроме того, что реванш в фигурном катании — это всегда задача трудная, накануне показа произвольного танца Милу и Сашу подстерегло такое испытание, которого никто предвидеть не мог. Как всегда, они пообедали вместе с другими участниками чемпионата в ресторане отеля и отправились отдохнуть перед вечерней тренировкой. Через два часа и у Милы и у Саши началась страшная рвота, головокружение, поднялась температура. Врач команды ничего поделать не мог. Прибыли местные врачи и констатировали сильнейшее отравление. Сутки ребята отлеживались в постели. И вот после этого Мила и Саша вышли на лед и так прокатили свой танец, что ни у кого не осталось сомнения в том, кто действительно лидеры в танцах на льду. Победа была достигнута с большим преимуществом и надолго укрепила позиции советской танцевальной школы.

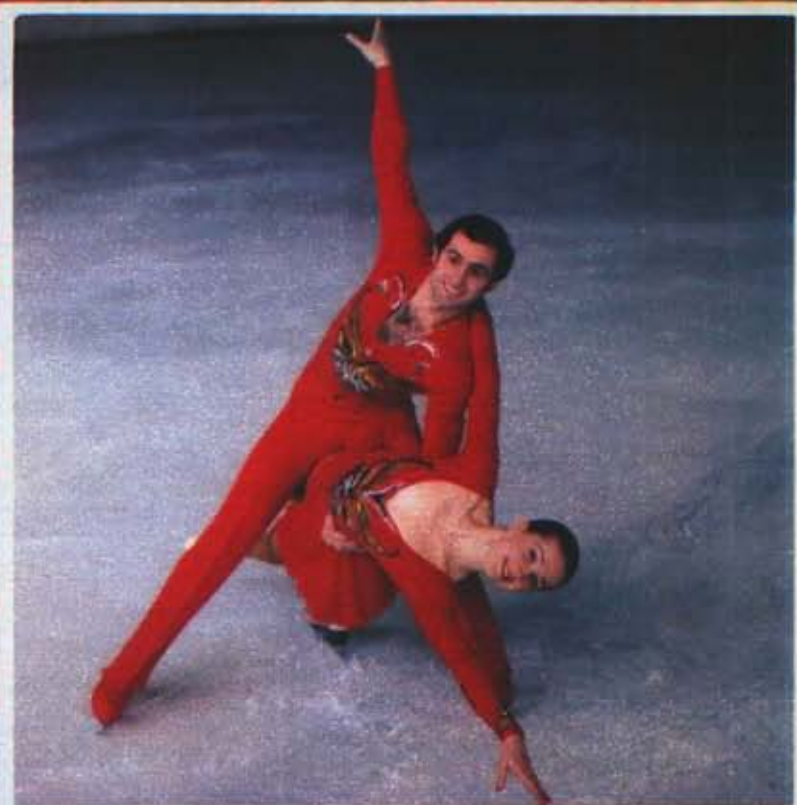
Саша Горшков к тому же многие годы был комсоргом нашей сборной. О роли комсоргов в таких командах надо бы написать особо, ибо роль эта настолько многогранна, настолько сложна и требует бесконечного такта, что равной ей и не отыщешь. Фигуристы в сборную приходят не только из разных городов, имеющих давние спортивные традиции, или спортивных обществ, но и от конкретных, стоящих на резко отличающихся творческих платформах тренеров. Чего греха таить, разные взгляды на методику тренировки, на ее содержание, на артистизм выливаются подчас не только в дискуссии... Но споры тренеров не должны влиять на общую обстановку в команде. В идеале любые творческие дискуссии должны приводить к выработке общих путей развития, к созданию такого климата — нравственного и педагогического, — в котором могут расцвести все дарования. И вот здесь-то веское слово остается за комсоргами.

В конце шестидесятых — начале семидесятых годов таким боевым, тактичным и заботливым комсоргом, никогда не делившим фигуристов на «своих» и «чужих», «любимчиков» и «нелюбимчиков», был экс-чемпион страны Александр Веденин. Ему не удалось дойти до вершин в мировом фигурном катании. Не созрело тогда еще наше одиночное катание, только начинал свой подъем Сергей Четверухин. Но зато Веденин обладал инженерным складом ума, изобретательностью, умением внести конструктивные предложения, помочь «дотянуть идею».

Не кажется ли характерным тот факт, что пока комсоргами сборной были поочередно два одиночника, два инженера по образованию и складу ума — Александр Веденин и Сергей Четверухин, — у нас и появились успехи именно в мужском одиночном разряде? Вслед за Четверухиным на пьедестал почета поднимались Владимир Ковалев, Сергей Волков, Юрий Овчинников, Игорь Бобрин.

А когда стали комсоргами танцоры — Александр Горшков, затем Андрей Миненков, — это было как бы олицетворением высокого взлета советских танцоров.

Случайность? Или все-таки закономерность?

**УЛЫБКУ ТОЖЕ ЦЕНИТ СУДЬЯ,
ГЕОМЕТРИИ ТАНЦА
ПРЫЖОК УДАТСЯ**

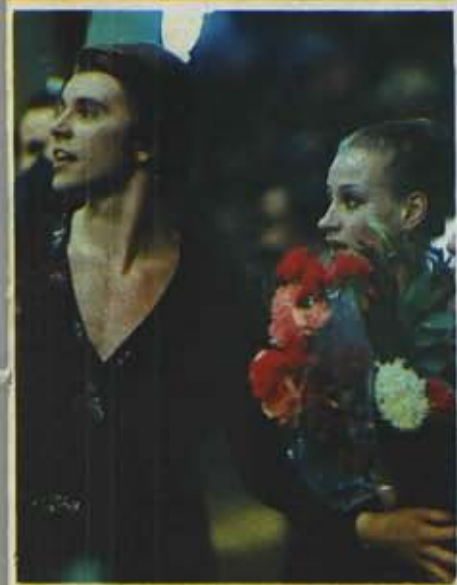

ЧЕМПИО ТЕСНЫ

БАЛЕТНОЕ ИЛИ
ЦВЕТЫ КАК ПЕРВАЯ ОЦЕНКА.

РАДОСТЬ
БЫСТРОГО ДВИЖЕНИЯ.

ЭТОТ ДОБРЫЙ
СКОЛЬЗКИИ
ЛЕД.

Фото Евгения ВОЛКОВА
и Юрия МОРГУЛИСА

НОВЫЙ КРУТ

Наши комсорги и сами росли вместе со сборной. Веденин и Горшков теперь ведут не только одну, пусть даже и главную команду. Вместе с ними в Управлении зимних видов спорта Спорткомитета СССР мы отвечаем за развитие фигурного катания уже во всей стране. Были соратниками в спорте, стали соратниками в работе. Общий язык, выработанный за многие годы дружбы, тренировок, соревнований, помогает искать и находить необходимые меры для продвижения вперед, для преодоления некоторого кризиса, наметившегося в начале 80-х годов.

Здесь нам хотелось бы отдельно поговорить об одной проблеме, имеющей огромное воспитательное значение. А именно — о знании истории своего вида спорта и своей команды. К разговору нас побуждает и новый опыт, знание нового поколения, только-только переступившего порог сборной команды страны. У этих совсем еще юных ребят мы видим и повторение некоторых ошибок прошлого (не избежали которых, впрочем, и мы сами).

Но откуда им, молодым фигуристам, как и нам когда-то, черпать знания о своих предшественниках, о лучших русских, советских и зарубежных фигуристах, если солидных исследований, учебников нет и не предвидится? В отдельных же книжках известных спортсменов и тренеров информация как бы рассыпана, распылена. Бесспорно, нужны книги о фигурном катании, о его людях, о тех, кто шел первым, кто прокладывал пути. И самое главное, чтобы были они не только информативными, называя фамилии и даты побед, а несли в себе тот нравственный заряд, без которого невозможен осознанный воспитательный процесс.

А что же делать сегодня, сейчас?

Вот над чем конкретно нужно задуматься комсомольцам сборной команды страны нынешнего образца. Думается, им под силу создать и вести своеобразную летопись славы команды. Участники самых блестящих, победных турниров, те, кто вынес всю тяжесть многолетней борьбы за утверждение на мировой арене советской школы фигурного катания, — рядом с ними.

Наше поколение сборной команды СССР достигло зрелости и полного расцвета примерно к 1975 году. Взлеты не бывают неожиданными, они подготавливаются длительной работой, и пик формы спортсмена и команды всегда отражает закономерности развития. Но 1975-й все-таки был годом особым: в чемпионате мира, кроме нас, победили И. Моисеева — А. Миненков в танцах и С. Волков — впервые в истории нашего фигурного катания — в одиночном катании. Такого еще не бывало: победы сразу в трех разрядах. Этот рекорд удалось пока повторить лишь в 1977 году.

Каждый фигурист в той сборной был личностью, каждый был неповторим. Все мы мужали и взрослели в трудных состязаниях, и это закаляло, давало мощный импульс для личного творчества.

Ирина Моисеева и Андрей Миненков стали чемпионами в переломном для нас сезоне. Не знаем, как было до нас, но после того, когда мы перешли к Т. Тарасовой, в ее группе царил колоссальный энтузиазм, каждая тренировка несла активно использовавшиеся и нами и всеми остальными творческие открытия. Слово что-то ранее скрытое пробудилось во всех учениках Тарасовой и окрыляло нас, давало новые силы для создания программ и сложных и одновременно глубоко личных, органически раскрывавших способности каждого исполнителя.

Ира и Андрей — красивые танцоры. Пара подобрана на славу. Добавим их музыкальность, пластичность, артистизм и хороший спортивный азарт. Все вместе и открывало им путь к пьедесталу.

Правда, техника и артистизм Пахомовой и Горшкова более универсальны. На

их стороне был еще и громадный опыт. Так что в олимпийском, 1976 году игра шла, как говорится, в одни ворота. Зато молодость и оригинальность Иры и Андрея позволяли им надеяться на то, что после ухода Милы и Саши они надолго останутся на самой верхней площадке.

Так не получилось. Только еще один год Моисеева и Миненков прожили спокойной жизнью. А затем вперед вышли Линичук и Карпоносов. Потом венгры Кристина Регоци и Андраш Салаи. Когда эти две пары покинули спорт, казалось, что теперь-то уж наверняка Ира и Андрей вернут себе потерянные ранее высшие титулы. Но их обошли английские танцоры, нынешние чемпионы мира и Европы Джейн Торвилл и Кристофер Дин, а кроме того, и советская пара Наталья Бестемьянова и Андрей Букин (их подготовила Т. Тарасова).

Ира и Андрей дважды меняли тренеров. Это были отчаянные попытки что-то улучшить в своем стиле, найти новые краски. Ничем другим, надемся, это объяснить нельзя. Мы сверяем свой опыт с опытом наших товарищей по сборной, но простого наложения не получается. Все-таки метания Иры и Андрея, думается нам, свидетельствуют о какой-то внутренней неуверенности и отсутствии постоянства...

Да, нелегко взойти на верхнюю ступеньку мирового пьедестала, а еще труднее остаться на ней. Чем выше поднимаешься, тем лучше в принципе ты должен видеть дальние ориентиры и дорогу к ним. Это с одной стороны. А с другой — на высоте и воздух более разреженный и кислорода, если ты недостаточно закален, может не хватить. И чем выше, тем труднее. Испытание высотой — испытание наивысшей категории трудности. И к нему должен быть готов любой чемпион. Это вообще-то истина прописная. Может быть, даже порядком надоевшая в устах других. Но она является альфой и омегой любого успеха.

Долгим был путь в большом спорте и Геннадия Карпоносова. И весь связан с тренером Е. Чайковской. Правда, партнерш у Геннадия было две. С первой — Еленой Жарковой — он пробился в сборную, стал третьим номером на целые четыре года. Большие успехи не приходили, хотя и каталась пара старательно, сильно. Жаркова, не видя для себя в спорте особых перспектив, ушла, а Гена начал кататься с совсем еще юной Наташей Линичук.

Как тогда ему пришлось, знают, наверное, он сам да тренер. Мы можем только догадываться, как зрелому партнеру, члену сборной команды страны, технически обученному всему, тяжело становится в пару с фигуристой-третьеразрядницей. Выдержал Гена. Выдержала и Наташа, чья стойкость, сноровка, умение схватывать каждое движение заслуживают высших оценок. Ей ведь тоже приходилось нелегко, тем более, что сценический портрет этой пары остро нуждался в свежих и оригинальных чертах.

Наташа и Гена продержались на чемпионском пьедестале почти три года. Они взяли наивысшую вершину — олимпийскую. Взяли в поединке сложном, когда судьба золотой медали решалась микронами удачи. Они выстояли, и это — следствие длительного воспитания характера.

Среди героев 1975 года были, конечно, и три наших одиночника — прямые наследники Сергея Четверухина. И Владимир Ковалев, и Сергей Волков, и Юрий Овчинников начали свой путь в сборной команде СССР при Четверухине, ибо их мастерство в те годы ни в какое сравнение с тем, что уже имел и показывал Сергей, идти не могло. Они подрастали и крепили за его широкой спиной. Он торил для них тропу, он служил для них проводником, более того, он позволял им не спешить, а постепенно подниматься по лестнице успеха. И если есть спортсмен, который

целиком отдал себя не только личному успеху, но и успеху своих молодых соратников, то это, несомненно, Сергей Четверухин. Хотя сам он так и не сделал последнего «золотого» шага, в достижениях Ковалева и Волкова есть и его вклад.

Они были и остаются очень разными — Владимир Ковалев и Сергей Волков, наши первые чемпионы Европы и мира. Взрывной, экстремальный, по-спортивному злой и подчас неукротимый Владимир Ковалев. Для него не существовали авторитеты, он всегда шел судьбе наперекор, и когда надо было, мог мобилизовать себя на штурм, казалось бы, невозможного. В таком характере, в таких психологических сверхнагрузках есть и свои чербинки, трещинки. И не случайно ковалевский характер не раз то возносил его высоко, то...

Нам не хотелось бы ворошить сегодня всю биографию Володи. Он прошел три олимпийских цикла, завоевал однажды серебряную медаль. Дважды был чемпионом мира, один раз — Европы. Завоевал несметное количество малых золотых, серебряных и бронзовых наград за исполнение «школы» и произвольной программы. И если спортсмен добивался такого огромного успеха, если он умел отдать себя без остатка борьбе с соперниками, иногда технически превосходившими его, но уступавшими его волевым напором, то, мы надеемся, он в будущем в тренерской работе сумеет разумно управлять своим характером, чтобы одолеть новые рубежи.

Сергей Волков даже внешне был прямой противоположностью Ковалева. Белокурый, белокожий, молчаливый и почти осторожный в движениях. Работящий до предела. Тихо настойчивый. Умеющий «держать удар» и терпеть, пока не пробьет его час. Мало кто мог бы сделать смелый прогноз и предсказать, что Волков станет чемпионом мира. Ведь в его время уже созрела целая плеяда блестящих мастеров одиночного катания, каждый из которых по праву претендовал на звание чемпиона. А в 1975 году Волков выиграл у них у всех, да еще сделал это в Колорадо-Спрингсе, где трудностей всегда так много. Чтобы еще более высветить успех Сергея, мы просто перечислим имена его главных соперников. Ну, во-первых, Владимир Ковалев. Во-вторых, англичанин Джон Карри, будущий олимпийский чемпион-76. В-третьих, канадец Толлер Кранстон... Уже этих трех имен вполне достаточно.

Это был поистине звездный час Сергея, тот, может быть, единственный

момент, когда он мог стать первым. И он им стал, использовав все свои преимущества. Мы хорошо помним его выступление. Еще и потому помним, что наша команда очень волновалась из-за самочувствия Сережи. На одной из тренировок он сильно повредил ногу, стоял даже вопрос о его снятии с соревнований. Нога не переставала болеть в течение всего чемпионата, любое неосторожное движение могло усугубить последствия травмы. Спортсменам не надо объяснять, как это связывает, не дает шага лишнего ступить, давит на психику страшнее любой спортивной конкуренции.

Волков сумел сдержать свои нервы. Он распределил силы так, что их хватило на весь чемпионат. Хватило для победы. Разумный риск и разумный, трезвый расчет тренера В. Кудрявцева, точная программа выступлений, созданная им вместе с учеником, тактическая схема, дававшая главный шанс, — вот слагаемые успеха Волкова.

Когда в канун Олимпиады-76 стали подсчитывать так называемые неофициальные очки, то выяснилось, что мы набрали их как никогда много, и это без Л. Пахомовой и А. Горшкова. Большого никогда не было. Стоит рекорд тех лет и ожидает, когда же новые смельчаки пойдут на его штурм. Мы можем гордиться таким достижением...

Практически на той же волне шел вверх и чемпион Европы 1981 года Игорь Бобрин. Чемпионом он стал, будучи уже в группе фигуристов молодого тренера Ю. Овчинникова. Так что это был как бы двоянный успех фигуриста, который ушел, не сказав самого громкого слова, и фигуриста, сумевшего, выступая в такой же манере, сказать его.

Юрий Овчинников начинал удивительно красиво. Его сразу приметили. Оценили. Высокие, парящие прыжки. Естественность. Раскованность. Умение почувствовать публику и предугадать ее желания не мешало ему в то же время быть и воспитателем вкусов. Юра открыл и для себя и для своих поклонников целую музыкальную область. Современные обработки классических мелодий помогли ему найти и эквивалентные пластические решения. Словом, творческое и спортивное было в нем природой заложено удивительно щедро. И он многое использовал. И оставил свой след в истории фигурного катания. Но вот на мировой арене, и даже на европейской, чемпионом не стал. А его ученику это удалось.

Почему же так? Почему яркий, талантливый человек (вспомните попутно и Кранстона) иной раз так и не становится

лидером по всем статьям? И с другой стороны, тот, к кому природа была менее щедрой, выходит вперед и побеждает? Каковы тут закономерности?

Сколько будет существовать спорт, точного ответа на такие вопросы не найти. Мы в этом убеждены. Потому что ответ зависит от множества приходящих обстоятельств и в немалой степени от характера самого атлета, его умения постоять за себя, не дрогнуть в решающий и единственно необходимый для него миг. И, естественно, от гармонии его спортивного развития, диктуемой правилами спорта. Существующими, понятно, в его время, потому что правила имеют одну особенность — они периодически меняются в зависимости от новых задач, которые возникают по мере развития спорта.

Об этом надо помнить и спортсмену и тренеру, если они хотят быть лидерами. И еще о том, что спортивная жизнь, как и фортуна, удивительно переменчива, и надо быть не только сильным, но и гибким, уметь — если потребуется — перестраиваться на ходу и искать, искать, искать безостановочно.

Об этом надо было, наверное, помнить и Юрию и Игорю Бобрину после победного для них сезона 1981 года. Потому что годом спустя Игорь отступил назад так далеко, что этого невозможно было предвидеть.

В орбите сборной множество людей. Это не только спортсмены, тренеры, хореографы, руководители. Это и все те, кто помогает нам жить и трудиться, готовить фигуристов, кто не жалеет для нас своих знаний, жизненного опыта, фантазии. В числе этих людей первым назовем Александра Гольдштейна, молодого композитора, который вот уже полтора десятилетия помогает ведущим фигуристам страны создавать подлинные музыкальные шедевры для коротких и произвольных программ. Мы начали сотрудничать с Александром в 1977 году и сразу убедились в том, что он мастер самой высокой квалификации.

Значение музыки в успехе фигуриста трудно переоценить! Она диктует характер движений. Развивает спортсменов, да и, будем откровенны, самих тренеров. И если тренер одинок, если он не обладает разносторонним и глубоким музыкальным вкусом и не хочет его развивать, значит, рано или поздно он остановится в своем развитии. Такие композиторы, как Александр Гольдштейн, учат нас непрерывному музыкальному совершенствованию, взыскательности, тонкости в обращении с теми или иными музыкальными произведениями, умению ставить сверхзадачи в

программе, в поисках достойных пластических эквивалентов.

Органически вошли в состав сборной врач Юрий Александрович Гончаров и массажист Евгений Кокурин. Они разные люди и вместе с тем одинаково нужные всем нашим спортсменам. Почему? Да потому, что оказались не просто специалистами, умеющими быстро поставить на ноги больных, восстановить силы уставших, — чуткими, понимающими душу спортсменов людьми. Все мы охотно поверяем им свои секреты. Они умеют слушать, но... никогда не говорят лишнего. Для них клятва Гиппократова, врачебная и человеческая этика не отвлеченные понятия.

Наш главный инструмент — коньки. Очень тонкий инструмент, очень чувствительный, хотя и сделаны коньки из лучшей советской или английской стали. Стоит только чуть притупиться им, стоит измениться привычному и сложному контуру лоткообразного лезвия с его двумя ребрами, как ломается техника прыжков и вращений. После очередной заточки коньков всегда надо вновь привыкнуть к ним. Но когда затачивают коньки профессиональный мастер этого дела Валентин Земнухов или известный тренер Эдуард Плинер (он, к слову сказать, был первым наставником Натальи Бестемьяновой, одной из лучших в прошлом «одиночиц»), привыкнуть вновь — не трудоемкое дело. Ювелирной работой Земнухова и Плинера пользуются многие члены нашей сборной.

А наши костюмы! Сколько месяцев художники-модельеры Ася Белецкая и Евгения Константинова и все их коллеги по ателье спортивной одежды мудрят над новыми нарядами, чтобы выглядели спортсмены наиболее эффектно, модно, чтобы их спортивный наряд был удобен, не мешал выступлениям. Кажется, фантазия наших художников неисощима, а терпение бесконечно. Потому что «клиенты» часто и нетерпеливы и вкусом соответствующим обладают не в полной мере. И если костюмы наши вызывают аллюдисменты, если наша сборная и в одежде чаще всего диктует мировую моду, — значит, работа модельеров заслуженно оценена.

Сколько же у нас помощников! Сколько чутких и верных друзей! Фамилии их можно перечислять до бесконечности. Это и те люди, которые «варят» лед. И те, кто следит за порядком в раздевалках, приносит нам, когда нет уже никаких сил, стакан горячего, сладкого и такого желанного чая. И те, кто заливает и шлифует лед. И те, кто руководит дворцами спорта, гостеприимно открывающими двери.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

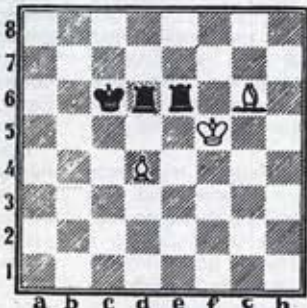

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Связка.

Фигура (пешка) считается связанной, если она прикрывает другую свою фигуру (пешку), более ценную или незащищенную, от нападения неприятельской дальнбойной фигуры (слона, ладьи, ферзя), находящейся на одной с ними линии. Если связанная фигура прикрывает своего короля, она полностью лишена подвижности. Рассмотрим учебный пример.

Белые начинают и делают ничью.

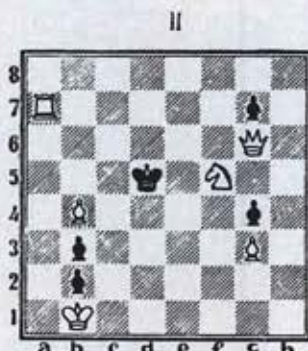

жем, после ходов 2...Лаб 3.Сg8 Крд6 возможно 4.С:е6, так как перекрывает ладью а6. Для ничьей белым достаточно удерживать слона на диагонали a2—g8. А теперь предлагаем участникам олимпиады тематическую подборку задач.

Восьмой тур

Белые: Крe8, Фd7, Лf8, Сb7, Кс2, Кg4, p. f2 (7).
Черные: Кре4, Фс6, Ка7, пп. е6, f3, f4 (6).
Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

Белые: Крb1, Фg6, Ла7, Кf5, пп. b4, g3 (6).
Черные: Крд5, пп. b2, b3, g4, g7 (5).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

III

Белые: Крh2, Фе1, Лg3, Лg7, Кd5 (5).
Черные: Крf5, Ла3, Сg5, Кb2, пп. b6, f3, h6 (7).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

В решениях подчеркнуть все варианты, в которых на матующем ходу используется связка черной фигуры (1 балл).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 8-й тур». Последний срок присылки ответов — 30 июня (по почтовому штемпелю).

АУТОУВАС?

**ПОЖАР
ВЕКА**

**НИИ разводит
сорняки?**

**ПЫЛЕСОСЫ
ЖДУТ ПОСАДКИ**

**ТВ
на остановке**

ЭКСПЕДИЦИИ

ОГОНЬ В НЕДРАХ

В горах западного Таджикистана, на юге Ленинабадской области, горит Раватское угольное месторождение. Давно горит, не первую тысячу лет. Об этом уникальном природном явлении писал еще в первом веке нашей эры древнеримский историк Плиний Старший.

Жалко уголь: теоретически, предполагают ученые, можно и потушить «вечный» огонь, но такая работа на километровой глубине обошлась бы дороже, чем стоимость всего месторождения.

Так что же, пусть горит? Пока — да. Тем более, что пожар под землей все же приносит пользу: прикладную и научную.

Во-первых, продукты пожара — серу, квасцы, селитру — не первый век используют в хозяйстве местные жители. Серой защищали от вредителей виноградники, квасцы использовали при выделке кож, а также и для поправки здоровья — от желудочных болезней. Из селитры делали порох...

Ученым, особенно минерологам, работы в этом районе непочтатый край. Ведь в экстремальных условиях на свет появляются минералы, неизвестные ни в каких других регионах мира. Да и сам факт возникновения подобных пожаров дает немало материалов для уникальных исследований. Например, при взаимодействии сульфидов угля с грунтовыми водами выделяется столько тепла, что температура газов, выходящих на поверхность, достигает пяти сот градусов...

Со временем, возможно, поселки, находящиеся в зоне пожара, будут получать тепло именно благодаря подземному очагу.

Мария МАКАРОВА

ВЕРНИСАЖ

«...ВЫЛЕТИТ ПТИЧКА?»

Не совсем обычная выставка открылась в народной фотостудии «Товарищ» свердловского Дворца культуры «Урал». Около тридцати работ пятнадцати уральских живописцев рассказывают о фотографиях и фотографиях. Интересна роспись по дереву «Фотограф на стройке» самодеятельного художника А. Коровкина. Оригинально решен сюжет картины В. Кикина «Фотолaborатория».

«Портрет фотокорреспондента» художника В. Качалова

отмечен на зональном смотре «Урал социалистический», а работа художника А. Золотухина «Фотокорреспондент молодежной газеты «На смену» экспонировалась в Москве.

Причем не только личность фотографа, но и, так сказать, «орудия его труда» стали предметом пристального внимания живописцев. О чем свидетельствуют «Рабочие натюрморты» В. Сочнева.

Петр ВОЛКОВ

ИНИЦИАТИВА!

Самолеты — в химчистку

Сорок третьим видом услуг, которые оказывает своим клиентам Ташкентская фабрика химчистки, стал прием в чистку... самолетов.

Вся операция по обновлению внутреннего интерьера — кресел, ковровых дорожек, чехлов, занавесок — длится два-три часа, пока лайнер проходит очередной профилактический осмотр. Прежде хозяйственные службы аэропорта выполняли эту же работу за сутки.

Иван ПАВЛОВ

ХОЗЯЙСТВО ГОРОДА

РЕШАЙТЕ САМИ

Множество людей перестало ежедневно нервничать в ожидании троллейбуса на одной из самых оживленных остановок в центре Баку. Специальное электронное табло, хорошо видимое со всех сторон, подсказывает теперь пассажирам, где сейчас находится машина нужного им маршрута, когда она подойдет.

И если на табло долго держится надпись «Троллейбус задерживается», горожане, не тратя времени зря, пользуются автобусом или метро. Причем, чтобы такие ситуации случались как можно реже, бакинские специалисты внедряют сейчас на троллейбусных маршрутах специальный телеконтроль.

Джафар МИРЗОЕВ

НАУКА
ВЕДЕТ ПОИСК

Эта сладкая крапива

Более двадцати лет сотрудник Сибирского НИИ сельского хозяйства В. Богачков выращивает на своей опытной плантации... крапиву. За это время, ни разу не пересеивая ее, он ежегодно собирал урожай в 450—600 центнеров зеленой массы в пересчете на гектар.

Зачем это нужно? Оказывается, крапива — самый полезный в природе сорняк. По содержанию белка она не уступает клеверу и люцерне, а по наличию жизненно важных микроэлементов в полтора раза превосходит их.

Омский ученый мечтает, что при каждой колхозной ферме будут созданы специальные участки крапивы — важного кормового подспорья, к тому же обладающего лекарственными свойствами.

Владимир КОНОВ

...МАСТЕРА!

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

Очень любят музыку в 12-й средней школе литовского города Шяуляя. Ни один праздник не обходится без выступлений ученического ансамбля, который не раз побеждал в музыкальных конкурсах разного ранга, в том числе и на республиканском конкурсе «Песня-песенка» специально для школьников.

Мало того: практически в каждом классе, начиная с октябрьских, свой хор и свой оркестр.

На снимке: учительница музыки Нееле Юркайтите репетирует с хором пятиклассниц новую песню.

Владимир МАШАТИН
Фото автора

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

Уренгойцы встречают Пушкина

Много писателей, артистов, агитбригад и ансамблей побывало на уренгойской земле.

Но встреча с правнуком Александра Сергеевича Пушкина, Григорием Григорьевичем Пушкиным, вызвала особый интерес везде: на трассе, на городских строительных площадках, в красном уголке треста «Уренгойтрубопроводстрой».

Единственный правнук великого поэта по мужской линии рассказывал о необычных судьбах детей поэта, о том, как сложилась жизнь других родственников Александра Сергеевича, ныне из которых живут и здравствуют по сей день.

Анна БАРЫШЕВА

ТРАДИЦИИ

Булава улетает вверх

...В этом-то и заключается смысл соревнований, которые организовали студенты Кишиневского сельскохозяйственного института. Метание буздуранга — деревянной булавы, бывшей некогда грозным оружием гайдуков, — возродилось ныне как национальный вид спорта. Побеждает здесь тот, чья булава, подброшенная вверх, дольше продержится в воздухе. Буздуранг первого чемпиона, студента М. Кайсыма, продержался в свободном полете больше четырех секунд.

Дмитрий ПОПЕСКУ

МУЗЕИ

У ДАЛЯ В КАБИНЕТЕ

Усадьба Владимира Ивановича Даля стояла едва ли не на окраине города: желтого цвета стены, большие окна, резное крыльцо... За домом — парк, а с парадного входа открывался прекрасный вид на Пресненские пруды и поле. Здесь, в Москве, на Большой Грузинской, Даль прожил последние тринадцать лет жизни, завершая составление своего знаменитого «Толкового слова-

ря живого великорусского языка».

А ныне в усадьбе работают специалисты московского комбината декоративно-прикладного искусства: идет восстановление внутреннего интерьера дома, в частности рабочего кабинета ученого. Начался и сбор экспонатов для будущего музея.

Ирина МЕЛЬНИКОВА

Марина ВАЙНО

«СИКСТИНСКАЯ МАДОННА».
1515—1519 гг.
ДРЕЗДЕНСКАЯ
КАРТИННАЯ
ГАЛЕРЕЯ.

ДВИЖИМЫЙ ЛЮБОВЬЮ К СОВЕРШЕНСТВУ

Джорджо ВАЗАРИ (1511—1574), флорентийский живописец и архитектор, вошел в историю как писатель, автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», создатель первой истории искусств, классик науки об искусстве и художественной критики. Мы публикуем строки из его «Жизнеописания Рафаэля», 500-летие со дня рождения которого отмечается мировой общественностью.

Сколь велики милость и щедрость, проявляемые небом, когда оно сосредоточивает иной раз в одном лице бесконечные богатства своих сокровищ и все те благодеяния и ценнейшие дары, которые оно обычно в течение долгого времени распределяет между многими людьми, ясно видно на примере Рафаэля Санцио из Урбино, чьи выдающиеся достижения ни в чем не уступали его личному обаянию... Природа именно его и принесла в дар миру в то время, когда побежденная искусством в лице Микеланджело Буонаротти, она в лице Рафаэля пожелала быть побежденной не только искусством, но и добронравием...

Родился же Рафаэль в именитейшем итальянском городе Урбино в три часа ночи в страстную пятницу 1483 года (6 апреля.—Прим. ред.) от некоего Джованни деи Санти, живописца не слишком выдающегося, но человека одаренного и способного направлять детей по верному пути, которому, однако, не повезло, так как смолоду никто ему этого пути не указал... Когда мальчик подросток, отец стал упражнять его в живописи, обнаружив в нем большую склонность к этому искусству и прекраснейшее дарование... Когда этот примерный и любящий отец убедился в том, что сын его, оставаясь при нем, мало что мог от него еще получить, он решил поместить его к Пьетро Перуджино, который, как ему говорили, занимал в то время первое место среди живописцев... Пьетро, увидев, как рисует Рафаэль, и убедившись в его отличном поведении и воспитании, составил себе о нем то суждение, истинность которого само время впоследствии в полной мере и доказало... Рафаэль, изучив манеру Перуджино, подражал ей настолько точно и решительно во всем, что его копии невозможно было отличить от оригиналов его учителя...

Находясь в Сиене, он (Рафаэль.—Прим. ред.) слышал, как некоторые живописцы с величайшими похвалами отзывались о картоне с великопелнейшей группой коней, нарисованной Леонардо да Винчи во Флоренции, а также о еще более совершенных обнаженных фигурах, которые, соревнуясь с Леонардо, сделал Микеланджело Буонаротти. Движимый своей неизменной

«МАДОННА
КОНЕСТАБИЛЕ».
ОКОЛО 1500—1502 гг.
ЭРМИТАЖ,
ЛЕНИНГРАД.

любовью ко всему совершенному в искусстве, Рафаэль разгорелся таким желанием, что, отложив всякое пожелание о работе, о пользе и о выгоде, оказался во Флоренции... Этот превосходнейший живописец изучал в городе Флоренции старинные приемы Мазаччо, а те приемы, которые он увидел в работах Леонардо и Микеланджело, заставили его работать еще упорнее... Имел близкое общение с фра Бартоломео, колориту которого он всячески старался подражать, сам же он обучил доброго инок правилам перспективы...

По приезде в Рим Рафаэль приступил в покое, где подписываются папские указы, к созданию истории... Тут — портреты наиболее прославленных поэтов, как древних, так и новых, портреты, написанные частью со статуей, частью с медалей, многие со старых картин, а также с натуры при жизни самим художником. Таковы Овидий, Вергилий, Эний, Тибулл, Катулл, Проперций и слепой Гомер с закинутой головой... Тут же

и ученая Сафо, и божественный Данте, и любезный Петрарка, и влюбленный Бокаччо, все — как живые, а также Тибальдео и многие, многие другие наши современники. История эта выполнена с большой непосредственностью и вместе с тем тщательно выписана...

Он понял, что живопись состоит вовсе не только в изображении обнаженного тела, но что у нее более широкое поле деятельности и что к совершенным живописцам могут быть причислены также и те, кто хорошо и с легкостью умеет выразить себя в сочинении историй и в хорошо продуманном замысле, кто свои исторические композиции не загромождает излишествами и не обедняет чрезмерной скупостью, но строит их с хорошей выдумкой и с должной строгостью и кто поэту и вправе именовать умелым и разумным художником... Главное — умение добиться в портретах та-

кого сходства, чтобы люди казались живыми и чтобы ясно было, для кого они написаны. Подумал он и о бесчисленном множестве других вещей, в которых искусство живописи нуждается на каждом шагу, как, например, покрой одежды, обувь, шлемы, доспехи, женские прически, волосы, бороды, сосуды, деревья, гроты, скалы, огни, туманная и ясная погода, облака, молния, ночь, лунный свет и сияние солнца... Как они (художники.—Прим. ред.) могли бы, стремясь к разносторонности и к овладению другими областями живописи, принести пользу и себе и миру... Показать, какой степенью трудоспособности, упорства и деловитости обладал этот славный художник, в особенности на пользу другим живописцам, чтобы они научились ограждать себя от тех помех, от которых мудрость и мастерство Рафаэля всегда умело его ограждать...

Он завершил свой жизненный путь в день своего рождения, в страстную пятницу, тридцати семи лет от роду...

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬЮНОСТЬ
КУРЧАТОВА

Встречи «святой троицы» у вечерней копилки продолжали университетскую жизнь, помогали вникать в смысл советов профессоров: не заучивать, а размышлять. Студент обязан, как и любой ученый, знать, думать и мечтать. Настоящий, сильный ум всегда тревожит, пугает неожиданными вопросами и таким подходом к предмету с новой стороны, который позволяет видеть то, что было невидимо.

— Хо-хо-хо... — грустил Луценко. — Электромеханике учат. Физике учат. Математике учат. Как думать, учат. Как стать человеком, учат... Это что же такое? Куда крестьянину податься? От нас ведь, коллеги, прежде всего потребуют знаний. Не размышлений, а знаний.

— Приехали! — вздохнул Ляховицкий.

— Твое заявление, коллега Луценко, я буду говорить официально, — сердито заговорил Игорь, — лишнее доказательство того, что лучшее из всех способностей человека — разум у тебя, дружище, сильно заторможен. В старом университете убивали самостоятельность. Тот считался примерным, кто занимался зубрежкой, был ограничен и не задавал «нелепых вопросов». Теперь в нас видят людей. Нам доверяют, говорят нам, дуракам: размышляйте, ищите, дерзайте, черт бы вас побрал! Будьте людьми с большой буквы! А ты?... Смотри, как профессора приближают нас к себе...

Говоря об этом, Курчатова имел в виду встречи студентов с профессорами у них на дому. Официальных консультаций тогда не полагалось, и профессора, желая лучше узнать своих студентов, вдохнуть в них жажду знаний, передать опыт, приглашали их к себе. Во время встреч подавали на стол жидкий чай с сахаринном и неизменную хамсу. Дело было не в убогом меню, а в той дружеской и чистой атмосфере, которая насыщала встречи.

Университетская жизнь многое изменила в судьбе Игоря Курчатова. Почувствовав себя взрослым, самостоятельным человеком, он решил прежде всего снять с родителей материальную заботу о нем и о брате, теперь ведь он стипендиат! Правда, стипендия была маленькой, и необходимость заставляла искать приработок. Только с его помощью можно было реально помочь семье.

— Пойду на биржу труда, — сказал Игорь отцу. — Довольно тебе надрываться. Я вижу, как ты стараешься, но один не осилишь. Я вырос и буду работать на прокорм.

Василий Алексеевич был растроган. Он стал уговаривать сына не отвлекаться от университетских дел, сосредоточить все внимание на учебе. Игорь, проявив твердость, настоял на своем и объявил маме:

— Мама, скоро принесу заработок, тогда запируем. Иду на биржу труда.

Мария Васильевна чуть не ударилась в слезы. Она принялась уговаривать Игоря: все обойдется, она сможет сводить концы с концами, не нужно ему тратить силы...

Игорь настоял на своем и рано утром отправился на биржу труда. Вдоль белой стены уже протянулась очередь безработных. Занятый студенческими делами, Игорь не представлял себе, как велика в Крыму безработица. Он увидел в очереди мужчин и женщин, стариков и юнцов. Многие из них бывали здесь много раз, перешагнув, дружно смолотили сигарки, поплевали, скудно обменивались новостями. Когда дошла очередь до Игоря и подоспевшего Луценко, их вызвали пилить дрова на консервной фабрике.

— Дело знакомое, — сказал Игорь. — Пошли. Я на этой фабрике мальчишкой с отцом дрова пилил.

Студентам дали пилу, топор, показали на склад бревен. «Вот ваша работа», — безучастно сказал мастер и ушел в цех.

Игорь сбросил переносной отцовский пиджак, засучил рукава заштопанной рубашки, поплевал на ладони и привычно двинул пилу.

— Рраз-два-рраз-два... — разошелся Курчатова. Быстро вспотел, но не снизил движения пилы, все подбадривал товарища: — Давай! Еще давай!

— Ты не гони! — стирая с лица пот, недовольно сказал напарник. — Учти: быстро кончим — быстрее вернемся на биржу труда. А нам с тобой это не с руки. Помни: работаем по-дому.

На звон пилы и стук топора вышли работники консервной фабрики. В ситцевых платках, закрывавших до глаз лица, они смеялись и, подталкивая друг друга, принялись выслушивать студентов:

— Приветик, пыльщики, звездочеты. А тот, темноглазый красавчик, кажись, хорош. Такого б в мужья, горя знать не будешь. Вон как черта ломает. — Загорелая рыжая бабенка подмигнула Игорю. — Только, милоч, зря пупок рвешь, мастер копейки не подкинет. Ей-право, святая икона.

— В клуб пригласите, пляс покажем! — крикнула стройная девица, прикрывая голову чалмой из вафельных полотенец.

Игорь, не привыкший к вниманию женщин, да еще к столь откровенному, покраснел и стал «гнать» пилу еще быстрее.

Как и предвещал Луценко, на третий день после окончания работы пришел мрачный мастер, проверил укладку поленьев в штабель; выразил свое недовольство тем, как распилили бревна, нелестно отозвался об интеллигенции и нехотя отчитал ассигнации.

— Видишь? — уныло вымолил Луценко. — Поденка есть поденка. Зря пупок рвали. А мастеру врезать бы надо. В общем, опять на биржу топать.

Домой Игорь пришел взволнованный и раскрасневший от переживаний — впервые в жизни принес он маме получку. Мария Васильевна вспыхнула от радости. Василий Алексеевич обнял сына, стал сбивчиво вспоминать, как с Игорем пилил дрова на той же консервной фабрике, и все приговаривал:

— Ну и вырос! Ну и вырос! Теперь, брат, ты опора дома. Молодец! За получку спасибо. Но слушай: с голоду не помрем, сведем концы с концами, а ты учись!

— Я этим и занят, отец. — Игорь чувствовал, как у него теплеют глаза. — Я продумал, как мне построить день, чтобы было время и для учения и для работы.

Как сказал Игорь, так и сделал: напряженно занимаясь с друзьями в университете, он, выбрав время в своем расписании, вновь пошел на биржу труда. Не сразу получил «временку» — на две недели подменить воспитательницу в детском саду.

— Ты студент, значит, человек грамотный, — объяснил свое решение дежурный биржи труда. — Сам недавно под стол пешком ходил, так что насчет детства ты в курсе дела. Работа не пыльная, я бы сказал, легкая. Время для занятий будет. Главное — не робей и детишек не бей. Остальное приложится.

В детском саду Игорь познакомился с нервной воспитательницей, уходившей на пару недель в отпуск по семейным обстоятельствам. Это была высохшая, злая женщина, не пожелавшая толком передать Игорю дела.

— Тут все ясно для компетентного человека, — неприязненно сказала она. — Как-нибудь переберетесь до моего возвращения.

На Игоря отовсюду смотрели черные и синие глаза. К нему тянулись ручонки, хватавшие его за рукава толстовки и брюки. Все вокруг шумело, плакало и смеялось. Вскоре появилась заведующая детским садом, дородная, сильно раскрашенная женщина. Взыскательно осмотрев ладную фигуру Игоря, она заговорила с ним несколько жеманно, грассируя и глотая слова:

— Какой милый Песталоцци... Прелесть! Э-э-э... Это чудесно, что пожател в наш маленький адик... Так как, ваше имя, сударь? А я Надежда Юрьевна.

Прошу нас любить и жаловать. У нас вам тут понравится. Прелестные эти. Прелестные условия. Пройдемте ко мне, я вас введу в курс дела и угощу для знакомства наливночкой.

Разливая чай и наливку, Надежда Юрьевна наставляла Игоря:

— Вы не обращайте внимания на мелюзгу... Мы привыкли к этому адиду. Орут, бегают, шкоят, — это время их жизни. Ну-с, скажу вам, — Надежда Юрьевна склонилась к Игорю, жарко дохнула ему в лицо, — взрослым при детях не голодно... Насколько я понимаю, для студента это, наверное, важно. Верно я говорю? Будем дружить и помогать друг другу. Э-э-э... Я буду вас звать по-простому — Игорек...

От матери Игорь унаследовал талант педагога и быстро расположил к себе детвору. Он научил детишек незатейливым играм, ползал с ними на четвереньках, имитировал лай собачки и пение птицы. Игорь полюбили жители детского садика и их полновластная хозяйка.

— Знаете, милый Игоречек, вы ворвались, как луч солнца в мое темное царство, в наш адик. Я буду просить биржу оставить вас в нашем доме бессрочно. Я создам вам условия для учения, для отдыха. У вас талант. Вы прирожденный Песталоцци.

С трудом выдержав две недели назойливой заботы Надежды Юрьевны, Курчатова откланялся, как только вернулась из отпуска воспитательница, и чуть не бегом бросился домой.

Василий Алексеевич громко смеялся, слушая рассказ сына о его работе в «детском адике», приговаривал:

— Подделом тебе... Мы с мамой говорили: занимайся своим делом — учись. А ты? Сделай вывод. Слушайся.

Но Игорь не слушал. Он понимал, как необходима его помощь семье. Вновь встал в очередь к окошку на бирже труда, и опять ему досталась разовая работа — разгружать вагоны. Правда, при этом произошло нечто важное: нарядчик позвал к себе Игоря и сказал:

— Ты парень здоровый и дисциплинированный, будешь бригадиром. Набирай себе бригаду, составляй список, только смотри, чтобы ребятки были крепче и не сачковали. И айда на железку.

Игорь был польщен оказанным ему доверием. Прежде всего он, конечно, включил в бригаду Луценко и Ляховицкого, подобрал еще ребят со своего курса, взял мужичков из очереди и пошел с ними на товарный двор. Пока шли, внушал бригаде:

— Вагоны не должны простаивать по нашей милости. Чем быстрее разгрузим, тем быстрее будет оборот подвижного состава. А это — дело государственное. В газетах читали? Ясно?

Пришли на базу, Игорь получил задание и расставил своих грузчиков. Они дружно откатали двери теплушек и под песни и раскатиный счет: «Раз-два — взяли!» — принялись за разгрузку товарного поезда. Работали дружно и споро. Раньше указанного времени выгрузили тяжелые ящики и мешки, уголь и железные листы. Рекордно быстрая и аккуратная работа понравилась начальству. Оно щедро расплатилось с бригадой и в тот же день направило на биржу труда запрос: по срочному вызову присылать только бригаду Курчатова.

Так и повелось — приходили в Симферополь товарные составы с лесом, углем, листовым железом или оборудованием, вестовой с железной дороги бросали отсыкивать днем ли, ночью ли Игоря, раз вызвал даже с лекции. Курчатова спешно собирал бригаду и вел ее на разгрузку.

Лязг буферов, гудки паровозов, перестук колес на стыках рельсов, запахи масла и перегретого пара в смеси с паровозными дымами, веселые песни и зычные команды бригадира создавали атмосферу бодрости. Игорь определял, как вести разгрузку, кого

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ СНИМКОВ ДЕТСТВА. А ВПЕРЕДИ ЮНОСТЬ, ПОЛНАЯ ВЫСОКИХ НАДЕЖД, ИСКАНИЙ И НЕИСТОВОЙ РАБОТЫ.

Игоря, наблюдать за ним, — что он делает, когда засыпает. В роковой для Курчатова вечер, после лекций, он пришел в кинотеатр, посмотрел картину, проводил последних зрителей и кинемеханика, запер двери, проверил замок на двери и в билетную кассу и пошел на облюбованное место для сна в директорский кабинет. Уснул Игорь так крепко, что не слышал, как злоумышленники взломали дверь, обокрали кассу, захватили с собой коробку с фильмом и исчезли.

Утром проснулся со смутным ощущением тревоги. Увидев открытую дверь и сломанный замок на кассе, оторопел, — такое случилось с ним впервые. Что делать? Как предупредить заведующего театром?

Где искать его? Нужно ли вызывать милицию? Где билетерша? В это время пришла старушка уборщица, запримечала, стала проклинать воров и всех бандитов, сказала Игорю: «Стойте! Не уходите!» — и исчезла. Вскоре она привела кинемеханика, билетершу, за ними явился и заведующий — инвалид войны.

— Так. Хорошо, — строго заговорил заведующий. — Дожили — киношку обокрали. Скоро пожарку обворуют. Вызывай милицию, — приказал он механику. — Теперь сделаем осмотр и экспертизу проведем. Как произведен взлом? Как обокрали кассу? Тут самое важное доказать, что не ты, мальчик, слямзил денежку. Понял мою мысль, сокол? Раз ты сторож, ответ держи. Ясна моя мысль?

Пришел милиционер, удивился — как это так: киношку обворовали! А чего в ней брать-то... Ну, конечно, первый разговор с ночным сторожем: кто такой? Студент? Почему спал? Не ты ломал замки? Может, дружки какие по твоей наводке работали?

Разбирательство кончилось тем, что милиционер признал Игоря невиновным в краже, но виновным в недобросовестном выполнении служебных обязанностей в качестве ночного сторожа. Заведующий кинотеатром топал ногами, кричал, что опозорил театр! Оползорили его, инвалида войны. Он найдет сволочь, которая посягнула на святое место. Под конец обругал последними словами Курчатова и с позором прогнал его из театра.

Это событие всполошило семью. Мария Васильевна расплакалась, Василий Алексеевич курил сигарку за сигаркой.

— Я говорил тебе. Я предупреждал тебя... — серженно говорил Василий Алексеевич. — А все — преувеличение своих знаний жизни. Все — самоупраство. «Все будет в порядке», «Не волнуйся», «Ко мне не полезут»... Чьи это слова? Кто так говорил? Это Игорь Курчатова так говорил! Это Игоря Курчатова слова! Вот и результат. Такой позор пал на нашу голову. Обокрали под носом у сына кассу. Проспал жуликов и грабителей! «Не волнуйся». «Ко мне не полезут»... Теперь вот расхлебывайте. Теперь смотрите людям в глаза. А люди-людишки про себя думают: а не спер ли эти денюшки Игорь Васильевич? Позор, боже, какой позор! Ты уж не ходи теперь на биржу — прогонят и разговаривать не будут. И они будут правы...

Все же Игорь Курчатова пошел на биржу.

— С тобой, голубь, не соскучишься, — приветствовал его заведующий в комиссарской куртке с неизменной трубкой во рту. — Это ты, парень, пятно на биржу положил — ладно, что не сам спер эти проклятые деньги... Да какие там деньги после последнего сванса... Дураки напали, тоже нашли на что нападать — на киношку после ночного сеанса! Измельчал, измельчал теперь жулик. Так и в милиции говорят — не наш это работал. Видать, мелюзга какая, приезжая. Но все же конфуз для нас: мы рекомендовали, мы аттестовали, мы тебе счастливую жизнь обеспечили, а голубь наш ненаглядный проспал царство небесное. — Покурил трубку и поведив трубкой вокруг лица Игоря, заведующий в кожаной куртке сжалился над студентом: — Семья хорошая у тебя — отец знаменитость по земельной части, мать — учительница, брат учится, старается, в общем, все в порядке. И ты мне нравишься — как здорово на железке работал, там и сейчас о тебе вспоминают добрым словом. А, главное, тамошних грузчиков-лентяев ты научил, как нужно разгружать вагоны. В общем, так, на первый раз я тебя прощаю. И чтобы второго случая не было. Понял? Давай сейчас чеши отседа, а приходи ко мне на той неделе, что-нибудь отыщем. В беде такого парня не оставим.

Действительно отыскали — в беде не оставили: Игоря направили нарядчиком на автобазу — выписывать шоферам путевые листы, давать им наряды.

Автобаза пропахла бензином и маслами, пылью и густой смесью запахов различных скоропортящихся грузов.

Игорь Курчатова не спеша ознакомился с шоферами и механиками, со слесарями, заправщиками горючего, и эта неторопливость и вдумчивость понравились диспетчерам и самому начальнику базы, рослому, могучего сложения человеку, известному своей мощной шевелюрой и отменной бранью.

Игоря завидовали друзья, они приходили к нему в кинотеатр, вместе смотрели какой-нибудь очередной боевик — «Доктор Мабузо» или «Женщина с миллиардами» и, распровавшись, уходили, а Игорь, почтывая, запирали двери и распластался ко сну. Так продолжалось недолго. В городе было много безработных и беспризорников, и кто-то из них стал выслеживать

и куда ставить. Не жалея сил, шел туда, где труднее, где требовалось мгновенно проявить сметку и решительность.

Василий Алексеевич слушал рассказы сына о работе на разгрузке товарных поездов и втайне радовался тому, как увлеченно занялся Игорь бригадирством. В один из дней, когда Игоря вызвали на товарный двор, Василий Алексеевич незаметно прошел к поезду, ставшему под разгрузку, и издали смотрел, как его сын руководил бригадой.

Вечером, перед ужином, когда Игорь пришел домой, сказал ему:

— Руководить людьми, сын мой Любезный, — дело ответственное. — Помолчав, отец усмехнулся: — По пальцам в махорке да еще по губам вижу, курить начал. Так не таись от отца — кури. Покажи, как получается...

Игорь замялся, опустил ресницы.

— Все курят, вот и я для смелости и для порядка... — Понимаю... — Отец свернул сигарку и закурил с сыном.

Вошла Мария Васильевна, всплеснула руками:

— Что творится! Игорек курит... — Время такое — курительное... — заступился за сына Василий Алексеевич. — Все смоят махорку — она от еды отваживает. Ну так вот, Игорек, — продолжил отец начатый им разговор. — Самая большая и самая страшная сила на свете — власть над людьми. Власть кружит головы, сводит с ума. Кому она доставляет наслаждение, кому кровожадное сластолюбие. Одним помогает вершить великие дела, другим...

Игорь отложил самокрутку, поерошил стриженные бобриком волосы и испытующе смотрел на отца. Он понимал: отец не случайно завел с ним разговор о власти, о командовании и отношениях с людьми.

Став бригадиром, Игорь уже испытал на себе неожиданный юношеский «приступ славы» — ему было сладостно повелевать бригадой. В глубине души возникало упоительное «чувство командования», когда по своему усмотрению он мог распределять работу грузчиков, подчинять их своей воле, выступать на равных с железнодорожным начальством.

— Власть портит человека, если он использует ее в угоду своим страстям, корысти или славы, — продолжал Василий Алексеевич. — Власть бригадира — маленькая, капельная власть, но все же власть. В мире все начинается с капли. Прошу тебя, сынок, не превышай власть вот в этой капле, в бригаде. В такой капле яд. А яд — гибель. Рецепт в общем-то простой, от всех бед, — будь доброжелательным к людям, будь прост и скромен, будь справедлив, требователен к людям, но прежде всего к самому себе. Я скажу тебе так: чтобы добиться авторитета, не нужно покорять Северный полюс. Человек может очень многое сде-

— Власть портит человека, если он использует ее в угоду своим страстям, корысти или славы, — продолжал Василий Алексеевич. — Власть бригадира — маленькая, капельная власть, но все же власть. В мире все начинается с капли. Прошу тебя, сынок, не превышай власть вот в этой капле, в бригаде. В такой капле яд. А яд — гибель. Рецепт в общем-то простой, от всех бед, — будь доброжелательным к людям, будь прост и скромен, будь справедлив, требователен к людям, но прежде всего к самому себе. Я скажу тебе так: чтобы добиться авторитета, не нужно покорять Северный полюс. Человек может очень многое сде-

ПРОФРЕССИЯ

Хорошо помню первую встречу с ним, хотя с той поры прошло чуть ли не двадцать лет.

Демонстрировались новые модели одежды, и ведущий, автор всей коллекции, как-то необычно весело и вдохновенно рассказывал о функциональном назначении каждой вещи, о материале, из которого она сшита, особенностях кроя и так далее. А вот присутствующих цветные фуфайки, стеганые сапоги с яркой аппликацией, невероятные шапки явно смущали. Они нравились, но казались антуражем веселого маскарада или ярмарки и как-то не вязались со сложившимся представлением о ферме, заводе, стройке, где их предлагалось носить.

Потом были показаны вечерние женские платья и мужские выходные костюмы, которые тоже выглядели непривычно картинно, ярко и несколько озадачили присутствовавших. Потому что, мысленно примерив понравившуюся модель на себя, пожалуй, никто не мог с уверенностью сказать, что завтра решится бы надеть ее сам.

Но ведущего, казалось, нисколько не трогал шок зрителей. С артистической непринужденностью, доверительно и без нажима, он объяснял, почему все показанное удобно и красиво. Когда дело дошло до прогнозов на будущее, он и вовсе поставил всех в тупик. В то время в обуви царствовала шпилька, а наметившееся мини не отваживалось приблизиться до уровня коленей. Ведущий же утверждал, что шпильку скоро сменит толстый массивный каблук, а мини станет короче еще сантиметров на двадцать. Подобные, мол, модели уже демонстрировались в Париже, скоро сей стиль докатится и до нас.

Лично у меня сложилось впечатление, что приятный, несколько экстравагантно одетый ведущий либо сам мало разбирается в моде, либо все его рекомендации и комментарии не больше чем веселый розыгрыш. После просмотра я даже попытался в индивидуальном порядке задать ему несколько вопросов по этому поводу. Но он отшутился, предложив пари, и мое ощущение сменилось уверенностью.

Так я познакомился с Вячеславом Зайцевым, в то время начинающим художником-модельером. Шумная известность придет к нему несколько позже. Позже коллекции его моделей одежды станут сенсацией многочисленных международных выставок. Спустя время о нем и его работах станут много писать и у нас и за рубежом, а признанные специалисты поставят Зайцева в один ряд с известнейшими художниками-модельерами мира и, подчеркивая необычность его стиля, назовут последним сказочником двадцатого века.

Когда я сравниваю нынешнего Вячеслава Михайловича с тем Славой Зайцевым двадцатилетней давности, то в главном не вижу в нем больших перемен: все та же восторженность, с какой он комментирует новинки, все то же желание привлечь зрителей к своему пониманию красоты и постоянное стремление заглянуть в моду чуть дальше сегодняшнего дня.

Откуда это?

Выбор профессии всегда несет в себе элемент загадки. А тут еще такая необычная специальность — художник-модельер, работа в эфемерной, зыбкой, подверженной непредсказуемым поворотам области творчества. Как приходит чувство, что именно этот стиль одежды станет модным через год или два, где взять смелость, чтобы предложить людям свой вкус, свое представление об их внешнем облике? Какая, наконец, внутренняя пружина дает энергию постоянному стремлению обновляться?

Оказалось, он и сам порой не может понять, откуда что берется, почему происходит так, а не иначе. Вот тот же выбор профессии. В юности он мечтал стать военным летчиком или... артистом оперетты.

Летчик — понятно: все мальчишки хотят летать. Мысль об оперетте внушила обстоятельство. У них, в Иванове, музыкальный театр пользовался особой популярностью, и артисты

всегда были в почете. А тут еще семейные традиции: в молодости родители участвовали в художественной самодеятельности, а отец одно время даже работал массовиком-затейником в городском парке культуры и отдыха... Поэтому неудивительно, что, поступив в первый класс, Слава стал петь в школьном хоре. А так как учитель пения прирабатывал руководителем еще в восьми хорах разных учреждений города и брал с собой запевалами двух самых голосистых учеников — Славу Зайцева и Леву Андрианова, то его детство, можно сказать, прошло с песней. Кстати, свою первую в жизни премию — отрез сукна на школьную форму — он получил первоклассником, участвуя в городском смотре художественной самодеятельности.

Любил он сцену и позже, участь в техникуме, а затем в институте. Но артистом не стал. Даже петь бросил давно. И если старый товарищ Лев Андрианов, бывая у него в гостях, вдруг затягивает знакомую песню, Вячеслав не подтягивает, как в прежние времена.

— Ну, а откуда же взялся художник?

— Я сам не знаю, почему выбрал такое необычное занятие. Во всяком случае, в той среде, где я вырос, по-моему, никто даже не представлял о существовании профессии художника-модельера. Меня со старшим братом воспитывала мама, уборщица, прирабатывавшая стиркой. Втроем мы ютились в двенадцатиметровой комнате коммунальной квартиры в огромном (на двадцать шесть подъездов) четырехэтажном доме. В этом «фаланстере» жили люди всяких специальностей, но модельеров не было.

Между прочим, в детстве меня никогда не тянуло рисовать. И единственное запомнившееся «событие» в этом плане: когда наш школьный учитель рисования подрядился оформлять цирк, он доверил мне закрасивать фон на афишах и картинах, на которых потом изобразил зверей.

— А как же был сделан выбор, определивший всю дальнейшую твою судьбу?

— Все произошло, честно говоря, случайно. После окончания семилетки соседка по двору Валя Мокшанская говорит:

— Я хочу поступать в химико-технологический техникум, пойдем вместе сдавать экзамены, одной мне страшно.

Я не мог отказать и подал документы, как и она, на факультет прикладного искусства. Как это порой случается, результат превзошел ожидания. На творческом экзамене нам предложили нарисовать натюрморт и гипсовую голову какого-то греческого бога. Я быстро выполнил задание, не надеясь на хороший исход, а когда увидел на своих рисунках вместо оценок две буквы «Д», понял, что «провалился». Однако оказалось, что буква «Д» — это закодированная пятерка, и я единственный из экзаменовавшихся получил эту оценку. Как это произошло, до сих пор не пойму.

Наша будущая специальность называлась — художник по тканям. Четыре года мы скрупулезно изучали структуру, рисунок, цвет различных материалов. И много, до одури, рисовали.

Допустим, предлагалось придумать рисунок для ситца или сатины: всякие там огурчики, листики, цветочки... Для этого необходимо было сначала создать общую композицию, затем множество раз перенести ее под копирку. Потом каждый вариант закрасить своей краской, чтобы, соединившись вместе, они дали окончательный цветной рисунок.

Такая работа требовала необыкновенной усидчивости, сосредоточенности и работоспособности. Мне кажется, что в Иванове не было растения, которое я не срисовал: от первых острых травянок, пробивавшихся по весне, до пышных пионов. Я мог так натуралистично нарисовать жисть красной смородины, что внутри каждой ягодки были видны семечки на просвет.

Техникум я окончил с отличием, что дало право продолжать учебу в Московском институте легкой промышленности. И вот тут я вдруг понял, что ткань — лишь сырой материал для формы. Идея художника может найти свое воплощение только на живом человеке. И я решил стать модельером, чтобы получить возможность реализовать свои

идеи в конкретных образцах одежды. Дважды проходил практику в общесоюзном Доме моделей, что на Кузнецком мосту, в Москве, и даже был приглашен работать там после окончания института. Но так случилось, что при распределении я был направлен на фабрику рабочей одежды руководителем группы художников в экспериментальный цех.

Эту скороговорку Зайцева о том, как он восстал к будущей профессии, я хочу дополнить деталями, которые, как мне кажется, помогут лучше понять и его характер и то, что он успел сделать, а главное, как это ему удалось.

Поначалу институт не дал ему общезнания. И Зайцев на полтора года поселился у гостеприимных московских инженеров, став членом семьи и прислуживаясь одному из них. Когда хозяин с женой уходили на службу, Слава улаживал за двумя их малолетними сыновьями, ходил за покупками, убирался по дому, готовил обед. Если, случалось, приходили гости, он вечер напролет вальсировал с хозяйкой. И учился. И со своей студенческой стипендией ухитрялся помогать матери. В институте он был ленинским стипендиатом и окончил его с отличием.

Ничто никогда не давалось ему без труда. Отсюда его неприязнь к лентяям, нетерпимость к любой праздности. Убежденный, что всегда можно найти полезное занятие, он не любит сидеть без дела. Уважая труд как таковой, считает своим долгом помочь в работе другим. Убедился в этом лично.

Та наша первая, почти двадцатилетней давности встреча не обязывала к продолжению даже шапочного знакомства. За все эти годы мы и вправду виделись, может быть, раза два-три, опять на каких-то показах мод, и если перебрисались по ходу дела парой фраз, так они давно должны были выветриться из его памяти. Мало ли народу расспрашивало его за это время о «всякой чепухе». Оказывается, он все помнил и, стоило мне позвонить и попросить интервью, сразу согласился встретиться и ответить на все интересовавшие меня вопросы. В те дни он жил по довольно напряженному распорядку. Совсем недавно был открыт Дом моды, и на него, главного художника, свалилась масса текущей организаторской работы. А еще были обязательства перед театром, кино. Были и другие творческие планы, и все требовало времени. Но он сумел выкроить «свободное окно», и когда мы встретились, то этими часами распорядился я. А если, случалось, нас прерывал телефонный звонок — знакомых у Зайцева много, и звонят ему часто, — он коротко извинялся в трубку:

— Позвони попозже, у меня работает корреспондент.

Или такая мелочь. Оба мы уже в том возрасте, когда спокойно можно обращаться друг к другу на «вы». Но эта вежливая форма все-таки подразумевает определенный предел откровенности или, вернее, доверительности при обсуждении каких-то спорных вопросов. На «ты» это делать проще. Однако, как я полагаю, мы не были знакомы настолько хорошо, чтобы сразу говорить на «ты». Зайцев нашел изящную форму для такого перехода. Он вспомнил какой-то наш с ним спор еще при первой встрече. И само собой получалось, что с таким стажем знакомства мы можем обращаться друг к другу только по имени и на «ты». И этим он значительно облегчил мою работу.

Но я отвлекся.

На фабрике рабочей одежды он проработал всего три года. Объясняет это тем, что характер его поисков все время вступал в конфликт со сложнейшим массовым производством.

— Я предлагал новую модель, причем не какую-нибудь экстравагантную, а только чуть-чуть повеселее, поудобнее, нежели шила фабрика, из тех же самых тканей, а мне говорили: где гарантия, что она «пойдет», что понравится покупателю? Гарантий я, естественно, дать не мог и предлагал выпустить небольшую партию в виде эксперимента. Ведь цех-то, где я работал, считался экспериментальным. Но оказалось, что экспериментировать можно

МОДЕЛЬЕР

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

только в пределах строгих границ. Каждая новая модель прежде, чем быть запущенной в массовое производство, должна пройти через серию экспертиз, быть утвержденной специальными комиссиями, на нее нужно выработать соответствующий стандарт. К сожалению, все эти бесспорно необходимые формальности растягиваются на такой срок, что любая новинка успевает безнадежно состариться еще на дальних подступах к конвейеру.

Были еще и чисто экономические ограничения. Допустим, на изготовление плаща отпущалось по нормам пятнадцать минут рабочего времени швейно-мотористки. Значит, я, предлагая новую модель, не мог выйти из рамок этой четверти часа. И если вдруг мне нужно было украсить плащ какой-то отделкой, деталью, то есть израсходовать на его изготовление времени на минуту-другую больше нормы, это считалось недопустимым. В производстве время в буквальном смысле деньги. Чем больше его тратится на выпуск какой-то вещи, тем эта вещь должна стоить дороже. Значит, необходимо пересматривать и ее оптовую и розничную цены. А это тоже довольно сложный процесс.

Короче, за три года ни одна моя идея, ни одна моя модель так и не нашли выхода в массовый пошив. В любой профессии невозможность осуществить свой творческий замысел — драма. В профессии художника-модельера, где реализация замысла имеет столь скоротечный и прикладной характер, — тем более...

— И тогда ты ушел в Всесоюзный Дом моделей, надеясь, что там твоим поискам быстрее найдут понимание и практическое применение?

— Да, надеялся. Еще студентом я проходил там практику, и мне казалось, что это как раз та организация, где мои идеи смогут наконец реализоваться...

— И что же?

— К сожалению, не все получилось так, как я планировал... В Доме моделей работал большой коллектив художников, среди которых было немало по-настоящему талантливых, интересно, нестандартно мыслящих. Но все, что мы придумывали и разрабатывали, не доходило до широкого потребителя. Мы и легкая промышленность существовали как бы сами по себе. Нас разделял непреодолимый барьер, ни свалить, ни перепрыгнуть который так и не удалось.

— Почему?

— Этот вопрос нужно адресовать руководителям легкой промышленности. Я бы сам хотел узнать, почему так происходит. За тринадцать лет, что я проработал в Доме, мною были предложены сотни моделей одежды: пальто, костюмы, платья, белье. Женские, мужские, детские. Для повседневной носки, для занятий спортом, вечерние туалеты. И все напрасно, никому это не пригодилось, все оказалось ненужным.

— Прости, но ведь были еще и международные выставки, где экспонировались твои модели, они с успехом и широко демонстрировались и у нас в стране. Я сам бывал на таких показах и видел, если можно так выразиться, твоё творчество в развитии...

— Выставки, показы... Они для модельеров — праздники. Успех, внимание прессы, не скрою, тоже приятные вещи. Но не одним этим жив художник. Придуманные мною костюмы и платья я хочу видеть не только в демонстрационном зале и не только на профессиональных манекенщицах. Я

хочу, чтобы их носили люди, которых я встречаю на улице, на работе, в театре, на стадионе. На деле же получалось, что я со своими фантазиями существовал сам по себе, а потребитель — сам по себе. Мы жили как бы в разных плоскостях, пересечься которым было не суждено.

— Тринадцать лет ты проработал во Всесоюзном Доме моделей и ушел оттуда, потому что твои идеи не находили выхода в массовое производство. Неудовлетворенность таким положением вещей в принципе понятна.

— Не совсем ясно другое. Все-таки именно в пору работы в этой организации к тебе пришла известность, и ты сделал себе «имя» художника-модельера. В эти годы ты постоянно разрабатывал новые коллекции, находился в каком-то заданном привычным рабочем ритме, сбился с которого, полагаю, было не так просто. И тем не менее ты ушел. Согласись, нужен очень сильный толчок, чтобы с маху перескочить с одной колеи на другую. Что произошло?

— Честно говоря, ничего. Решение созревало исподволь очень давно. В свое сорокалетие я показывал новую коллекцию одежды в московском Доме кино. До этого я выступал там не раз, имел много друзей, так что для особых волнений вроде бы не было оснований. Но перед выходом на сцену в голову вдруг пришла такая вот мысль:

«Тебе уже сорок, возраст, когда можно подводить определенные итоги. А что ты успел? За шестнадцать лет работы в моде создал несколько коллекций одежды? Но где она, эта одежда, кто ее носит? Вот и сейчас выйдешь на сцену и будешь представлять свои новинки, объяснять, как они эстетичны, удобны, современны, — будешь в очередной раз врать хорошим людям, потому что ни одну из твоих моделей они не смогут ни купить в магазине, ни заказать в ателье. Одежда, которую нельзя надеть, а можно только смотреть издали, — обман».

И как-то так стало скверно на душе, что я решил хватить.

— И стал работать для театра и кино?..

— Да. Но своей специальности я не изменил: работал-то в основном художником по костюмам. Правда, один из спектаклей театра «Современник» оформил полностью. Мне кажется, я смог бы работать и в других областях искусства — станковой живописи, например, или скульптуре. Пробовал — получается.

Лучше всего о человеке может сказать его дом. Квартира Зайцева — жилище художника. Это чувствуешь сразу, едва переступив порог. И дело даже не во множестве акварелей и графических работ самого хозяина. Пожалуй, главное здесь не «что», а «как» представлено. Две небольшие, колодецепоподобные из-за высоченных потолков комнаты — тут негде разгуляться фантазии. И все-таки в их оформлении (умышленно не употребляю слово «обстановка») найдены именно те пропорции, которые свели на нет изъяны планировки. Все логично и сбалансировано. На кухне я обратил внимание на три белые большие высокие рамы, висевшие рядышком на голой стене. Рамы были без картин.

— Понимаешь, — объяснил Зайцев, — меня раздражала эта огромная белая стена, и я решил нарисовать на ней три фрески. Нейтральные белые рамы стали бы их границами. Но когда в поиске пропорции я повесил рамы на стену, почувствовал, что так вот, без фресок, будет интереснее. Огромное белое пространство разбито, и в то же время не перегружено лишними деталями. Тебе нравится?

Представьте, в этом вроде бы не законченном оформлении действительно чувствовались завершенность и лаконизм.

Пришел сын с товарищем. Не прекращая разговора со мной, Слава стал накрывать обеденный стол. Перед каждым поставил по большой неглубокой тарелке. Положил в них по паре зеленых огурчиков, пучку салатных листьев, красному помидору. Делал это походя, вроде бы не стараясь, тем не менее перед каждым из нас стоял красивый натюрморт, столь завершенный по композиции и цвету, что рука не поднималась разрушить его. Даже в такой, казалось бы, бытовой мелочи он не поступился вкусом.

Я обратил внимание на декоративные фарфоровые тарелки, расписанные, если можно так выразиться, в «модном» стиле. На каждой — рисунок женщины в платье какого-то воздушного, парящего покроя. При этом ни один рисунок не повторялся. Я подумал, что, верный своей профессии, Зайцев даже посуду коллекционирует в соответствии с нею. Оказалось, тарелки (небольшая сувенирная серия) были выпущены в Чехословакии к открытию международной ярмарки, в которой принял участие и Советский Союз. Эскизы для их росписи выполнил по чешскому заказу Вячеслав Зайцев, попробовав свои силы и в такой неожиданной области искусства.

— Я все время рисую, — объяснял он мне, — и не только моды. На отдыхе любимое мое занятие — графика. Если не буду выплескиваться в бумагу, театр, кино, мне кажется, могу разорваться под напором образов, сидящих во мне.

— Но все-таки главное в твоей работе — мода. Куда бы ни уходил от нее, все равно к ней же возвращался...

— Да, без нее уже не могу. Тут мое призвание, и счастье, и все мои огорчения...

— Объясни, как рождается она? Что побуждает сделать первый шаг в новом направлении? Мне, например, непонятен такой парадокс: все в принципе хотят быть одетыми по моде, не отставать в этом плане от других. И в то же время не хотят, чтобы их костюм был похож на чей-то еще. У женщины может испортиться настроение, если ее сослуживица будет одета точно в такое же платье. Это противоречие кажется неразрешимым для модельера...

— Я и сам порой не могу до конца понять человеческую психологию. Недавно своему хорошему знакомому предложил шить брюки-галифе. При его широких мощных плечах такой фасон помог бы чисто зрительно снять лишнюю нагрузку в верхней части корпуса, уравновесил бы силуэт... Парень он молодой, любит модно одеться, я был уверен, что согласится. А он мне: «Такие брюки не носят...» «Ну и что же?» — говорю. — Тебе-то они пойдут. У тебя будет своя тематика...

Все равно не согласился.

Стремление к похожести, наверное, заложено в самой природе человека. Как, впрочем, и желание выделяться. Вспомни старинные наряды русских крестьян. У женщин — сарафаны, поневы, рубахи, передники, платки, кокошники — во всех губерниях примерно одного плана фасон и очень схожая цветовая гамма. Когда присмотришься внимательно, понимаешь: при всей похожести каждая губерния имела тем не менее какую-то свою особенность, какое-то свое отличие. И уже в этих региональных рамках каждая рукодельница старалась придать своей одежде какую-то черточку, деталь, которая выделяла бы ее на фоне других. Скучно, когда все одеты под одну гребенку. Люди это очень тонко чувствуют...

— Всегда ли? Чем тогда объяснить повальное увлечение джинсами? Ведь за пару грубых хлопчатобумажных брюк с «лейблами» — наклейками — иные платят столько же, сколько стоит добротный костюм...

— Необъяснимый феномен... Джинсы — это антимода. Родившись как рабочая одежда переселенцев, пионеров, ковбоев Северной Америки, они долго такими и оставались. Джинсы действительно очень удобны в турпоходе, для работы в поле, в саду, огороде, у станка. Однако повальное увлечение ими привело к тому, что их стали надевать и в театр, и на концерт, и в учебную аудиторию...

— По твоему тону чувствую: это тебя раздражает...

— Терпеть не могу. Мода на джинсы в значительной мере связана с хиппи. Грязные, нечесаные, своим образом жизни, поведением, внешним видом они бросали вызов буржуазному обществу, умышленно шокировали его. Чтобы валяться на грязных тротуарах, в парках, скверах, лучше грубых джинсов ничего не придумаешь. Но когда увлечение этой одеждой было перенесено в другую социальную среду, то вместе с линялыми, мятыми брюками пришел неопрятный вид.

Посмотри на поток людей на наших улицах. Как

он засорен обилием джинсов и насколько неряшливо от этого выглядит.

С детства мама приучала меня с братом к аккуратности. Уход за брюками был одним из главных требований. Два-три раза в неделю я их чистил, тщательно утюжил, чтобы хорошо была видна «стрелка». Джинсы можно неделями не стирать, совсем не гладить, «пузыри» на коленях, лямные пятна, потертости считаются особым шиком. Мягкие брюки — вся фигура человека выглядит мятой, неопрятной.

— Стоит нам заговорить о новинках моды, тут же естественным молодежь...

— Это естественно. В вопросах моды молодежь всегда авангард. Ибо для нее одежда, ко всему прочему, еще и средство обратить на себя внимание окружающих, способ выделиться. Она чувствует это интуитивно. В этом возрасте человек обычно еще мало чего успел достичь или совершить. Яркая, бросающаяся, может быть, даже крикливая одежда — это желание быть замеченным, способ самоутверждения. Повзрослев, состоявшись, достигнув чего-то в жизни, мы становимся спокойнее, во всяком случае, находим иные средства утверждения собственного «я» или хотя бы начинаем понимать, что в этом мире ценно, а что мизантропия и никчемная суета.

Молодежь еще не доросла до этой мудрости, а мы, взрослые, очень часто своим невниманием поощряем ее к экстравагантности. Убедился на своем опыте. Однажды что-то не понравилось в поведении сына, сделал ему резкое замечание. А он вместо того, чтобы обидеться, вдруг говорит: как хорошо, что ты мне выговариваешь — значит, я тебе небезразличен. Нам, молодым, так хочется, чтобы вы, взрослые, нас заметили...

Сначала я удивился, а потом вспомнил себя в том же возрасте: был точно таким же. И часто необычность моих моделей одежды диктовалась все тем же желанием выделиться, быть замеченным, сделать не так, как другие. Был в них элемент вызова сложившимся вкусам.

По-моему, ничего странного в этом нет, этим нужно переболеть. С возрастом все пройдет.

Кажется, мы отвлеклись?

— Напротив, просто подошли к этой теме с другой стороны. Ты рассказал, как порой подхватывается новая мода, новый стиль одежды. А как она рождается? Как к художнику-модельеру приходит идея нового силуэта? Что является тут первым толчком? Есть какие-нибудь закономерности объективного или субъективного характера?

— Мода — довольно сложное, часто противоречивое явление, имеющее целый ряд экономических, социальных, эстетических, психологических, если хочешь, сексуальных аспектов. Искусствоведы, специалисты в области социальной психологии лучше меня могут объяснить это явление, теоретически обосновать его состояние и развитие. Мое же отношение к моде построено на эмоциях, чувствах, нюансах, которые мне самому не всегда понятны. Сам часто не знаю, почему рисую такой силуэт, а не другой и почему он мне нравится.

— Хорошо, не будем углубляться в теорию, рассмотрим, как рождается мода практически...

— Мне кажется, что при рождении нового стиля одним из самых важных обстоятельств является элемент усталости от предыдущего. Допустим, долгое время в ходу был приталенный силуэт. Модельеры разработали эту тему настолько глубоко и тщательно, что, казалось, исчерпали все возможные в ней варианты. Приталенный силуэт надоел и художникам и потребителю. И вдруг предложен свободный покрой — это выглядит сразу так свежо и неожиданно, что новая тема становится модной. Она захватывает модельеров, и все повторяется...

Мода циклична. Хотя, разумеется, возвращение к некогда популярному стилю вовсе не означает его буквальное повторение. В нем что-то меняется, вносятся какие-то новые детали. Но в принципе все новое — это хорошо забытое старое. И талант художника проявляется, между прочим, и в том, что он вовремя должен почувствовать момент смены стилей, по каким-то неясным «флюидам» уметь предугадать направление, в котором будет развиваться мода, и успеть включить в свою очередную коллекцию элементы нового...

— Но, видимо, не в одной усталости причина смены стилей?

— Разумеется. Мода подвержена влиянию стольких факторов, что иной раз их взаимосвязь трудно объяснить и понять. Замечено, например, что перед крупными катаклизмами в международной жизни мода переживает период какой-то болезненной утонченности, излишней усложненности. Может быть, это происходит потому, что художники, люди, чутко чувствующие гнетущую напряженность в мире, переносят это состояние в свои коллекции?

Во всяком случае, вспомним, сколь изысканной и сложной по конструкции была мода перед первой

мировой войной. Корсеты, вычурно пышные юбки, мудреные шляпки...

Война перечеркнула все это. И после нее главным требованием, предъявляемым к одежде, стало максимальное удобство и практичность.

Однако новый стиль прдержался не особенно долго. Женщина, как, впрочем, и мужчина, не может без игры, а мода как раз и содержит элемент игры, драматургии, которая разыгрывается средствами костюма. Женщина любит окружать себя ореолом таинственности. Короче, упрощенные до предела послевоенные формы стали все более усложняться, обретая все более утонченный характер. В конце тридцатых годов мода достигла какой-то чрезмерной изысканности: косой крой, асимметрия, лениво ниспадающие складки. В одежде будто бы предчувствие близкой катастрофы.

Потом снова война. Упрощенность. Женщины носят мешковатые, мужского покроя пиджаки с подложными прямыми плечами. Все сколочено грубо, крепко, некрасиво.

Кристиан Диор первым из послевоенных модельеров вернул женщине женственность, как бы начал новый цикл, новую спираль в развитии моды.

— Из нарисованной тобой схемы выпали целые периоды. Мими, например.

— Я собственно говоря, не стремился к скрупулезному перечислению всех стилей и направлений, к их хронологической привязке. Хотелось дать лишь общую картину того, как происходит смена моды. И если говорить конкретно о мими, то оно могло бы стать прекрасной иллюстрацией вышеописанного.

Мими родилось в начале шестидесятых годов, когда мир был потрясен первыми искусственными спутниками Земли, первыми полетами человека в космос. Космическая тематика стала популярной. Естественно, она должна была проявиться и в моде, в стиле одежды, который бы наиболее точно выразил дух времени.

Первым откликнулся французский модельер, архитектор по образованию Андре Курреж. Он показал в Париже коллекцию, которая стала сенсацией. Ее неожиданность заключалась в том, что если раньше кумиром моды и модельеров была женщина элегантного, «бальзаковского» возраста (после тридцати), то Курреж сделал главным действующим лицом молодую девушку, скорее даже девочку-подростка, от четырнадцати до восемнадцати лет. А каков внешний образ девочки-подростка? Прежде всего — укороченная юбка. Курреж смело идет на это. Он первым в женском платье приоткрыл новые эрогенные зоны — колени, но прикрыл все, что считалось таковыми ранее: грудь, спину, плечи. В его костюмах произошло как бы смещение вверх. Он полностью закрыл шею, предложив «водолазку» и свитера-шлемы. Получился очень молодой, энергичный, стремительный силуэт. Он понравился, был принят.

И началась вакханалия. Мини-юбка, поначалу лишь слегка приоткрыв колени, вскоре укоротилась еще на пять сантиметров, потом на десять, двадцать, постепенно превратилась в микроюбку, микрошорты. Текстильная промышленность, не находя сбыта своей продукции, несла колоссальные убытки.

И как это всегда бывает, из одной крайности мода кинулась в другую. В 1969 году Марк Блан показывал в Париже макси-юбку. Специалисты сразу поняли, что долго этот стиль не протянет. Он был необходим как встряска. Женщину нужно было сначала всю спрятать, чтобы затем начать понемногу «приоткрывать». И действительно, вскоре на смену макси пришло миди, потом утвердилось нормальная длина платья, которая продержалась почти десять лет...

— Сейчас, по-моему, произошла новый всплеск мими...

— Да, хотя и не столь бурный, как в начале шестидесятых годов. И этому возвращению моды есть объяснение: выросло новое поколение молодежи. Матери нынешних пятнадцатилетних носили «мими», когда сами пребывали в возрасте своих дочерей. Так что все повторяется. И мими уже не уйдет навсегда из моды, а будет периодически возвращаться...

— Из твоего рассказа следует, что работа художника-модельера — это бесконечная гонка за убегающим призраком. Едва настиг его — он уже мчится дальше...

— На самом деле так и есть. Нужно быть все время в хорошей форме, чтобы не отставать, не сбиться с ритма.

— А если твои творческие поиски не окупаются в конкретных костюмах, платьях, которые производит промышленность, реализуется торговлей?

— Лично для себя видел только один выход: чтобы не остановиться в развитии, я должен все время рисовать. С открытием Дома моды ситуация должна измениться...

— Поговорим о Доме моды чуть позже. А сейчас я хотел бы вернуться к прежней теме. Ты сказал, что в вопросах одежды человеку свойственна известная двойственность: он не хочет быть похожим на других и в то же время не желает вырваться из общих рамок. А художник-модельер — применимо это правило к его работе, его поискам? И еще: создавая свои модели, ты имеешь в виду определенную группу людей или вообще все человечество? Короче, ты хотел бы, чтобы твою одежду носили все?

— Ни в коем случае. По молодости у меня, честно говоря, была такая фантазия. Повзрослев, поузнав, поняв, это ни к чему. Поиски любого художника, сколь бы разнообразными они ни были, несут на себе печать его личности, вкуса, его эстетики. И если отдать моду на откуп одному человеку, даже чрезвычайно талантливому, она будет слишком одноплановой и скучной. Ведь не случайно в мире одновременно работают сотни, тысячи модельеров, и каждый предлагает что-то свое. Правда, такое изобилие имеет и оборотную сторону: мода подчас засоряется бездарными поделками, которые портят вкус. Но все-таки обилие предложения порождает здоровую конкуренцию, а в конкурентной борьбе в конце концов побеждает та модель, которая более современна, удобна, практична, эстетична, наконец.

Действительно, художник-модельер работает в рамках существующей моды. Даже предчувствие будущего, еще не родившегося стиля — это тоже своеобразные рамки, которые нужно постоянно чувствовать и не выходить за их границы. И все-таки, если ты хочешь проявить себя, даже в заданном направлении тебе придется искать свой путь.

— А как это происходит у тебя, например? Какая новая модель создана тобой, допустим, в последние дни?

— Как раз сейчас я разрабатываю новый силуэт и, поверишь, пришел к нему совершенно случайно. Недавно на улице увидел женщину, прямое пальто которой было будто бы чуть-чуть подхвачено на бедрах. Обогнал ее, оглянулся, понял, что ошибся: никакого подхвата, обычное прямое. Придя домой, стал рисовать этот показавшийся мне силуэт, усложняя его, пока, наконец, не нашел форму, чем-то напоминавшую наполненный тюльпан, моду пятнадцатого-шестнадцатого годов нашего столетия. Когда через день уже в готовой модели подхватил пальто поясом несколько занижено, на линии бедер, получился необычный силуэт. Дополнил его маленькой шляпкой с пером — и он получил законченный вид.

Не знаю, буду ли дальше разрабатывать эту тему, заложу ли ее в коллекцию, но сегодня она мне кажется довольно интересной и перспективной.

— Но ты еще зависишь от вкуса людей. Понравится ли им твой находки?

— Разумеется, не каждому человеку нравится мой стиль, не каждому он и подходит. Это в известной мере сужает рамки моего поиска. Но все-таки у меня есть возможность раздвинуть их, посвятив часть коллекции людям, которые могут позволить элемент риска, фантазии. Это актерская, художническая среда, для которой одежда не является только предметом потребления, но еще и средством эстетического воздействия на окружающих. Такой творческий всплеск, без оглядки на чужой вкус, необходим любому модельеру как trampлин к новым моделям. Элемент неожиданности, шока так необходим в нашей профессии.

Конечно, я могу ошибиться в своем поиске. Более того, я, как всякий художник, имею право на ошибку. Но все-таки опыт и интуиция редко меня подводят. Не случайно все свои новые мужские модели я опробую на себе, так легче представить, понравятся ли они другим...

— Пять лет назад ты ушел из моды. Теперь вернулся. Последнее связано с Домом моды?

— Понимаешь, трудно бросить дело, которое любишь, которому отдал столько лет жизни. Дом моды вслил надежду, что наконец-таки мои модели найдут путь к потребителю. Он представляет собой симбиоз Дома моделей и ателье высшего разряда.

На последнем, девятом этаже этого огромного нового здания на проспекте Мира находится экспериментальный цех — настоящий мозговой центр дома. Молодежный коллектив цеха — художники, конструкторы, технологи, лекальщики, нормировщики не только придумывают идею одежды, но и разрабатывают ее конструктивно, технологически и даже выполняют в материале. Один экземпляр одежды идет на первый этаж, где заказчик может познакомиться с ним на выставке. Точно такой же образец он может посмотреть в демонстрационном зале. Еще один с подробным техническим описанием направляется в наш закрытый цех.

Если посетителю понравилась какая-то вещь, он может заказать ее, получив предварительно консультацию квалифицированных специалистов. Потом закройщица, сняв необходимые размеры, на-

значают день примерки... Вся одежда шьется у нас же, в пошивочных цехах.

— Все это хорошо. Однако производительность все-таки, как у ателье. Да и цены высокие — вдвое выше, чем в «люксе». При такой постановке дела у тебя могут одеться лишь избранные.

— Я предлагал прикрепить к нашему Дому фабрику готового платья, которая бы по нашим моделям шила массовую продукцию. В конце концов мы могли бы предложить образцы, технологичные даже для конвейерного производства. Разумеется, не все годилось бы для этого. Но какие-то ходовые, особенно молодежные, модели можно было бы ставить на поток. Это сразу бы резко снизило цены по сравнению с нашими.

Затем я предлагал в рамках этой фабрики упростить смену производства различных моделей. Сейчас на наших предприятиях переход с одного образца на другой растягивается на такой длительный период, что любая новинка успевает безнадежно устареть, выйти из моды.

Если бы этим процессом руководили мы, художники, умеющие не только разработать и предложить что-то новое, но еще и проверить это новое в демонстрационном зале на зрителях, в закрытом цехе, на поступающих заказах, я уверен, что время от предложения образца до запуска в массовое производство неизмеримо бы сократилось.

— Думаю, сюда стоило бы добавить еще и обувное предприятие с подобным же статусом. И фабрику фурнитуры, чтобы вы могли решать проблему в комплексе...

— Я так и планировал. Причем можно было включить в это объединение и соответствующий магазин, который бы торговал одеждой и обувью только этих фабрик. Покупатель сразу бы показал, пользуется ли предложенное нами спросом или ассортимент нужно менять. Однако моя идея пока не нашла поддержки. Видимо, она еще недостаточно созрела. Надеюсь, ее время еще придет. Во всяком случае, я уверен, что при старой форме решения проблемы мы никогда не будем поспевать за таким капризным, непостоянным детищем нашего времени, как мода.

Прошло уже несколько месяцев после моей последней встречи с Зайцевым. Хотя эта беседа была давно написана, мне хотелось подождать хотя бы первых результатов его работы в Доме моды. Сейчас уже можно подвести некоторые итоги.

За истекшие девять месяцев Зайцевым создано четыре новые коллекции, каждая из которых включила более ста моделей одежды. Не нужно быть большим специалистом в области моделирования, чтобы понять, сколь плодотворно трудится он в это время. Свой очередной день рождения он по давней собственной традиции отметил показом новой коллекции одежды. Мне глубоко симпатично, что человек использует даты в своей жизни не как предлог для бурных застолий, а как очередной рубеж для подведения итогов проделанной за год работы, как отчет перед собой, перед друзьями. Симпатичной оказалась и сама коллекция. При ее создании Вячеслав Зайцев широко использовал мотивы русского народного костюма и русский «модерн» в одежде начала XX века. Разумеется, это не буквальное копирование старинных, а переосмысление на современный лад того лучшего, чего достигли наши предшественники.

Так случилось, что в начале марта в Москву приехал всемирно известный французский модельер Пьер Карден. Он показал специалистам свою новую коллекцию одежды. А на другой день Дом моды продемонстрировал гостю последнюю коллекцию Зайцева.

После окончания полуторачасового просмотра Карден сказал, что Зайцев — непревзойденный мастер-художник. Привожу эту оценку вовсе не для того, чтобы показать, какой комплимент мы сумели высечь из заезжей парижской знаменитости, потому что дело тут не во врожденной французской галантности. Карден и Зайцев давно знакомы лично, и творческий потенциал друг друга могут оценивать без скидок на обычную вежливость. Штука в том, что Карден не только замечательный дизайнер и модельер. По шести-семи его лицензиям шьется одежда в 93 странах мира. Только во Франции более пяти тысяч магазинов торгуют вещами, сшитыми по его моделям. Так что его слова — свидетельство художника, хорошо разбирающегося в спросе и предложении, производстве, торговле, короче, — в бизнесе.

Итак, в лице Зайцева мы имеем талантливого художника-модельера, чьи работы высоко оценены на многих авторитетных выставках. И нужно по-хозяйски распорядиться его трудом, его природным даром. Это тем более необходимо, что в области легкой промышленности мы не изоблаваны изобилием идей на уровне мировых стандартов.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Вдоль февральского переулка,
Очень медленно — как со сна! —
День весенний шагает гулко,
И готова запеть сосна.

Распахнувшийся голос ели —
Как таинственное дупло.
Начинают звенеть капли,
Открывает глаза тепло.

Милый тополь! Что взор ты застишь?
Что грустишь? Ведь поют леса.
Не смолчишь, невозможно! Настежь
Открываются все голоса.

И звенят и поют капли,
На лету подхватив зачин.
Если ветви и капли запели —
Неужели же мы смолчим?

Младшая дорога

Мы все подрасти,
отделиться спешим.
Но все-таки — если случится! —
Как чудно быть маленьким,
младшим, меньшим,
У старшего брата учиться.

За средним шагом
по земному пути,
Не зная беды и тревоги.
А после — проститься.
И дальше идти
По собственной, младшей дороге.

Ирина ОЗЕРОВА

Снег

Снег, словно сон, —
неосязательны сны,
И снега мы совсем не замечаем.
Пораньше электричество включаем,
Двойными стеклами защищены.

И так до половодья, до весны
В своей квартире,
как в тюрьме, скучаем,
И телевизор записываем чаем,
Двумерности программ подчинены.

И времени меняет серебро
На медяки мне автомат в метро,
Проматывая скудное наследство.

Лишь очень редкий,
странный человек,
Светлеет и смеется, видя снег,
Как будто он сумел
вернуться в детство.

Степь

Трава в степи засохла до корней —
И травы и цветы, как губы, сухи.
Как после сокрушительной разрухи,
Осталась степь, изнедав-суховой.

И жизнь бесплотна, как театр теней.
И безголосы домыслы и слухи...
Стоят цветы, как древние старухи,
Пугая зримой брэнности своей.

Но все минует — осень и зима,
Я вспомню нежные слова сама,
Как вспоминает вечность
плод в утробе.

Минует прошлогодняя трава,
И вновь рождаются нежные слова,
Как солнца луч на голубом сугробе.

Осень

Осень долгая, как вечность —
Хоть за птицами лети.
Слякотную бесконечность
По кривой не обойти.

Бесконечная беспечность
Тоже не нашла пути,
Даже неба многосвечность
Не сияет на пути.

Очень хочется поплакать...
Но до слез ли в эту слякоть?!
Не найти дорог своих...

Бесполезны все упреки.
Все равно глаза и щеки
В крупных каплях дождевых.

Тайна

Веселое пятно на потолке...
Но, говорят,
он просто не побелен.
А зайчик солнечный в моей руке
Неосязателен, бесплотен и бесцелен.

Я угадала Моцарта в сверчке,
Но он на сто Сальери был поделен.
И я брела сквозь время налегке
Поскольку груз мой
был в пути потерян.

Уже давно побелен потолок.
Но зайчик жив. Он выжить мне помог
В наивном хитроумии эмоций.

Сверчка не слышно на закате дня.
Но по ночам есть тайна у меня:
В моей душе
готов проснуться Моцарт!

Ремесленник

Сапожник набивал набойки,
И было все ему с руки.
Стояли украшенным стойки
Игрушечные башмачки.

Его клиенты были бойки —
Шутя, сбивали каблуки.
Но были украшенным стойки
Игрушечные башмачки.

В сей месяц и сего числа
Исчезла гордость ремесла,
А выгода пошла на убыль.

Суров конвейер волшебства.
И стала забываться молва
Секреты золушкиных туфель.

Оркестр

Я пальцами коснусь
скрипичных струн
И пальцы обожгу. А все же эхо
Чужим смычком рожденного успеха
Меня в оркестр поманит,
как в табун.

И подчинится духовой крикун —
Ведь мне рожок пастуший
не помеха.
Среди чужого ржания и смеха
Кривую спину выправит горбун.

Я слушаю — и все-таки не верю:
Все скрипки —
Страдивари и Гварнери,
От светло-рыжих и до вороных.

Я слушаю — и все же нет покоя:
Ведь я касалась
звучных струн рукою,
А где смычок,
чтобы играть на них?!

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Статистика беды

Статистическое управление Европейского экономического сообщества сообщило: число безработных в странах ЕЭС увеличилось до 12 миллионов человек и достигло уровня США, поднявшись до самой высокой в Западной Европе отметки за все годы после второй мировой войны.

В 1982 году «чемпионом» по темпу роста безработицы была Голландия, где число людей, не имеющих работы, увеличилось на 36 процентов; на втором месте Западная Германия, где безработных стало на 30,5 процента больше, чем в предыдущем году.

Экономический спад наносит тяжелый удар по молодежи. Четверть всех безработных — моложе 25 лет.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ИМПЕРИЯ НАРКОТИКОВ

Известно, что США являются страной с самым крупным в мире подпольным рынком наркотиков. Одной из самых «горячих точек» на карте распространения наркомании стал Голливуд. Д-р Рональд Зигель, возглавляющий наркологическую клинику в «городе кино», подтверждает: «Проблема уже многие годы была серьезной, однако сейчас мы переживаем подлинную эскалацию». В 1982 году полиция конфисковала 360 фунтов героина — это была лишь малая часть того, что прошло через различные каналы подпольного рынка. Лейтенант Эд Уоткинс, возглавляющий оперативную группу по борьбе с торговлей наркотиками, говорит: «Мы похожи на людей, которые с ручными огнетушителями пытаются остановить большой пожар».

Полицейская облава в Голливуде. Мелкие торговцы будут задержаны — крупные уйдут от ответственности.

По данным полиции, каждый четвертый школьник в Голливуде, относящийся к возрастной группе от 14 до 16 лет, ежедневно употребляет тот или иной наркотик. Однако за них нужно платить, и юные наркоманы пополняют ряды преступного мира. Число краж со взломом и уличных ограблений растет из года в год. Туристов, посещающих Голливуд, предупреждают: никогда не выходите в одиночку на вечернюю прогулку...

«ШТЕРН», ФРГ

КОТОРЫЙ ЧАС?

В последние годы механизм ручных часов усовершенствовался. Стали привычными часы с хронометром, с календарем, с вращающимся циферблатом, появились часы с микрокалькулятором, с устройством, измеряющим биоритмы и частоту пульса человека, и так далее. Не слишком ли сложно стало узнавать, который час?

В Швейцарии провели довольно любопытный эксперимент: группе из 14 человек вручили электронные часы, предложив перевести их на час вперед. При этом половина участников пользовалась инструкцией завода-изготовителя, а другие действовали, как говорят, «на свой страх и риск». Из семи человек, пользовавшихся инструкцией, только трое разобрались что к чему и выполнили задание, а из действовавших «вслепую» ни один не смог правильно перевести часы.

Интересно отметить, что среди участников эксперимента были инженеры, научные работники, операторы по ЭВМ и даже... часовых дел мастера.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

«Пивная регата»

В австралийском городе Дарвине ежегодно организуется так называемая «пивная регата». Идею этого соревнования подал один эмигрировавший в Австралию баварец, чувство порядка которого оскорбляли кучи выброшенных консервных банок из-под пива. Он предложил своим новым соотечественникам собирать пивные жестянки и строить из них лодки. Первую модель, конечно, он изготовил сам, выразив готовность помочь советами всем желающим. С тех пор суда из пивных банок, развивающие с двигателем скорость до 50 километров в час, ежегодно участвуют в соревнованиях на приз дарвинской «пивной регаты». Конструируют из пивных консервных банок и парусники, похожие на азиатские джонки.

«ИНТЕРПРЕСС МАГАЗИН», ВЕНГРИЯ

Шедевр в опасности

Знаменитое произведение Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», исполненное на одной из стен трапезной монастыря Санта Мария делле Грацие в Милане, никогда не отличалось «хорошим здоровьем». С давних пор на фресках замечали плесень, проступали трещины. В последнее время трещины начали увеличиваться, о чем подсказала контрольно-измерительная аппаратура.

В течение веков в трапезной производились перестройки, в результате которых первоначальное равновесие здания было нарушено. О действии грибов упоминал еще Джорджо Вазари, видный итальянский художник и искусствовед XVI века. Бомба, попавшая во двор монастыря во время второй мировой войны, превратила трапезную в груду развалин. Стена с фреской тогда чудом уцелела.

Миланский центр молекулярной биологии установил, что картина подвергается нападению трех ви-

Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Фрагмент.

дов микроорганизмов. Как нейтрализовать их?

В старинном монастыре состоится международный симпозиум, посвященный методике спасения «Тайной вечери» от дальнейшего разрушения.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

ТАБАК-УБИЙЦА

По данным, опубликованным медицинскими учреждениями США, почти 320 тысяч американцев ежегодно умирают и около 10 миллионов страдают серьезными хроническими заболеваниями из-за пристрастия к табаку.

«ФУТУРИСТ», США

АЙСБЕРГ НА БУКСИРЕ

Айсберги — огромные кладовые пресной воды. Уже не первый год разрабатываются проекты доставки ледяных гор в те районы Земли, где постоянно ощущается нехватка питьевой воды. Приводилось и приводится немало аргументов «за» и «против» этой идеи. И вот в газетах мира появились фотографии транспортируемого айсберга. Правда, его не намеревались использовать в качестве источника питья. Дело в том, что плавающие ледяные горы представляют большую опасность для морских нефтедобывающих платформ, число которых увеличивается с каждым годом. Недавно канадская компания «Петрокен» наняла два мощных буксира, в задачу которых входит «уводить» айсберги в сторону при их опасном приближении к платформе. На снимке вы видите, как буксирное судно тянет за собой ледяную гору высотой в 70 и длиной в 210 метров, вес которой достигает 9,5 миллиона тонн!

«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Судьба Гольфстрима

Сколько тепловой энергии переносит Гольфстрим на своем долгом пути? Полагают, что только прибрежная полоса Франции получает ежегодно столько же тепла, сколько его могут дать 30 миллиардов тонн нефти.

Протягивают свои руки к Гольфстриму и американские бизнесмены. С этой целью ими выдвигаются различные проекты. Один из них — превращение полуострова Флорида в остров. Для этой цели необходимо прорыть канал между Мексиканским заливом и городом Джексонвилем, и тогда теплые воды попадут в США.

Для Европы подобный проект опасен. По подсчетам ученых, французам, например, придется тратить в четыре раза больше энергии только для отопления жилищ. Морскому транспорту придется стать на прикол из-за замерзания портов. Но все это ничто по сравнению с той крупномасштабной экологической катастрофой, которая могла бы разразиться.

При выходе в открытый океан Гольфстрим несет в сутки 2160 кубических километров воды, что в 20 раз превышает расход всех рек на земном шаре. При подходе к Европе мощь Гольфстрима еще более возрастает, он не только ощутимо утепляет берега Северной Европы, но является важнейшим климатообразующим фактором для всей Европы. Если американцы проруют канал, то это, несомненно, сразу же окажет влияние на направление, скорость и температуру Гольфстрима. Последствия для Европы могут оказаться самыми плачевными.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

ПОЕЗД ЮНОСТИ

Музыка Олега ИВАНОВА

Стихи Льва ОШАНИНА

Рано или поздно все сугробы тают,
И ломают реки

старый лед.

Рано или поздно люди вырастают —
Вот и подошел он,
наш черед.

ПРИПЕВ:

А юность — это смелость,
А смелость — это почерк.

И мы найдем страницы
Для наших строчек.
Мы найдем дорогу,
Куда зовут рассветы
И где на поезд счастья
Берут билеты.

То, что нам сегодня все пока не просто,
Станет проще, может быть, потом.

То, что нам сегодня вроде не по росту,
Завтра мы с тобой перерастем.

ПРИПЕВ.

Мы пройдем по чащам,
по таежным рекам,
Мы откроем новый Саянск.

Ведь не зря, наверно, эстафету века
Нам с тобой доверил комсомол.

ПРИПЕВ.

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса и фортепиано с аккордами (Am, Dm, E7, G, F7, Am/C, E7/v, Dm, G7, Am²). Стиль: Подвижно.

Музыкальная партитура для фортепиано. Включает ноты для фортепиано с аккордами (C, E7, G, Dm, F, Dm/H, E7/v, Am, F7, Am², Dm, G7, Am²). Стиль: Подвижно.

КРОССВОРД

Составил Г. БЛОХИН,
Качканар
Свердловской области

Кроссворд с пронумерованными клетками для заполнения.

По горизонтали:

1. Метательное оружие австралийских аборигенов.
5. Советский физик-атомщик.
10. Аппарат для размножения текстов.
11. Областной центр РСФСР.
14. Французский писатель XIX века.
15. Двухколесная повозка.
16. Химический элемент.
19. Русский механик и изобретатель, создатель оптического прицела.
20. Овощ.
21. Молочный продукт.
24. Раздел математики.
25. Синтетический строительный материал.
28. Балет А. Адана.
30. Автомобильная дорога.
31. Герой комедий Бомарше.
35. Кондитерское изделие.
36. Сподвижник Степана Разина.
37. Отвесная скала.
40. Азиатская лесная антилопа.
41. Геологоразведочная работа.
42. Женское платье для верховой езды.
43. Соль угольной кислоты.

По вертикали:

1. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
2. Участник боя быков.
3. Военное подразделение.
4. Минеральная вода.
6. Моллюск, вредитель садовых культур.
7. Деталь гранаты.
8. Курорт в Иваново-Франковской области.
9. Незанятая должность.
12. Наука о вымерших животных и растениях.
13. Устройство для приема излучений космических объектов.
17. Луговая птица.
18. Садовый цветок.
22. Манильская пенка.
23. Специалист в области права.
26. Картина Леонардо да Винчи.
27. Краткая запись лекции, сочинения.
29. Термическая обработка металлов.
32. Армянский хоровой дирижер, народный артист СССР.
33. Старт космического корабля.
34. Казахский музыкальный инструмент.
38. Город на северо-востоке Франции.
39. Лиственное дерево.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

6. Торжество.
8. Чебоксарова.
11. Фенек.
12. Аларт.
13. Боженов.
17. Моевка.
18. Кальма.
19. Ритмика.
20. Статут.
21. Локоть.
22. Амирани.
23. Колчин.
24. Натура.
25. Гранада.
29. «Стено».
31. Круиз.
32. Акупунктура.
33. Столетник.

По вертикали:

1. Штрек.
2. Ариозо.
3. Пенсне.
4. «Старик».
5. Мойва.
7. Вероятность.
8. «Червото-чина».
9. Аппликация.
10. Драматургия.
13. Бартанг.
14. Житница.
15. Ниигата.
16. Окалина.
26. Рапсод.
27. Нансен.
28. Детант.
30. Окись.
31. Кроки.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.03.83. Подписано к печати 18.03.83. А 02656. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 876. Заказ № 368. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ДВА ЧАСА В ГОРКАХ

СВОЙ ПРЕЖНИЙ ОБЛИК ОБРЕЛ ДОМ, В КОТОРОМ В. И. ЛЕНИН БЕСЕДОВАЛ С КРЕСТЬЯНАМИ.

ЭКСПОНАТЫ МУЗЕЯ ПОВЕСТВУЮТ О ПЕРВЫХ ГОДАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

В МЕМОРИАЛЬНОЙ ЗОНЕ ВОССТАНОВЛЕНО И СТАРОЕ ЗДАНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ.

ТАКАЯ ЖЕ КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА ОСВЕЩАЛА ГОРНИЦУ В ТОТ ПАМЯТНЫЙ ЯНВАРСКИЙ ДЕНЬ 1921 ГОДА.

РАССКАЗ О ПРОШЛОМ НЕ МОЖЕТ НЕ ВЗБОЛНОВАТЬ ТЕХ, КТО ДУМАЕТ О БУДУЩЕМ.

Алексей ВОРОБЬЕВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Музея еще не было. Еще в двух шагах от каширского тракта, на холме, над широким оврагом, подгоняли строители венцы крепкого бревенчатого сруба. На том самом месте, где в начале века поставил свой пятистенок крестьянин Василий Шульгин. Еще и крыши не имела новая изба, а уже проступали ее первоначальные черты, очищенные от случайностей поздних переделок. Двор и дом обретали свой прежний облик, лишь молодые когда-то дубки уже не могли измениться. Они сплелись, срослись в единый ствол, закаменели вековой силой, глубокими морщинами пошла их кора. Эти деревья когда-то видели Ленина, и Ленин бросал на них свой острый взгляд.

...История эта хорошо известна, но Антонина Карповна Седова, заведующая музеем, всегда волнуется, рассказывая ее.

В январе 1921 года, в трудное, еще во многом неясное для крестьянина время, мужики подмосковной деревни Горки надумали пригласить на свой сход отдыхавшего неподалеку вождя

пролетарской революции. Владимир Ильич приехал на следующий день. В избу Василия Шульгина набилось человек шестьдесят, еще сотни полторы толпились на улице. Два часа говорил Ленин о положении в стране, а затем, глянув на издыхающий язычок керосиновой лампы, предложил крестьянам идею об электрическом освещении. Дескать, в Горках такая возможность имеется уже сейчас.

Взялись за дело дружно. И очень скоро вспыхнули в домах шестнадцатисвечевые лампочки, которые народ прозвал «лампочками Ильича». А вслед за Горками потянулись к местной электростанции провода от других деревень, люди уже не ждали приглашений и распоряжений, а сами спешили строить новую жизнь.

На эти шестнадцатисвечевки стоит оглянуться из нашего сегодняшнего далека. Чтобы увидеть, с чего мы начинали. Увидеть, какими мы были и какими стали.

...Антонина Карповна лотихоньку заполняла страницы своей общей тетради, записывала, что еще нужно музею. А перечеркивать их удавалось редко: многое требовалось достать, но число удачных находок медленно росло.

Необходимые в крестьянском хо-

зяйстве вещи изнашиваются быстро. И, исчезая в дальних темных углах, уносят с собой приметы своего времени. Которые за любые деньги не купишь ни в сельской лавке, ни в столичном универсаме. Без которых неуодушевленной стояла изба Шульгиных.

Заведующая музеем пошла по окрестным деревням и дальше, в соседний район. Тяжелый утюг на углях и глиняные махотки — крынки под молоко, цапальник — особый вид ухвата и старый чесальный станок, секач для лучины и грабли начала века — все это хозяева с радостью и удивлением находили в своем доме и, довольные, вручали Антонине Карповне.

Память у людей оказалась крепче, острее, чем можно было себе представить. Особенно когда узнавали, что вещи нужны для ленинского музея. Так появилась холщовая скатерть, старинная, узорчатая — для стола, где сидел Владимир Ильич. В Богданихе отыскался самовар, из которого, как клятвенно уверяла хозяйка, пил чай Ленин.

Множились записи в дневнике Седовой, у нее появилась вторая тетрадка, потом третья...

Нигде не было стекла для лампы «молния». А ведь именно она мигала последними каплями керосина в гор-

нице, где выступал Ильич. Тогда в одной из деревень Антонина Карповна раскопала умельца-стеклодува, поделилась своей заботой. Поохал тот, повздыхал, но стекло сделал. Точь-в-точь. И засветился огонь в горнице.

В проходной комнате стояли кровати, и одеялами застилались они ситцевыми, стегаными. На московской фабрике нашла Седова комсомолок Нину Ильину и Ригу Копылову, которые охотно, с радостью взяли за заказ музея, простегали одеяла, прихватывая по несколько часов после смены.

Дом оживал, согреться теплом многих людей. Более семидесяти предметов подарено музею, в каждом — крупица человеческой жизни, да не одной, не одного поколения.

Быстрым весенним ветром, что цепляется за ветви старого дуба и круто ныряет в овраг, пролетел над холмом целый год и оставил за собой теплый светлый пятистенок. Открылся музей. Люди приходят сюда и слушают взволнованный рассказ Антонины Карповны Седовой. Потом, уже на улице, притворив за собой низкую дощатую дверь, оглядываются на деревья нового сада, что обступил дом. И ни у кого не возникает сомнений, что сад этот скоро будет цвести. Очень скоро.